ПЮХТИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ПЕРВЫЕ ПЮХТИЦКИЕ ЧТЕНИЯ

Взаимодействие светской и духовной культуры

Материалы международной
научно-практической конференции

11–12 декабря 2012 года

Международная конференция проводится по благословению Его Святейшества Кирилла, патриарха Московского и всея Руси

Посвящается памяти схиигумении Варвары (Трофимовой) 1930–2011 гг.

Куремяэ, Эстония
2012

По благословению
Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Посвящается памяти схиигумении Варвары (Трофимовой) 1930–2011 гг.

Материалы печатаются по благословению
Настоятельницы Пюхтицкого Успенского
Ставропигиального женского монастыря
игумении Филареты

При поддержке Фонда содействия развитию науки, образования, культуры и реализации социальных программ «Северная столица», Благотворительного Фонда «Новомучеников и исповедников Российских», Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, Кохта-Ярвеского горуправления.

Взаимодействие светской и духовной культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. (11–12 дек. 2012 г. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, Эстония). – Куремяэ, Эстония, 2012. – 132 с.

ISBN 978-5-91143-556-1

В сборнике представлены статьи и доклады, посвященные духовному становлению личности на основе взаимодействия светской и духовной культуры. Представлены доклады теоретического, историко-педагогического и практико-социального содержания. Сборник адресован всем заинтересованным лицам.

К сборнику прилагается CD-диск кинофильм «Я долго буду с вами…» из архивов игумении Варвары Трофимовой.

ISBN 978-5-91143-556-1

© Пюхтицкий Успенский
ставропигиальный
женский монастырь, 2012

Схиигумения Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря

ВАРВАРА (Трофимова)

1930-2011

Московская Патриархия
УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

«06» 04 2012 г.

№ ПК-01/1071

115191, Москва, Даниловский вал, 22
Тел.: (499) 578 03 55, факс: (499) 578-03-54
E-mail: udsekr@patriarchia.ru

Её Высокопреподобию,
игумении ФИЛАРЕТЕ,
настоятельнице Пюхтицкого
ставропигиального женского монастыря

Копия: Высокопреосвященнейшему ФЕОГНОСТУ, архиепископу Сергиево-Посадскому, председателю Отдела по монастырям и монашеству

Ваше Высокопреподобие!

Настоящим сообщаю Вам резолюцию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА, положенную на Вашем рапорте от 10.04.2012г. относительно проведения конференции в декабре 2012г., посвященной памяти игумении Варвары (Трофимовой):

«03.VII.2012г. игумении Филарете:

Проведение в Пюхтицкой ставропигиальной обители научно-практической конференции на тему: «Взаимодействие светской и духовной культуры», посвященной памяти игумении Варвары, в указанные сроки благословляется».

С любовью о Господе,

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МИТРОПОЛИТ САРАНСКИЙ И МОРДОВСКИЙ + Варнава

Патриарх Московский и всея Руси КИРИЛЛ

Приветственное слово архиепископа Верейского ЕВГЕНИЯ

Ваше Высокопреподобие – матушка игумения, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА мне выпала честь возглавить открытие Первых Пюхтицких чтений – международной конференции, посвященной взаимодействию светской и духовной культуры.

Тема, которая была выбрана для обсуждения, является более чем актуальной. Речь пойдет о той роли, которую играет духовное наследие Православной традиции в деле воспитания молодого поколения.

Господь судил нам жить и трудиться в очень сложное и непростое время. Одна из его характерных черт – разнообразные социальные парадоксы и эклектика. Это время, когда в рамках одного общества могут уживаться совершенно противоречивые, порой друг друга исключающие настроения и тенденции. Яркий тому пример – отношение общественности к традиционным христианским устоям, представителям Церкви и к самой Церкви. Мы можем наблюдать, как в пределах одного и того же социального пространства действуют агрессия и ненависть по отношению ко всему тому, что связано с христианством, с другой же стороны сочувствие и его искренняя поддержка.

Как же современному человеку, подверженному влиянию разнообразных СМИ, разобраться в ситуации? Особенно же этот вопрос приобретает актуальность, когда речь идет о молодом поколении.

По словам святителя Феофана Затворника, таким жизненным компасом для каждого должна стать совесть. «Она указывает, что право и что неправо, что угодно Богу, а что не должно делать, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызениями». Только тот, кто сверяет свои поступки с этим внутренним цензором, не утонет в омуте безнравственности.

Однако, необходимо помнить еще один немаловажный факт. Одну только совесть нельзя сделать мерилом нравственности. Она сама должна иметь прочный фундамент. В противном случае о человеке можно будет сказать словами апостола Павла: «лжесловесники, сожженные в совести своей» (1Тим. 4:2).

Для нас, православных христиан, мерилом совести и нравственности является Христос. Именно этот «Камень» необходимо полагать в основа-

Архиепископ Верейский ЕВГЕНИЙ

ние, когда стараешься возвести строение собственной души. Именно с Ним человек должен сверять свои чувства, мысли и желания.

Именно поэтому, задача в воспитании молодого поколения, которая стоит перед нами, – привести их к этому Основанию, и лишь затем, как на благодатной почве, взращивать на Нем древо добродетелей. Только в этом случае нравственность не будет иметь инстинктивный характер. Она будет, насколько это возможно, укорена в сознательном опыте причастия Богу, святости. И если такой человек однажды оступится, упадет, он сразу сможет почувствовать всю мерзость греха, всю безнадежность и тоску безнравственного бытия и всеми силами постараться сойти с этой дороги.

Именно Церковь является хранительницей этого благодатного опыта причастия Христу и стяжания истинной нравственности. Она готова делиться этим опытом со всеми, кто к ней обращается.

Схиигумения Варвара, светлой памяти которой посвящена наша конференция, много сил, терпения, подлинно христианской любви положила на то, чтобы воплотить эту истину в жизнь. Делала она это, проявляя заботу о простых людях, приходивших в ее обитель в качестве паломников и просителей, но также проявляя заботу о деле просвещения, организуя различные собрания, конференции и форумы, посвященные вопросам воспитания и образования.

Сегодняшняя конференция это продолжение ее начинания и вместе с тем продолжение основной миссии Церкви в обществе – свидетельствовать о том «Камне», на Котором все мы должны основывать свою жизнь, чтобы становиться и оставаться подлинно нравственными людьми.

Еще раз сердечно приветствую всех участников, собравшихся из многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья, желаю помощи Божией в работе и призываю на всех Вас Божие благословение!

Настоятельница Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря игумения ФИЛАРЕТА (Калачева)

Приветственное слово настоятельницы монастыря игумении Филареты

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко ЕВГЕНИЙ!

Позвольте сердечно приветствовать Вас, досточтимых священнослужителей, уважаемых участников конференции и всех собравшихся сегодня здесь, в стенах Пюхтицкого монастыря, чтобы по благословению Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА провести первые Пюхтицкие чтения.

Мы рады тому, что продолжается традиция проведения конференций в стенах монастыря, начатая в 2002 году. Тогда в монастыре проходила международная конференция по вопросам духовно-нравственного воспитания учащихся, встречала гостей и произносила приветственное слово наша дорогая Матушка Схиигумения Варвара (Трофимова), памяти которой посвящены эти чтения. Знаменательно и то, что наша конференция приурочена к дню памяти святой вмч. Варвары.

Главным аргументом, к которому всегда прибегала Церковь, это не логические доводы и не рациональная аргументация – величайшей силой, которую Церковь использовала, преображая мир, была сила благодати Божией и сила молитвы.

Монастыри, особенно те, которые существуют не один десяток лет, как известно, являются хранителями православной веры и монашеских традиций. Монашествующие, как и сотни лет назад, служат Богу и людям, вознося молитвы о всем мире. Монастыри всегда были средоточием духовной жизни Церкви и от духовного состояния монашествующих во многом зависело духовное благополучие всей Церкви.

Влияние монастырей на жизнь людей во многом способствовало формированию образа благочестия. «Стяжи мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся», – говорил преподобный Серафим Саровский. Сам факт существования монастырей служит духовному просвещению – ведь к действующей обители всегда тянутся люди, а освященные места благотворно влияют на паломников, врачуя их души.

Приснопамятная Схиигумения Варвара, памяти которой посвящена сегодняшняя конференция «Взаимодействие светской и духовной культуры», была известной подвижницей веры и благочестия XX столетия.

Она родилась в маленьком городе Чудово, что на севере Новгородской области. Как и многие люди того времени, перенесла различные тяготы и лишения войны, в том числе эвакуацию, и в 22 года, молоденькой девушкой, поступила в далекую Пюхтицкую обитель, полностью посвятив свою жизнь Богу.

В 1968 году она была назначена настоятельницей Пюхтицкого монастыря и на протяжении сорока трех лет, до самой своей кончины, последовавшей в 2011 году, она твердо и с усердием исполняла это высокое и многотрудное послушание.

Подлинно христианское попечение о сестрах, приветливое отношение ко всем приходящим людям создали в монастыре особую атмосферу любви и мира. Ее праведная жизнь, ее молитвы и труды помогли донести свет и величие Православия до сознания сотен и тысяч людей, которые после общения с Матушкой воцерковлялись.

Мы живем в такое время, когда зло и грех откровенно умножаются в мире, становятся более агрессивными и навязчивыми, открыто и грубо диктуют людям свою волю, свой образ жизни. В этих условиях особенно возрастает значение таких людей, как наша Матушка Схиигумения Варвара. Такие люди никогда не искушаются видимым господством зла, но всем сердцем веруют Господу, сказавшему: «Мужайтесь, ибо я победил мир».

Еще раз, дорогие гости, разрешите сердечно приветствовать всех вас в нашей обители, поблагодарить за участие в первых Пюхтицких чтениях, пожелать помощи Божией и успеха в работе конференции.

Гладкий Ю.Н., Гладкая И.В.
(Санкт-Петербург**)**

РОССИЯ В ПОИСКАХ ОПЛОТА НРАВСТВЕННОСТИ И МОРАЛИ

Во все эпохи падение общественной нравственности и морали[1] вызывало у лучших умов глубокое чувство тревоги. Эту тревогу, кстати, разделяли и все религии мира, уделявшие проблемам морали самое пристальное внимание. Такое отношение легко объяснимо, поскольку мораль представляет собой некий «социальный капитал» (Ф. Фукуяма), определяющий степень жизнеспособности любой нации. Сама же мораль формируется главным образом в результате воспитания, в меньшей степени – в результате действия механизма сопереживания или адаптационного процесса.

Еще до так называемой «перестройки» известный советский экономист Леонид Абалкин как-то «полушутя» заметил, что он не очень верит в нее, «пока школьники пишут в лифтах матерные слова, бьют фонари и ломают дверные ручки». Ученый хотел подчеркнуть, что дело этой самой «перестройки» решается не только и не столько экономикой и финансами, сколько общественной системой, нравственной зрелостью членов общества, прежде всего – молодежи. Почему-то юным американцам (шведам, чехам, финнам etc.) практически не приходит в голову бить окна электрички или стекла автобусного павильона, резать кожаные сидения, раскурочить уличные телефонные автоматы и т.д. У нас же с проявлением подобной необузданной дикости можно столкнуться в любом населенном пункте. Многие взрослые были бы изрядно шокированы, услыхав матерный сленг, на котором сегодня изъясняются многие (независимо от гендерной принадлежности) учащиеся даже младших классов. Мы уже не касаемся мира их увлечений, музыкальных вкусов, пристрастия к табачному зелью и т.д.

В последние два десятилетия вал бездуховности, «антикультуры распространяется с быстротой эпидемии. Многие подростки буквально теряют себя в шаманизме «массовой культуры» под влиянием телевидения, утверждающего жестокость нравов, потребительское отношение к жизни,

---

[1] Во избежание двусмысленности в толковании ключевых категорий – «нравственность» и «мораль», заметим, что в науке не существует единства мнений по поводу их соотношения. Чаще всего эти категории трактуются как синонимы, хотя со времени Гегеля мораль (нем. *Moralität*, анг. moral, morality) и нравственность (нем. *Sittlichkeit*, анг. *morals, virtues*) иногда различаются (дескать, нравственность ассоциируется с внутренней установкой человека, в то время как мораль – с внешним требованием к поведению индивида, то есть, с «протезом нравственности»). В предлагаемом публицистическом опусе эти категории, связанные с различением добра и зла, отождествляются.

дурные вкусы. Для многих неокрепших душ истинным «кумиром» стал сегодня именно зомбирующий телеящик с его «бла-бла-шоу», эротической смычкой гламура с официозом, лицедеями и шутами, с его человеческими страстями, насилием и развратом, с безудержной рекламой предметов потребления. Для многих из нас непонятно, почему мировоззрение наших детей должны формировать не порядочные люди, а преступники, образы которых не сходят из экранов кино? При этом никто не призывает вернуться к «духовным ориентирам», которые предлагала советская идеология (об этом особый разговор) – речь лишь о том, что с утратой прежних ориентиров российская молодая поросль едва ли не растеряла вообще все ориентиры.

Кто же должен сегодня стать оплотом нравственности и морали учащихся? Ответ, казалось бы, предельно прост: *семья, школа, государство* и, конечно же, *церковь.* Повторим общеизвестную истину: традиционно главным институтом воспитания считается семья - никакой другой по длительности своего воздействия на личность не может сравниться с ней. В семье закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем наполовину сформирован как личность.

Однако существует и другая истина, заключающаяся в том, что роль данного института воспитания в определенных условиях сильно «притупляется». В озлобленном нескончаемыми социальными передрягами и имущественно расслоенном обществе нравственное очерствение проявляется особенно отчетливо, и это обстоятельство не может не сказываться на роли семьи в воспитании детей. Но если в обществе становится меньше людей, питающих естественное отвращение к бескультурью, хамству, человеческим порокам – то это общество нездоровое.

Конечно, следует помнить о том, что философы, психологи, педагоги разных эпох проблему «семья – оплот нравственности» рассматривали под «своим» углом зрения, который отражал «дух» своего времени. Так, роль семьи ставилась под сомнение не только целым рядом представителей общественной мысли в прошлом (Платон, Гегель, Т. Кампанелла, Ш. Фурье и др.), но и авторами последующих эпох (в частности, после революции 1917 г., когда задача формирования человека нового типа требовала непременного «разрыва» с семейным «консервативным» воспитанием). Нам, однако, ближе позиции тех (С. Т. Шацкий, П. П. Блонский, Н. Н. Иорданский, А. В. Евстигнеев-Беляков и др.), кто считал необходимым опираться на уникальные традиции семейного воспитания. В. В. Розанов отмечал: «… лишь семья, лишь она одна может воспитать в детях существеннейшие стороны культуры, привить её самые одухотворённые, эфирные частицы…» (3, с. 219); И. А. Ильин писал «Духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить ребёнку потребность в чистой любви, склонность к му-

жественной искренности и способность к спокойной и достойной дисциплине» (2, с. 31).

Ну, а что же современная школа? Увы, она (равно как и университет), сейчас не является государственным приоритетом. В российском варианте большинство муниципальных школ в провинциальной глубинке - фактически имеют статус «ничейных». Учеба в них дает постыдно мало, а равняться – фактически не на кого, поскольку почти все местные «богачи» - вчерашние «троечники, а то и «двоечники», хулиганы, не равнодушные к алкоголю и т.д. Да и сама школа устроена таким образом, что ей все труднее быть тем самым оплотом высокой морали и нравственности, чем она была в действительности при советской власти. Мы уже не говорим о том, что ей приходится все тяжелее мотивировать среднего ученика к самостоятельной мысли или действию. (Более того – школа иногда не только не мотивирует к творчеству, но и странным образом убивает эту врожденную, в той или иной степени присущую каждому ребенку тягу к осуществлению перемен).

В то же время задачи нравственного воспитания в российской школе сегодня актуальны, как никогда в последние десятилетия. Есть веские основания утверждать, что они не менее важны, чем задачи образования, ассоциирующиеся с большинством существующих школьных дисциплин. Между тем, непрерывного нравственного образования и соответственно базового и обязательного специального предмета по основам морали (с учётом возрастных возможностей и особенностей детей) в школах России до сих пор не введено, хотя необходимость этого очевидна.

Кстати, подобные предметы нравственного образования школьников имеются во многих, и не только развитых странах мира. Так, во Франции для старшеклассников преподается курс «философия морали», а для детей среднего возраста в рамках дисциплин «страноведение» и «граждановедение» имеется большой раздел об основах морали и национальных культурных традициях; в Великобритании издавна преподаются обязательные курсы морали, содержание которых зависит от цели нравственного воспитания; в КНР Китае практикуется всеобщее «исходное» обучение школьников морали в виде еженедельных специальных уроков нравственности в течение всего периода их учебы; школьные программы в США включают в себя вопросы нравственного воспитания, учащимся передают определённый объём моральных знаний, рассказывают о нормах поведения; в Японии курс «этики» преподаётся с 1 по 12 класс с 1868 г.(!) и т.д.

Мы далеки от мысли, что с реализацией программы систематического нравственного образования в течение всего периода обучения в школе с 1 по 11 класс (в экспериментальном режиме такую программу реализует Лаборатория нравственного образования Института общего среднего образования Российской академии образования) ситуация с нравственно-

стью учащихся волшебным образом сразу улучшится и школа станет настоящим оплотом морали и нравственности. Однако нельзя же забывать, что нравственное образование – обязательный и системообразующий компонент общего образования, во многом определяющий как уровень этической грамотности общества, так и качество его морального сознания.

Значительное и всеобъемлющее влияние на нравственные принципы людей всегда оказывали *религии*, мораль которых, кодифицированная в священных текстах, служила, и служит, источником вдохновения для многих миллионов верующих. При этом по сравнению с религиями, где практикуется многобожие, монотеистические религии чётче и жёстче определяют границы добра и зла.

Совершенно особое место в системе нравственного воспитания в России занимает РПЦ в силу исторических традиций, численности верующих и т.д. В свое время ею была принята, поддержанная общественностью России, *социальная концепция*, которая отражает место и роль церкви в обществе (данная концепция не вызвала отторжения в других конфессиях, и, напротив, - стимулировала работу над социальными концепциями ислама и буддизма). Кстати, несколько иная судьба ожидала официальный партийный документ «Единой России» - «Нравственные основы модернизации», в качестве которой партия власти провозгласила православную религию. Многочисленные критики данного документа считают, что он не только противоречит Конституции страны, которая закрепляет светский характер государственного устройства, но и является, дескать, общественно опасным, учитывая многоконфессиональность государства.

В действительности, этот документ отнюдь не противоречит Конституции РФ, и в нем имеются соответствующие ссылки на основной документ страны. Разве православие не является в течение многих столетий нравственной основой российского государства? Разве этикой православия не пронизаны многие его судьбоносные дни? Другое дело, что данный документ «сделан» сыро и непрофессионально, он декларативен по своей сути, так как не подкреплен правовыми «рычагами». Его появление на свет во многом обусловлено стремлением повысить рейтинг ослабевшей партии, заручиться поддержкой какой-то общественной силы, и такой силой может быть только церковь.

Ясно, что правящая партия несет изрядную долю ответственности за рост бездуховности в стране, а церковь не может быть «суррогатом» морали ни для какого режима – она остается консервативной в духовных и нравственных ценностях.

Так, может быть, главным оплотом морали и нравственности подрастающего поколения все-таки должно быть государство, оказывающее сильнейшее влияние и на семью, и на школу? Разве оно, чтобы сохранить действие нравственных правил, не обязано переводить последние в раз-

ряд общественной морали, а мораль – в административные, уголовные и другие законы? Разве в его функции не входит создание специальных институтов, которые должны следить за неукоснительным выполнением этих законов? И разве не обязанность государства – стоять на страже образцов нравственного поведения через печать, телевидение и другие каналы информации? (При рассмотрении вопросов взаимоотношений государства и морали часто упускают из виду тот факт, что, организуя, например, систему бесплатного образования, социальной поддержки малоимущих, пособия по безработице и бесплатную медицинскую помощь, бесплатную (но реальную!) защиту полицией и судами, государство тем самым демонстрирует высокие нравственные стандарты),

Правомерный вопрос, возникающий в этой связи, состоит не в том, должно ли государство регулировать вопросы морали и нравственности подрастающего поколения, а обязано ли оно создать специальный орган, который бы непосредственно отслеживал действия, которые идут вразрез с общественной моралью и серьезным образом посягают на права других людей?

Противники создания такого института, стоящего «на страже» нравственности, полагают, что существующие правовые акты уже якобы содержат полные запреты на осуществление тех действий, которые противоречат принципам общественной морали и нравственности. В качестве примеров обычно приводятся существующие запреты на распространение порнографии, клеветнической информации (ст. 242, 192 Уголовного кодекса РФ), пропаганду культа насилия и жестокости (ст. 4 закона «О средствах массовой информации») и др. Высказывается мысль о том, что сфера нравственности и морали лежит вообще вне осуществляемого государством правового регулирования по одной простой причине – она относится к духовной жизни общества. Поэтому, в соответствии со статьей 3 закона «О средствах массовой информации» чиновники (равно - государственные органы) лишены права осуществлять цензуру материалов и, соответственно, налагать запрет на их распространение, а также создавать и финансировать специальные рабочие органы и должности, имеющие отношение к цензуре.

С формальной точки зрения, подобная позиция вполне приемлема, но при этом возникают вопросы типа: если законом уже дана оценка действиям, идущим вразрез с общественной моралью, то кто должен осуществлять их регулирование? Кто, например, должен производить мониторинг СМИ, где безнравственность давно возведена в ранг «естественности»? Нам отвечают, что в новой системе органов государственной власти уже существует Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Но, что-то ничего не известно об эффективности работы данной службы в стране.

На осторожные намеки об организации более эффективного органа следует ответ, что «создание специального органа по вопросам морали в СМИ, кино, в сфере рекламы, таким образом, даст нам либо еще один орган с дублирующими функциями, либо поставит под сомнение свободу массовой информации, гарантированную Российской Конституцией» (2, с. 44).

Ссылки на соответствующие статьи уголовного кодекса, на наличие Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, на положение Конституции о свободе массовой информации и т.д. не отвечают на элементарный вопрос: почему на телеэкране в странах запада (например, в США) практически отсутствуют шокирующие сцены насилия и убийств (наносящие нравственные травмы не только детям), столь пошлая, как у нас, реклама, эротические картинки и т.д.?

В этой связи зададим следующий, не вполне корректный, но напрашивающийся вопрос: что нам дороже: существующие и многими порицаемые нормы Уголовного кодекса и (прости, Господи!) отдельные буквы Конституции, которые, увы, не в состоянии приостановить духовную деградацию молодого поколения, или состояние нравственности наших сограждан? Как известно, античный мир Греции и Рима, создававшийся более тысячи лет, рухнул не в последнюю очередь из-за падения нравственных устоев и морали. На «пепелище» древней Цивилизации появились полуцивилизованные-полу-варварские народы «темного средневековья», охваченные мглой невежества и фанатизма.

Хотим мы этого?

Список литературы

1. *Ильин И. А.* Душа ребёнка // Очаг. 1993, № 9.
2. *Марчевский А., Бойков Н.* Должно ли государство регулировать вопросы морали и нравственности путем создания специального органа? //Эксперт-Урал», 2005, № 11.

Рыбаков И.Е.
депутат Сейма Латвийской Республики
(Латвийская республика, г. Рига)

ДУХОВНОСТЬ КАК ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Понятие «хорошо и плохо», «добро и зло», «можно и нельзя» мы постигаем с раннего детства. Это вечная шкала ценностей, наш внутренний ориентир и цензор. Очень важно, чтобы он был основан на любви к Богу, людям и окружающему миру, на культуре и традициях наших отцов и дедов. Если система ценностей человека искажена изначально, или на протяжении жизни подвергается идеологической трансформации, это

приводит к негативным последствиям. Неслучайно у осквернительниц храма Христа Спасителя «Пусси райт» немало поклонников и последователей, особенно среди молодых людей.

Некоторые ученые небезосновательно считают, что мы живем в эпоху декаданса – духовного упадка, и в современном обществе происходит переоценка ценностей. На смену традиционным ценностям приходит новая религия – религия денег. В основном людьми сейчас движут материальные ценности. Они думают, что именно достижение материальных целей сделает их счастливыми. Духовность и нравственность отходят на задний план или вообще становятся лишними и вредными качествами, поскольку затрагивают совесть и мешают зарабатывать большие и «быстрые» деньги. С помощью нового идола – «дензнака» – в людях культивируется алчность, что неминуемо ведет к маргинализации и деморализации общества.

Воспитывать в молодом поколении духовность есть жизненная необходимость. В первую очередь это надо делать родителям. Юные неокрепшие души нуждаются помимо телесной пищи в пище духовной. Семья должна стать для ребенка примером праведности, чтобы дети не поддавались широкомасштабной «глянцевой» пропоганде средств массовой информации и массовой культуры, не поверили, что хорошая жизнь зависит от количества денег в собственном кармане, и что получать блага приятнее, чем жертвовать.

Как педагог я полностью разделяю мнение своих коллег о том, что в школе детям необходимо давать уроки духовной безопасности, ставить в пример поступки высокой морали, рассказывать о милосердии и самопожертвовании. Разумеется, сеять разумное, доброе, вечное каждый учитель старается в контексте своего предмета, но сакральные темы лучше всего обсуждать со священнослужителями, ибо духовные вопросы требуют высокого уровня знаний и умения их преподнести.

В начальных классах Резекненской 2-й средней школы, где раньше я работал директором и с которой до сих пор поддерживаю тесную связь, проводятся уроки по христианству. Эта программа востребована и малыши с удовольствием ходят на занятия, а ранний возраст позволяет им буквально впитывать в себя базовые духовные ценности. Также у школы налажены добрые отношения с православной церковью, с батюшками. Величественный городской собор Рождества Пресвятой Богородицы находится напротив школы и дети в учебных классах могут любоваться его куполами и слышать колокольный звон. Частый гость в школе – настоятель собора, благочинный Резекненского округа протоиерей Виктор Теплов.

В прошлом году духовные настоятели освятили обновленный школьный стадион с современным покрытием, а в минувшем мае окропили святой водой все кабинеты школы. Руководство школы очень надеется на то,

что в результате совместной работы коллектива школы, детей, родителей и духовных наставников у молодых людей сформируется внутренний нравственный стержень, который не позволит им переступить границы морали.

Многие дети вместе с родителями с раннего детства посещают церковь. Проводивший духовные беседы с учащимися школ и семьями «Маминого клуба в Резекне» отец Алексий Виноградов сказал: «Церковь – это не удел пожилых людей, а живой организм, школа жизни, в которую приходят люди независимо от возраста. Духовный и физический мир тесно взаимосвязаны и очень важно, чтобы наше молодое поколение знало, что двери храма открыты для каждого, ведь гораздо проще и надёжнее идти по жизни с Богом».

Работая в Сейме, я и мои коллеги по фракции целенаправленно отстаиваем проекты законов, ищем финансовые инструменты, связанные с поддержкой и восстановлением церквей, ведь многие религиозные объекты до сих пор находятся в бедственном состоянии.

Отрадно, что душой болеют за восстановление храмов депутаты местных самоуправлений, избранные от нашего объединения «Центр Согласия». В конце прошлого года по благословению Митрополита Рижского и всея Латвии Александра за усердные труды во славу Святой Латвийской Православной Церкви орденом святого священномученика Иоанна Рижского III степени был награжден мэр Зилупского края Олег Петрович Агафонов. При его содействии самоуправление, духовенство и прихожане смогли построить новый каменный Зилупский Кресто-Воздвиженский храм.

Старый деревянный храм сгорел во время пожара в 2003 году. По словам клирика Кресто-Воздвиженского храма иерея Андрея Семёнова, ни одна икона, ни один образ не погиб, не был оставлен в сгоревшем храме и сохранен. Спасали их все – стар и млад, независимо от конфессиональной принадлежности. «Поэтому здесь такая намоленность, и чувство благодатное сохраняется не только от того, что с любовью храм восстановлен, но и благодаря спасенным образам, сохранившимся от наших предков» - рассказывает отец Андрей. Зилупский храм, пожалуй, единственный в стране, где есть современная система отопления с регулировкой температуры помещения для сохранения икон и церковной утвари.

Другим позитивным примером служит открытие 2 августа этого года отреставрированного Храма во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» в Илзескалнсе Резекненского края, отмечающего в этом году своё 180-летие. В стенах его обрел упокоение герой войны 1812 года генерал-майор Яков Петрович Кульнев. Из-за несчастного случая в 1987 году огнем были полностью уничтожены внутреннее убранство, интерьер храма, сгорела крыша. Восстановили его общими усилиями при

участии Резекненского краевого и городского самоуправлений, где много наших депутатов, посольства России и Генерального консульства РФ в Даугавпилсе и добровольных жертвователей, в числе которых я и мои коллеги-парламентарии.

Верю, что скоро будет служить прихожанам и новая православная церковь в г. Балви, во многом благодаря стараниям ответственного за строительство – депутата Балвской краевой думы Ивана Александровича Баранова, проделавшего огромную работу и преодолевшего немыслимое количество бюрократических препон.

Свято-Успенской храм был построен в Балви в 1870 году, став центром распространения православия в округе. Многие поколения настоятелей и прихожан молились там, и храм пережил годы Второй мировой войны, хотя весь город был сожжен дотла. А в 1983 году храм вспыхнул, как факел, средь бела дня, и ничего спасти не удалось. Долгие годы службы проводятся в бывшем книжном магазине, помещении тесном и душном, но состояние души и крепость духа позволяют прихожанам терпеть неудобства во имя веры.

2 декабря 2005 года в Рижском Свято-Троице-Сергиевом монастыре в резиденции Владыки в присутствии Ивана Александровича было получено благословение от Высокопреосвященного Александра, Митрополита Рижского и всея Латвии на строительство православной церкви в Балви. Встреча эта состоялась по моей инициативе, и с тех пор не оставляю без внимания все связанные со строительством вопросы и проблемы.

В марте 2009 года Государственным агентством регионального развития Латвии было запланировано выделить на восстановление церкви целевую дотацию в размере 30 тысяч латов. Однако министр финансов Эйнарс Репше летом 2009 года это решение аннулировал и строительство церкви было приостановлено.

25 мая 2010 года состоялся визит в город Балви Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Латвийской Республике Александра Альбертовича Вешнякова. Благодаря его содействию была получена финансовая помощь в размере 10 тыс. латов, посредством которой удалось произвести перекрытие нижнего храма.

До ноября 2010 года благодаря пожертвованиям физических и юридических лиц были выполнены все работы по строительству нижнего храма, церковной школы и притвора, входящие в общий ансамбль церкви. С декабря 2011 года в России, Великолукском районе Псковской области, ведутся работы по изготовлению деревянного сруба верхнего основного храма. Губернатор Псковской области Андрей Анатольевич Турчак безвозмездно выделил на строительство храма 300 кубометров отборного леса.

Уже этой осенью община Балвского Свято-Успенского храма готовится к приему первых венцов деревянного сруба своей новой церкви из России. Сейчас наша команда решает все связанные с этим таможенные вопросы. Чтобы сруб собрать, возвести купол и провести внутренние работы, потребуется дополнительно 30 тысяч латов. Этот вопрос я буду решать на уровне парламента. Верю, что с Божией помощью все у нас получится!

Восстанавливая храмы, мы сохраняем их для будущих поколений, и это труд праведный. Уверен, что видя это и помогая родителям, наши дети никогда не посмеют надругаться над святынями, а будут бережно хранить их. И они устоят, не поддадутся искушению деньгами и прочими благами, ибо как сказал недавно Святейший Патриарх Кирилл, нет комфортабельного пути в неведомое будущее, потому что этот путь ведет в никуда. Подлинные цели и ценности человеческого бытия определены Богом и никому не дано их изменить.

Список литературы

«С Божией помощью», /http://ivans.ribakovs.lv/archive/events/s-bozjej-pomoschju/
«Сотрудничество с Россией продолжается»,
/http://ivans.ribakovs.lv/archive/events/sotrudnicestvo-s-rossiej-prodolzaetsja/
«Молебен в российской деревне Захарово»,
/http://ivans.ribakovs.lv/archive/events/moleben-v-rossijskoj-derevne-zaharovo/
«Новая церковь в Балви – работа продолжается»,
/http://ivans.ribakovs.lv/archive/events/novaja-cerkovj-v-balvi-rabota-prodolzaetsja/
«Благодатная память потомков»,
/http://www.pravoslavie.lv/index.php?newid=4591&id=6/
«Уроки духовной безопасности»
/http://www.panorama-rezekne.lv/obshestvo/uroki-duhovnoj-bezopasnosti/
«Обмен опытом первичных организаций СДП «Согласие» в Зилупе»
/http://ivans.ribakovs.lv/archive/events/obmen-opitom-latgaljskih-po-sdp-soglasie-v-zilupe/

Слободнюк Е. Г.
(Магнитогорск)

СМИРЕННОМУДРИЕ И РУССКАЯ ПЕДАГОГИКА РУБЕЖА XIX–XX ВВ

В раннем христианском учении смиренномудрие занимало особое место, поскольку не просто стояло надо всеми добродетелями, но было поднято на один уровень со страхом божиим: «О, человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих., 6:8); «Взыщите Господа, все смиренные земли, исполняющие законы Его; взыщите правду, взыщите смиренномудрие; может быть, вы укроетесь в день гнева Господня» (Соф., 2:3); «Брат говорит ему: а через какое дело человек доходит до страха Божия? Старец отвечает: по-моему чрез то, чтобы каждый унижал себя при всяком деле, и чтобы предавался телесному труду, сколько у него есть силы, до самого исхода своего отсюда и суда Бо-

жия». При этом смиренномудрие *могло* выступать как *приобретаемое* в процессе духовного воспитания/самовоспитания личностное качество: «Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры; не воздавайте злом за зло» (1 Пет., 3:8–9); «повинуйтесь пастырям; все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет., 5:5); «облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно» (Кол., 3:12–13).

К началу XX столетия вопросы о смиренномудрия продолжали волновать православную мысль. В сочинениях Иоанна Кронштадского мы можем видеть глубокие размышления о смиренномудрии в его связи с икономией. Однако если изначально связь смиренномудрия и икономии была аксиоматичной, то по прошествии тысячелетий наблюдается не то, чтобы разрыв, но определенное ослабление связи. Это проявляется в том, что смиренномудрие все больше утрачивает прежний высокий статус, а иногда и изначальный смысл (смиренная мудрость, противостоящая гордыне) и начинает восприниматься в первую очередь как цель и результат евангельского научения.

Мировоззренческий кризис, бушевавший в России рубежа XIX–XX вв., привел к тому, что многие из русских педагогов задумались о путях нейтрализации деструктивных процессов, способствовавших утрате цельности человеческой личности. Русская педагогика постепенно приходит к осознанию того, что христианская идея «восстановления» вполне применима и в области светского воспитания и образования. Правда, учитывая реалии времени, говорить о механическом переносе старых идей на новую почву не приходилось. С другой стороны, православные основания русской педагогики создавали благоприятные условия для возрождения традиции.

Правда, ситуация несколько осложнялась тем, что христианское крыло педагогической мысли России было далеко от единомыслия. В его состав входили и откровенные ретрограды, и разумные консерваторы, и умеренные либералы. Однако, несмотря на многочисленные несогласия, все сходились в одном – надо воспитывать личность в соответствии с заповедями евангельской педагогики. Другое дело, как воспитывать: по методикам, современным Нагорной проповеди, или все же немного иначе?..

Среди тех, кто придерживался второй позиции, видное место занимает П. Ф. Каптерев, который уже в начале «Истории русской педагогии» высказывает ряд критических замечаний следующего плана: «общество далеко не так влиятельно в постановке образования, как ему подобает быть; физическая сила на стороне государства, а оно до сих стремится рассматривать народное образование как простого служителя государства» ; «удовлетворить образованием ближайшие, непосредственные нужды го-

сударства и церкви недостаточно, нужно пойти дальше – образовать весь народ, просветить всю Русь школой, учением, дать подрастающим поколениям общечеловеческое развитие, сочетая его с национальными формами жизни» .

Весьма любопытны и наблюдения Каптерева по истории русской педагогической мысли. Он указывает на доминирование ветхозаветного идеала (церковный период): «Воспитательный идеал был ветхозаветный, суровый, исключавший самостоятельность и свободу детской личности всецело подчинявший детей воле родительской, не хотевший даже знать и считаться с вполне естественными потребностями детей в игре, смехе, веселье. Страх детского неповиновения и своеволия проникает в педагогические наставления» . Обратим внимание – страх божий, равно как и смиренномудрие, в рассуждении отсутствуют. Главный акцент сделан на проблеме подавления естественного начала.

Период государственной педагогии по Каптереву довольно своеобразно принимает эстафету от периода церковного: «Заимствования продолжаются и оказываются не менее значительными, чем в первый период <…> заимствуются и целые педагогические системы, и частные педагогические учения. Одновременно «церковь в деле образования настолько подавляется государством», что по сути «делается одним из органов государственного управления» в образовании. В результате кардинально меняется цель воспитания. Религиозная составляющая отходит на второй план; главное – воспитывать человека, ставящего превыше всего интересы государственные. А теперь обратим внимание на следующие тезисы: «Воспитываемая личность в государственный период выиграла очень мало» – «в семье отец по-прежнему был суровым патриархом, продолжавшим рано сгибать волю своих детей под свою властную руку <…>. В школе <…> детская воля сокрушалась как своеволие; по-прежнему о естественных потребностях детства, физических и, особенно, психических, заботились мало» .

Отсюда следует: 1) педагогические идеалы ветхозаветного происхождения и идеалы политические находятся друг с другом в типологическом родстве; 2) проблема восстановления личности для педагогики церковного и государственного периодов нехарактерна.

Что касается педагогики, формирующейся в общественный периоды, то здесь, по мнению Каптерева, мы имеем следующую картину: «Утверждена основная идея всего образования и воспитания – нужно прежде всего и больше всего воспитывать и образовывать человека, общее образование должно предшествовать специальному. При это больше и больше на первый план двигается личность образуемого и воспитываемого». Сравним, у А. Симонович и Я. Симоновича звучит следующая мысль о цели педагогики: «Воспитать поколение нравственное, здоровое и бодрое

душою и телом; поколение самобытное, энергичное, честное, трудолюбивое, заботящееся как о себе одном, так и о благоденствии других людей; поколение, не стоящее в противоречии с самим собою; поколение счастливое и стремящееся постоянно усовершенствованию жизни. Это цель коренная. Она вечна и неизменна для всех времен» . Если соотнести это рассуждения с характерным для начала XX в. обращением к проблеме воспитания нравственного инстинкта, которому отводится та же социальная функция, что и отдельным ветхозаветным установлениям, то возникают интересные параллели: всегда и везде баланс интересов между человеком и обществом, а также гармония человека с самим собой достигается только при условии соответствующего воспитания инстинктов. А учитывая православные корни русской педагогики, можно с уверенностью говорить, что в основании данных воспитательно-восстановительных тенденций лежит именно идея воспитания смиренномудрия, теснейшим образом связанная с педагогическим идеалом четвероевангелия и «синтетически» переосмысленная в соответствии с обстоятельствами рубежа XIX–XX столетий.

Так, тот же Каптерев, говоря, что время общественной педагогики призвано исправить недостатки церковного и государственного этапа, видит это исправление в синтезе, который должен включать ясное самоосознание проблем русской педагогики и эффективное использование опыта более просвещенных народов, наиболее эффективным для него представляется путь синтетический, объединяющий достоинства того и другого. Кроме того, в системе Каптерева немало места отведено осмыслению проблем собственно христианской педагогики в ее отношении к иным традициям, а также вопросам единства душевного и телесного. К примеру, Каптерев обращает внимание, что еще во времена Аристотеля «общий ход первоначального и дальнейшего воспитания» был теснейшим образом связан с вопросом соблюдения паритета между интересами тела и души .

Весьма любопытно, но К. Ельницкий, который, в отличие от Каптерева, не стремился к новациям, в вопросах отношения телесного и душевного занимает практически ту же самую позицию: «Как тело, так и душа питомцев подлежат воспитанию, отсюда и самое воспитание разделяется на *физическое* и *душевное*» .

На основании сказанного мы можем заключить, что русская педагогическая мысль, особенно ее христианское крыло, не просто формировалась под непосредственным влиянием новозаветной педагогики. И поиск баланса между свободой и принуждением, и многочисленные попытки определить действительный педагогический идеал, и теории формирования целостной личности были неразрывно связаны с начавшимся в России в те

годы процессом возвращения человека христианского к изначальной полноте своего существования, невозможной без смиренномудрия.

Список литературы

1. Древний патерик, изложенный по главам // Православная Библия и библиотека христианской литературы. – М.: ЭТС, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. *Каптерев П.Ф.* История русской педагогии. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 11, 16, 126, 286, 288, 556.
3. *Симонович А.С.* Практическое руководство к индивидуальному и общественному воспитанию малолетних детей. Т. 1. – Изд-е 2-е / А.С. Симонович, Я.М. Симонович. – СПб.: Изд-е Е.Н. Бороздиной, 1884. – С. 326.
4. *Каптерев П. Ф.* Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели. – СПб.: Изд-е редакции журнала «Русская школа», 1897. – С. 13.
5. *Каптерев П. Ф.* Идеи о первоначальном воспитании в классической древности. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – С. 12.
6. *Ельницкий К.В.* Основы начального школьного воспитания и обучения. – 3-е изд. – СПб.: Изд-е Д.Д. Полубояринова, 1899. – С. 12.

Ковалевская Е. В.
(Москва)

ДУХОВНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«Вначале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог»
Святое Благовествование от Иоанна [1]

Обучение, воспитание и развитие личности, *в рамках традиционного и проблемного типов обучения,* должно реализовываться *на трех уровнях: предметно-познавательном, коммуникативно-познавательном, духовно-познавательном* [5]. *Предметно-познавательный уровень – объективное начало* (уровень знаний) включает проблемы, проблемные задачи, проблемные ситуации, вытекающие из содержания предмета обучения, соотносимого с соответствующей наукой. *Коммуникативно-познавательный уровень – субъективное начало* (уровень умений) содержит субъективные проблемы, проблемные задачи, проблемные ситуации, вытекающие из процесса общения субъектов, обменивающихся предметными знаниями. *Духовно-познавательный уровень* (уровень знаний и умений) как самый высокий из двух названных уровней должен хранить в себе *объективное начало*, как предметный уровень, и *субъективное начало*, как коммуникативный уровень, включает проблемы, проблемные задачи, проблемные ситуации, рассматриваемые нами в свете аксиологического и личностно-деятельностного подходов.

Изучение *духовно-познавательного уровня*, *с позиции субъекта,* в контексте *аксологического подхода* [2], дает нам возможность выделить в нем *пять подуровней ценностей*: Я – ценности (личностный подуровень), моя семья – ценность (семейный подуровень), мой коллектив – ценности (коллективный подуровень), моя нация – ценности (национальный подуро-

вень), моя Земля, космос, вселенная – ценности (всемирный подуровень). Это уровень пространственных ценностей, выстроенных по степени расширения пространства от «Я – ценности до Земля – ценности».

Исследование *духовно-познавательного уровня, с позиции объекта,* как продукта и результата духовной деятельности *субъекта* в пространстве «от Я – ценности до Земля – ценности», в свете *личностно (субъект) – деятельностного (объект) подхода* И.А.Зимней [4], позволяет нам выделить *пять подуровней ценностей*: единица – ценность (подуровень единицы деятельности), средство – ценность (подуровень средства деятельности), способ – ценность (подуровень способа деятельности), условие – ценность (подуровень условия деятельности), цель – ценность (подуровень цели деятельности), определяющая развитие души человека как цели жизни на Земле, которая есть, по В.И.Вернадскому, продукт космоса [3].

Главное отличие в овладении или освоении духовно-познавательных ценностей в традиционном и проблемном типах обучения заключается в том, что *в традиционном* типе обучения овладение (о-владеть) духовно-познавательными ценностями происходит в процессе их *не проблемного традиционного изложения* преподавателем, а *в проблемном* типе обучения освоение (о-своение, сделать своими) духовно-познавательных ценностей реализуется *на пяти подуровнях проблемности деятельности субъектов – преподавателя и студента*: нулевой подуровень – не проблемное традиционное изложение духовно-познавательных ценностей преподавателем; первый подуровень – проблемное рассуждающее изложение преподавателем духовно-познавательных ценностей; второй подуровень – постановка преподавателем проблемы и ее решение студентом с помощью преподавателя; третий подуровень – постановка преподавателем проблемы и самостоятельное ее решение студентом; четвертый подуровень – самостоятельная постановка и решение студентом проблемы духовно-познавательного уровня.

Рассмотрение духовно-познавательного уровня с позиции субъекта (личности студента), объекта деятельности (деятельности студента), уровней проблемности деятельности субъектов (деятельности студента и преподавателя в решении проблемы), позволяет построить *модель обучения, воспитания и развития личности на духовно-познавательном уровне*. Идея построения этой модели соотносится с моделью классификации проблемных ситуаций в форме куба, разработанной А.М.Матюшкиным [6]. Наша модель имеет три основания: 1) основание субъекта – ценностей; 2) основание объекта деятельности – компонентов содержания деятельности; 3) основание уровней проблемности деятельности субъектов – преподавателя и студента.

Пересечение трех оснований, каждое из которых включает по пять подуровней, дает нам 125 вариантов. Например, для получения одного из

вариантов, можно выбрать: 1) на основании субъекта – ценностей – *национальные ценности*; 2) на основании объекта деятельности – компонентов содержания деятельности – *способ реализации национальных ценностей*; 3) на основании уровней проблемности деятельности субъектов – преподавателя и студента в решении проблемы – *самостоятельное решение студентом поставленной преподавателем проблемы способа реализации национальных ценностей* духовно-познавательного уровня.

Вполне естественно, что для построения данной модели необходимо провести *отбор текстов, содержащих проблемы духовно-познавательного уровня:* 1) на основании субъекта – ценности – личностные, семейные, коллективные, национальные, всемирные; 2) на основании объекта деятельности – компонентов содержания деятельности – ценность как единица, точка отсчета духовной жизни человека, ценность как средство существования семьи, ценность как способ жизнедеятельности коллектива, ценность как условие существования нации, ценность как цель жизни на Земле всего человечества; 3) на основании уровней проблемности деятельности субъектов – преподавателя и студента в решении проблемы – не проблемное изложение, проблемное изложение, решение студентом поставленной преподавателем проблемы, самостоятельное решение студентом поставленной преподавателем проблемы, самостоятельная постановка и решение студентом проблемы духовно-познавательного уровня.

Проблемы духовно-познавательного уровня, как известно, содержатся *в текстах*, которые являются *носителями культурно-религиозных ценностей*: с одной стороны, пословицы, поговорки, изречения великих «светских людей»; с другой стороны, тексты Святого Евангелия, в особенности – Заповеди и Притчи, и тексты «Жития Святых».

Предлагаемая *модель обучения, воспитания и развития личности на духовно-познавательном уровне* может стать основой построения содержания и процесса обучения в школе и в вузе различным учебным предметам, что позволит: *во-первых,* осуществить межпредметные связи на трех уровнях – предметно-познавательном, коммуникативно-познавательном, духовно-познавательном; *во-вторых,* «примирить» наукоцентрическое (предметно-познавательный уровень), антропоцентрическое (коммуникативно-познавательный уровень), «духовноцентрическое» (духовно-познавательный уровень) направления в современном образовании: *в-третьих,* определить пути отбора текстов – носителей культурно-религиозных ценностей, как основы построения предлагаемой модели.

Список литературы

1.*Святое Евангелие*. – М.: Сретенский монастырь; «Новая книга», 1977. – 576 с.

2.*Бердяев Н.А*. Смысл творчества. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 414 с.

3.*Вернадский В.И*. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.

4.*Зимняя И.А.* Педагогическая психология: Учебник для вузов. 2-е изд. доп., испр. и перераб. – М.: Издательская корпорация Логос, 1999. – 384 с.

5.*Ковалевская Е.В*. Генезис и современное состояние проблемного обучения (общепедагогический анализ применительно к методике преподавания иностранных языков): автореф. дис. … д-ра. пед. наук. – М, 2000. – 36 с.
6.*Матюшкин А.М*. Мышление, обучение, творчество. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2003. – 720 с. (Серия «Психологи отечества»).

Мальцева Т. В.
(Санкт-Петербург)

МОНАСТЫРСКИЕ СВЯТЫНИ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

«Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью», – писал русский философ Николай Александрович Бердяев [1]. Тема православия в русской классической литературе нашла отражение в деятельности современных научных школ, возглавляемых Валерием Владимировичем Лепахиным (Будапешт, тема «иконичность в русской литературе»), Иваном Андреевичем Есауловым (Петрозаводск, тема «евангельский текст в русской литературе»), Владимиром Алексеевичем Котельниковым (Санкт-Петербург, тема «православные подвижники в русской литературе»), Галиной Владимировной Мосалёвой (Ижевск, тема «храмостроительство русской словесности») и другими исследователями. Очень внимательно прочитаны и прокомментированы с точки зрения православного контекста произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого, Лескова и других авторов. Исследователями отмечено, что к идеям христианства эти писатели шли естественным путем, постепенно постигая глубины веры в ходе длительных размышлений. Именно ими уже были освоена библейская образность и евангельские сюжеты, осмыслены феномены старчества, иночества, монашества, монастыря. Средоточием этих феноменов в русской классической литературе стала главная монастырская святыня XIX века Оптина пустынь.

Иначе обстояло дело в XX веке. Литература рубежа веков, освобожденная от обязательств духовного наставничества, породила шеренги недотыкомок, патологических нигилистов, панэстетов, декадентов, пропагандирующих имморализм, то есть «право человека находиться по ту сторону добра и зла» [5, с. 207]. Отношение к религии этих авторов было сложным и, в основном, критическим. Атеистическая литература социалистического реализма вообще не предполагала осмысления духовной жизни человека в контексте веры. Поэтому единственным источником описания православных святынь и жизни монастырей в XX веке стала литература русского зарубежья – творчество писателей Ивана Шмелева, Бориса Зайцева, Алексея Ремизова, в котором оказалась сильна «струя

вспоминательная», по выражению Б. Зайцева. Их глубокая вера имеет иной источник, чем у писателей XIX века, – трагический. Ужас революции 1917 года и пережитые в связи с ней личные трагедии и утраты (был расстрелян единственный сын Шмелева Сергей, офицер добровольческой армии; погиб племянник Б. Зайцева) кардинально изменили духовный и художественный облик этих писателей. «Удивительного в этом нет. Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви (Само богослужение есть величайший лад, строй, облик космоса)...», – писал Б. Зайцев в очерке «О себе» [2, IV, с. 589]. Укрепление в вере или приход к вере для русских писателей-эмигрантов был не плавно эволюционным, а стремительным и даже искусственно ускоренным в силу особых обстоятельств революционных изменений жизненного уклада. Тоска писателей по покинутой Родине вылилась в совершенно конкретные воспоминания о русских святынях. Центром этих воспоминаний стал Валаам.

Детство и юность писателей, воссоздавших духовный облик Валаама, прошли не у его стен: Б. Зайцев, выходец из Орловского края, провел юношеские годы вблизи Оптиной пустыни и в Саровском лесу, где он охотился с отцом, не испытывая особенного трепета от близости к святым местам; москвич Иван Шмелев в детстве часто бывал в Троице-Сергиевой Лавре. Валаам Шмелев посетил 20-летним студентом, «шатнувшимся от церкви» во время свадебного путешествия осенью 1895 года, причем это место для поездки выбрала жена Шмелева. Но на чужбине оба писателя среди прочих произведений написали духовную прозу о Валаамском Спасо-Преображенском монастыре.

Осмелимся предположить, почему. Валаам – пограничье, это придавало ему особый статус в глазах вынужденных эмигрантов. До русско-финской войны Валаам находился на территории Финляндии, туда можно было приехать, находясь в эмиграции. Б. Зайцев посетил Валаам летом 1935 года и по итогам поездки написал очерк «Валаам» (печатался в 1935-36 годах в газете «Возрождение», издававшейся в Париже на русском языке). А Иван Шмелев летом 1936 года был в Прибалтике. И оба вспоминали одно и то же: «так близко Россия, а попасть нельзя» и как, протянув руку через колючую проволоку, взяли по горсти родной земли [6, с. 421]. Следует заметить, что Шмелев после посещения Валаамского монастыря в 1895 году написал цикл очерков «На скалах Валаама», но он был задержан цензурой, сильно урезан и вышел крохотным тиражом. И вот после появления очерка Зайцева, широко обсуждавшегося в среде русской эмиграции, Шмелев обратился вновь к этой теме и в 1935 году создал новую редакцию произведения 40-летней давности, напечатав ее под названием «Старый Валаам».

К русскому читателю эти произведения дошли спустя полвека, поэтому остались в стороне от общего литературного потока и не обросли чита-

тельским контекстом. Настоятельно нужно ввести их в обязательный круг чтения.

Обратимся к этим произведениям, воссоздавшим облик удивительной святой обители, берущей свое начало в XII веке. Валаам – настолько самодостаточное, устойчивое и выдающееся материальное и духовное явление русской христианской жизни, что у разных людей, посетивших его в разное время, вызывает схожие чувства. И И. Шмелев (увидевший Валаам 22-летним студентом), и 54-летний Б. Зайцев, пробывший на Валааме 9 дней через 40 лет после Ивана Шмелева, пережили глубокое эмоциональное и духовное потрясение, заставившее их отметить и описать практически одно и то же. Значит, облик и дух Валаама буквально водили рукой писателей, как будто Валаам сам уже и есть некий законченный локальный текст.

Строится повествование в обоих произведениях на природных контрастах и сопряжениях.

1. Самый очевидный контраст – контраст древней, дикой, мощной и бурной окружающей природы и спокойного внутреннего островного оазиса, уединенного «райского места», контраст мощи и тишины, томительной опасной дороги и обретенного убежища. Трудности прибытия на Валаам, которому препятствует буйство северной природы, ненастье, гремящая Ладога, «тяжелая свинцовая вода», «слои гранита и луды, выпирающие отовсюду», – как испытание, которое обязательно преодолевают паломники. Первое впечатление – неукротимость и мощь природы. Б. Зайцев: «Здесь бьют волны, зимой метели ревут, северные ветры валят площади леса. Все громко, сильно, могуче. Лес – так вековой. Скалы – гранит, луда…» [3, с. 157]. И. Шмелев: «Томительные часы проходят. Дождь переходит в ливень, визжит ветер, хлопают паруса. «Валаам видать!..» – слышу я. Слава Создателю... показался! Перед нами высокий темно-зеленый остров. Пеной кипит округ него озеро-море. <…> Ближе – остров дробится на острова. Видно проливы, камни, леса. Древностью веет от темных лесов и камней» [7]. Буквально на следующий день паломников потрясает тишина и умиротворенность валаамской природы: «Какой мир, какой воздух, как прекрасно плыть мимо редких камышей, за которыми вековой бор – сосны, ели столетние. И сколько зелени, какие лужайки! Все светлое, очень тихое и нетронутое», – пишет Б. Зайцев [3, с. 157]; «Вьются проливчики между скал, и вдруг <…> вынырнет из-за скалистого мыса весь сказочный какой-то, зачарованный островок. На нем сочная, нежно-зеленая трава, не хоженая никем, дремотная. Золотые на ней стрекозы, уснувшие в полете…. И тихие, светло-зеленые березки, белые-белые, дремотные. Не простые березки, а святые – так они чисты, девственны, детски-нежны. И видишь – грибы под ними! И грибы сказочные, дремотные. И сколько же раз, бывало, поднималось желание в сердце: «вот хорошо бы остаться здесь». Такое только во сне бывает: сказочное, дремотное – неземное. Или – заросли ка-

мыша, тихая-тихая вода, кувшинки, желтые, белые, – глубина, крепкий настойный воздух – с великих далей, с лесов и Ладоги. Такого воздуха нет нигде. Он до того прозрачен, что видно за проливом отдельные деревья, пестрые мхи на камне, трещины и "слойки"», – передает свои впечатления И. Шмелев [7]. Лейтмотив восприятия природы острова – сказочная нетронутость, пустынность, зачарованная тишина. Шмелев отмечает важную деталь дивного мира – это воплощенная иконопись, такой, какой ее воспринимает ребенок: «Новый, чудесный мир, который встречал я в детстве, – на образах, – стелющийся у ног Угодников: голубые реки, синеющие моря, пригорки, белые городки, озерки, плоские и кривые сосны, похожие на исполинские зонтики, и все – под белыми облачками-кудерьками... мир, в котором живут подвижники, преподобные, неземные... – мир Ангелов и небесных человеков. И этот забытый мир, отшедший куда-то с детством, – пришел, живой» [7].

2. Следующее, что потрясает паломников, – чудесное сочетание природного Валаама и Валаама рукотворного, не тронутой рукой человека природы и рукотворной красоты, вырастающей из нее. Рукотворный Валаам вкоренен в дикие скалы и древние леса без ущерба для природы. Монахи, например, специально закупали у финнов дрова, чтобы не рубить и не портить валаамский лес [3, с. 158]. Типичным для повествований становится такой эпизод: «на лужайке, окаймленной лесом, стоит бедная часовенка, совсем открытая. Огромная икона-картина «Моление о чаше» всю её занимает. Впечатление такое, что просто среди леса икона, едва прикрытая от дождей, – типичный валаамский уголок: божественное, окруженное природой, природа, знаменованная святыней» [3, с. 166]. Братия монастыря «во славу божию» устроила на острове буквально чудеса: скиты, часовни, собор, хозяйственные постройки, мосты, дороги, каналы, водовод, ферму, сады, мастерские – «слесарная, токарная, сверлильная, точильная, сушильная...– и всюду кипит работа, всюду визжат станки…», и «все, до последнего гвоздочка сами». «У нас в обители … рыбу из икры разводят, завод такой есть. И форель разводят, и сигов, и лосиков... Чего-чего только не делает братия у нас. У нас прямо целое государство, только духовное, конечно. И свечной завод, и кожи мочим, и скипидар гоним, и переплетная у нас есть, и лекарственные травы растим, и сукна валяем, и посуду обжигаем, скудельный заводик есть... и лесопильная, и конный завод, и граниты шлифуют, и мрамор полируют. Господь умудрил, и мастера-рабочие тянутся к нам, с питерских заводов да и совсюду… на слово Божие идут. Вот и живем, как царство» [7].

Особенно впечатляют паломников монастырские сады: «На камне – лудой называют на Валааме этот камень, – взошли сады. Правильными рядами идут раскидистые яблони, груши-дули, сквозные вишневые деревья – радость» [7]. Монах Гавриил 20 лет носил на руках на «плешивую»

гранитную гору землю, «все сам насадил…». Монахи 4 года строили водопровод – воду поднимают насосом из Ладоги «на тридцать сажен», для чего в гранитной скале прорубили 142 ступени. Водопровод был пущен в 1863 году. Господь умудряет братию овладеть любым ремеслом.

Рукотворны на Валааме материальные знаки памяти о святых праведниках – многочисленные кресты, часовни, скиты. Принцип их возведения – «природное в природном». Так построено большинство храмов. «На эту стройку много трудов положено, – рассказывает монах о Воскресенском храме. – Фундамент прямо в гранит врублен… иной раз и порохом приходилось взрывать» [3, с. 162]. Фундамент церкви из местного гранита, с местным же гранитом взрывом и сплавлен навечно. «Куда ни пойдешь на Валааме – всюду встретишь … крест гранитный или гранитную часовню. Зайдешь далеко в лес. Дорога неведомо куда уходит. Впереди лес стеной, камень-глыбы. Забываешь, где ты... – и вдруг на повороте, под широкой елью, как под шатром, – часовня. Дверь открыта; на аналое крест и евангелие; кадило, псалтырь, старинный, и благодатно взирает Богоматерь, или Спаситель, кроткий, призывает к Себе трудящихся и обремененных. <…> Необыкновенное чувство испытаешь, когда увидишь лесную часовенку такую: так вот будто и осветит, и дебри не хмурятся и не пугают глушью, а свято смотрят, в самую душу проникают…» [7]. И веришь, знаешь, что это все – Господне: и повалившаяся ель мшистая, и белка, и брусника, и порхающая в чаще бабочка». Лейтмотив сопряжения природного и рукотворного Валаама – «все – Господне», все гармонично соседствует.

3. Как ни в каком другом месте, в монастыре богомольцы ощущают особый ход времени. Все события и факты монастырской жизни освящены причастностью к библейской истории и придают им всевременный (или вневременной) характер. По образцу храма Гроба Господня в Иерусалиме устроена «Кувуклия» в валаамском храме святого Андрея: «В низеньком помещении, в глубине церкви кубической формы камень, красный гранит, образ того камня, что привален был ко входу в пещеру Гроба. Маленькая эта, темная комната называется Приделом Ангела – Ангел некогда отвалил камень. А в гранит вделана из ерусалимского камня частица. Таинственно тут, тихо. Нагибаешься вдвое, сквозь совсем низкую дверку входишь в еще высшее святилище: пещеру св. Гроба, точную копию того иерусалимского… Тут уж совсем темно. Только неугасимая лампада над гробом» [3, с. 162-163]. Богомольцы на службе в этом храме переживают те же чувства, что и верующие тысячи лет тому назад: «Придел Ангела был уже полон. Стояли плечом к плечу… Темно, тесно, жарко…но так тихо, что замерло все и соединилось в сопереживании того, что две тысячи лет назад совершалось в такой же вот тесной Пещере, с таким же камнем – отвалившись, перевернул он весь мир…» [3, с. 164]. После службы «у всех взволнованные лица, умиленные», у некоторых слезы. Все богомольцы как

будто стали хотя бы на время службы современникам первых христиан и ведь это не имитация, а живое чувство православного братства. Вся братия относится к святым, в память которых сооружены церкви и скиты, как «к знакомцам высшего мира». А что это могло произойти чуть не две тысячи лет назад, значения не имеет: «Точно вчера», – отмечает Б. Зайцев. Монахи рассказывая о храмах, которым служат, «стирают столетия и легенду», так что богомольцы оказываются как будто знакомы и с Николаем Угодником, и с патриархом Афанасием, и с легендарными святыми. Так, отец Милий, описывая фреску, посвященную святителю Николаю, очень по-человечески рассказал историю чудесного спасения младенца, которого родители случайно уронили из лодки в Днепр: «До того разговорились, зазевались, младенчик-то и упади в воду… И так ловко упал, его сейчас завертело, понесло, туды-сюды, ищут – где там! Утоп. Родители расстроились страсть как. Ну и подумать: собственно дите в пучину бездонную уронили. … Ну и что же вы думаете, утром пришел в церкву пономарь, убирает, к служению готовится – видит, под иконою Угодника младенчик… Этот самый и оказался, его Николай-то Чудотворец и принес, над горем над родительским смилостивился» [3, с. 190]. Сам отец Милий был «до последнего суставчика» восхищен добротой и милосердием Святителя, думается, что и путники никогда в жизни не забудут ни этот рассказ, ни молитву святому Угоднику.

Писатели, посетившие Валаам, приходят к одному важному выводу. Человека мучает и пугает вопрос смерти, ухода из жизни. Валаам дает примеры преодоления этого страха и перехода за пределы физических границ жизни. Открывается свет истины паломникам не сразу. Вот И. Шмелев на монашеском кладбище, где одинаковые «бугорки-могилки, поросшие травою. Весь Валаам из камня, много гранита и мрамора у него, но не видно надгробных памятников. Не любят иноки валаамские надгробий: память – богоугодное житие. У Господа – все на памяти» [7]. Вот видит круглый камушек на травяном бугорке, где написано, что некий послушник преставился 23 лет от роду. «Кто он, откуда родом, зачем пришел на это глухое кладбище в такие годы? «Меня еще и на свете не было, а уж он...!» – пробегает в душе печалью, и заливает радостное сознание, что я жив, молод, а впереди... сколько же впереди, всего!» [7]. Человек жаждет признания своих заслуг, а на Валааме все труженики безымянны, и трудовой, и духовный подвиг – общий. Рядом на кладбище «лежат голые каменные плиты. Все одинаковые, – как и те, что лежат под ними. Это могилы схимников, обитателей дебрей валаамских, скитов, пустынек». И непонятно молодому студенту, зачем оставили они жизнь и близких и ушли в леса и что от них осталось. Монах-провожатый объясняет, что от них «людям утешение», что «взыскуют у нас подвижников»: «Для подвига, для утешения, он уже выше мира обретается, подвижник-то, души ведет... Поглядите,

как к нашим схимонахам влекутся. Значит, душа желает очищения, а вы говорите – для чего такое. Нет, недаром они на подвиге стояли. Поживете – узнаете» [7]. И писатель делает заметку, что с тех пор «пожил я – и узнал, многое узнал. И как бы хотел теперь, через десятки лет с того августовского утра, найти крепко на подвиге стоящего, отрешившегося от всего земного, – благословиться». Его собственная душа «взыскует подвижника» и спустя 40 лет он делает вывод: «Бури, ливни, метели, – все едино: Валаам не остановит своей работы – служения «во имя»: подвижнических трудов, молитв». В этом смысл и цель существования святой обители.

При этом ни в ком из трудников или монахов монастыря любого ранга нет высокомерия, гордости от осознания своей избранности, собственной святости. Монахи жизнелюбивы, все принимают как дар господень, гостеприимны и щедры, хотя живут в крайней личной скудости. Очень показательны такие эпизоды в повествовании Б. Зайцева. Это описание Смоленского скита, где в крохотной келийке при церкви живет о. Ефрем, духовник братии. Путники с удивлением замечают гроб с поднятой крышкой, а в гробу подушку и постель. А у самой воды отцом Ефремом выстроена еще одна крошечная избушка, в ней иконы и тоже гроб. Один гроб для лета, другой для зимы, в них по очереди он и спит. «Но ничего страшного в этом нет, – замечает писатель, – о. Ефрем жизнерадостнее многих, спящих на роскошных кроватях» [3, с. 159]. В этом же очерке есть эпизод посещения Валаама Александром I, который приехал в обитель один, как простой богомолец. Александр хотел посетить отшельника схимонаха Николая, который жил в тесной лесной келии «три аршина на три», чтобы просить благословения и молитв. То было еще при настоятеле Валаама Дамаскине. Александр с одышкой пешком шел в гору, с трудом пролез в дверь хижины, скромно сидел на деревянном табурете у крохотного оконца. Николай предложил царю угощение – три репки со своего огорода, своими руками выращенные, – все, чем мог угостить. Репа была нечищеная. Благочинный Дамаскин спросил нож, чтобы очистить. Александр сказал: «Не надо. Я солдат, и съем ее по-солдатски». И зубами начал отдирать кожуру» [3, с. 180]. Эпизодов гостеприимства монахов, желания поделиться со странниками своей любовью к Валааму в очерках не счесть.

Валаам открывает паломникам и богомольцам самые простые истины, которые являются правилами монастырского общежития: важность совместной трапезы, совместной молитвы, совместного воздержанного жития, уважения к личности и вообще любой живой душе (на Валааме нет кнутов для лошадок). Жизнь обители – не показная, она проходит на глазах мирян, паломников и просто многочисленных туристов, но обитель открыта для мира, потому что ее добра и света «взыскует душа».

Список литературы

1. *Бердяев Н.* О характере русской религиозной мысли XIX века. – [Электронный ресурс]: http://www.magister.msk.ru/
2. *Зайцев Б. К*. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Русская книга, 1999-2000.
3. *Зайцев Б. К.* Валаам // собр. соч.: в 5 т. – М., 2000. – Т. 7 (доп.) Святая Русь. – С. 153-198.
4. *Любомудров А.М.* Образ православного монашества в русской классике // Валаамский монастырь. – СПб., 2004. – С. 245–261.
5. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ф. Ницше. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 203-264.
6. *Шмелев И.С.* Рубеж // собр. соч.: в 5 т. – М., 1998. – Т. 2. – С. 420-422.
7. *Шмелев И.С.* Старый Валаам. – [Электронный ресурс]: gumer.info›bibliotek_Buks/Fiction/Shmelev...val.php

Мосолов В.А.
(Санкт-Петербург)

ИДЕЯ ВСЕОБЩЕЙ ПЕДАГОГИКИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ

Данная тема представляется очень актуальной. Во-первых, она слабо разрабатывается в современной философско-педагогической и религиозно-философской науке. Общую или специальную педагогику традиционно больше связывают с воспитанием и обучением детей и молодежи. Причем речь обычно идет о семейном дошкольном и школьном воспитании и образовании. И даже когда выходят на масштаб космического или ноосферного образования, то все равно акцент делается на детях. Но ведь педагогика ныне захватывает и сферу образования и воспитания взрослых. И хотя в этом случае педагогика как бы превращается в андрогогику, собственно педагогические, в данном случае воспитательные смыслы, никуда не уходят, они остаются как данность.

Во-вторых, поскольку выдвигаемый здесь термин «всеобщая педагогика» рассматривается в свете христианского учения, постольку в центре оказывается обращение к христианскому, в значительной степени православному толкованию образа Всевышнего именно как Премудрого Педагога, Пастыря и Великого Наставника всего человечества. А духовно-преобразовательная, позитивно-воспитательная ценность религии сегодня фактически вернулась в лоно государством признаваемой образовательно-воспитательной аксиологии.

В-третьих, ныне актуален поиск подлинно ценностного отношения к природе, современных путей одухотворения ее. И этот поиск также не лежит в стороне от смыслов педагогики, чему уделяется в нашей статье определенное внимание.

В-четвертых, актуальность предложенной темы обусловлена реальным положением человека в современном социуме – положением, в котором причудливо и угрожающе сочетаются свобода и манипулирование сознанием людей. И переплетение этих двух феноменов современной жизни, конечно, обостряет проблематику воспитания и самовоспитания, саморефлексии человека.

Издревле у человека с детства до его кончины формировали четыре типа отношений: 1) к Богу, 2) к природе, 3) к людям и вещам, 4) к самому себе. В соответствии с этой логикой мы и выстраиваем свою статью. Но в порядке предварения отметим, что мы руководствовались двумя, кроме прочих других, идеями, принятыми нами близко к сердцу. Первая: жалок человек, берущийся любомудрствовать о Боге, не зная Бога. Вторая: тексты Священного Писания нельзя понимать так, как понимаются геометрические теоремы и фигуры.

Глубочайший и сокровенный смысл всеобщей педагогики, по сути, начинается со следующих ветхозаветных слов: «И знай в сердце твоем, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего» (Втор. 8:5); Господь «обличает и вразумляет, и поучает, и обращает, как пастырь – стадо своё» (Сир. 18:13). Причем, Господь учит не только тому, как праведно жить, исполнять Его Закон, но и как правильно и богоугодно, с любовью и умеренной строгостью воспитывать детей.

И в Евангелии Иисус Христос предстает как Премудрый Педагог, Воспитатель нового, внутреннего человека. Он действует и словом и делом: «И ходил Христос по всей Галилее, уча в синагогах их, и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мтф. 4:23). Вершина же дела Христа – это то, что он смертью своей и воскрешением своим смерть попрал, спас человечество, вселил в него надежду.

Раннехристианский мыслитель Климент Александрийский в своем тракте «Педагог», называя Христа Педагогом с большой буквы, отмечал, что «практика, а не теория область Педагога, не обучение, а нравственное утешение, вот Его цель, жизнь мудреца, а не ученого… Он и сам, – продолжает Климент Александрийский, – весьма ясно о себе сказал через Осию: «Я есть воспитатель ваш (Ос. 5:2). Педагогика же Его состоит в Божественной религии, в наставлении, как должно служить Богу» (4, с. 34).

Аналогичные мысли высказывали апостолы в своих посланиях, Святые Отцы христианской церкви, многие и многие религиозно ориентированные философы, педагоги, ученые-естествоиспытатели, писатели.

Размышляя в контексте христианского учения, нельзя не признать, что и природа является своеобразной воспитательницей, пусть не сопоставимой с педагогическим величием Господа, как в случае горшка и горшечника, но всё-таки воспитальницей. Согласно Фоме Аквинскому,

природа наставляет, обучает, воспитывает людей своими закономерностями, которые суть творения Господа. Витторино да Фельтре, итальянский педагог эпохи Возрождения, называл природу «всеобщей наставницей и подругой» (2, с. 368). Такие гении науки, как Г. Галилей, Дж. Бруно, И. Ньютон, М. В. Ломоносов, А. Эйнштейн, И. П. Павлов и др., не переставали восхищаться устройством природы Всевышним. Они считали, что природа воспитательно воздействует прямо, непосредственно и магически, хотя люди могут видеть в ней только «мастерскую». Не один выдающийся художник и музыкант говаривал, что произведения, создаваемые им, есть лишь слабый отблеск высшей, горней красоты.

О том же, что христианское учение признаёт человеческое общество многоликим педагогом, и говорить много не приходится. Например, кто такие пророки, как не воспитатели народа. Другое дело, что народ мог и может не услышать голос праведника. А библейские образы различных царей и их наместников разве это не образы национальных воспитателей? К тому же следует учесть, что первые властвующие лица это не просто отдельные индивидуумы, но олицетворения государственного устройства. За ними стоит государство как могущественный институт воспитания подданных или граждан. При этом важны сложившиеся взаимоотношения между элитами. Так, скажем, Ирод встревожился, когда ему сообщили о рождении Царя Иудейского, Иисуса Христа, и быстро собрал всех первосвященников и книжников народных, потом волхвам дал известное коварное задание (Мтф. 2:3,4,8).

Церковь, школа, семья играют огромную роль в воспитании благочестивого христианина. А за ними – опять-таки личности педагогов, т. е. соответственно священнослужителей, учителей, родителей. Вместе с тем в обществе все воспитывают всех. Это воспитание осуществляется через целенаправленное взаимодействие людей друг с другом, через прямое и опосредованное общение. Христианское учение как раз и направлено в значительной мере на то, чтобы воспитать в людях правильное, истинное, богоугодное общение друг с другом. Центром и вершиной этого общения является любовь к ближнему, которая, как таковая, есть одновременно и любовь к Богу.

Наконец, поставим вопрос: будет ли противоречить христианской вере утверждение о том, что субъект-субъектные и субъект-объектные педагогические взаимоотношения имеют место также и во внутреннем мире личности. Отвечая на этот вопрос рассмотрим прежде всего логическую триаду построения покаяния грешника, которую мы нашли в одной из образцовых православных методик под названием «Размышления и исповедь кающегося грешника». В этой методике кающийся грешник вначале характеризует некие идеальные качества христианина, затем сравнивает

себя с этим идеальным христианином и завершает свое покаяние молитвой к Богу.

Вот одна из примерных триад покаяния.

1. Христианин соблюдает во всем меру. Он не слишком снисходителен, не слишком строг, не слишком ласков и не надолго грозен. Он воздает каждому свое, справедлив без ласкательства и жестокости, а превосходство свое прикрывает смирением и любезностью.

2. А я – или смотрю на все сквозь пальцы или взыскиваю даже за мелочи или надоедаю своими ласками, или долго нахожусь в состоянии гнева, дарованиям завидую, в людях люблю находить слабые стороны и использую их в своих интересах, превозношусь над другими.

3. О, Боже, милостив будь ко мне грешнику, прости мои уклонения от благоразумия, правды и любви… Благодатью Твоей очисти и укрепи мое сердце (5, с. 63–64).

Что это, как не вид саморефлексии, известный в современной академической психологии диалог между Я – идеальным и Я – реальным, завершающийся обращением к Богу. Так называемое, рефлексивное Я, раздваивающееся в покаянии на Я – идеальное и Я – реальное, это своеобразный воспитатель в душе человека. Без «Я» невозможно самосознание человека. И вместе с тем, как указывали в своих творениях святые православные подвижники Григорий Палама, Сергий Радонежский, Нил Сорский, Феофан Затворник и другие, на высшей ступени лествицы духовного делания происходит сращение, утрата «Я» в Боге.

«Я» обращается в молитвах к Господу Богу, молит о нисхождении Святого Духа. И когда наступает момент моления самого Святого Духа за подвижника, то, как единодушно говорят христианские мудрецы, душа подвижника преображается. Так Святой Дух предстает Педагогом внутри личности человека.

Внутриличностными субъектами самосовершенствования можно, пожалуй, назвать ум и сердце как духовный орган человека. Ум в христианстве издавна считался кормчим души. Кстати, и Конфуций именовал его так. Без царя в голове, – говорили в православном народе о непутевых людях. Однако, нельзя везде и всегда доверять собственному рассудку. Понятие «сердце» встречается в Библии более 900 раз. Сердце – седалище любви, совести, стыда, долга и одновременно оно может быть лукавым, злым, иметь свои страшные глубины, заглянуть в которые нередко боится сам человек. Как научное понятие, сердце не признается современной академической психологией. Однако, если это понятие гипотетически изъять из христианской культуры, из религиозно-философских творений митрополита Иллариона, автора «Слова о законе и благодати», Сергия Радонежского, Феофана Затворника, Г. С. Сковороды, И. В. Киреевского, Н. Ф. Федорова, Вл. С. Соловьева, И. А. Ильина, да и даже из советской атеистиче-

ской поэзии, художественной прозы, педагогики, то вся эта гора мудрости и свидетельств человеческих вдохновений, скрытых и явных устремлений к богу станет меньше кочки на болоте. И обычные мирские люди не обходятся в своем лексиконе без слова «сердце». Они прислушиваются к зову сердца, следуют ему или противятся, отдают и принимают сердце… Концепт и образ сердца сыграли немалую роль в историческом самоутверждении православия как конфессии. Старец Силуан учил, что счастье в нашем сердце, если его там нет, то нигде не сыщешь.

Как учат Святые Отцы, после грехопадения наших прародителей в человеческом сердце появился потенциал влечения к теням ложно понимаемого блаженства. Следствием этого влечения, этой суеты, возбуждаемый лукавым воспитанием в душе человека, – говорит Иоанн Златоуст, – являются страдание и уныние, хаос в душе человека, смятение, страх перед жизнью и смертью.

В современной православной учебной литературе в связи с приведенными словами Златоуста отмечается, что они отражают фактически и нынешнее состояние невротической личности, знак XX и XXI столетий. Это глубинный исток пьянства, наркомании, эгоцентризма, бесконечного гедонизма, депрессий, раздражений, гневливости и проч. Вылечить от всего этого берутся психотерапия и практическая психология. Они как бы хотят создать цветущий сад на трухлявом пне (3, с. 55).

На мой взгляд, христианская вера подсказывает, что лучше уповать на самокритичный и честный диалог «Я» с «сердцем», чем на некое выжидаемое вопрошание «Я» к «подсознанию», трактуемому в некоторых современных научных трудах чрезвычайно широко и наделяемому чертами своеобразного демиурга судьбы, болезней и здоровья человека.

Нашему времени характерна тенденция чудовищно поверхностного рационализма и техницизма одних и тончайших узких специализаций других. Конечно, есть и другая тенденция – гармонизации знания и божественного просвещения, но слишком уж она имеет «тихий» голос на фоне «орущей» и «визжащей» первой тенденции. Впрочем, скорее всего так должно и быть. Голос добра, правды, совести, любви не громкий. Он не возмущается ни тем, что ученый идет от науки к вере, ни тем, что верующий хочет понимать, скажем, аргументацию нынешних эволюционистов. «Бог дал людям голову не для того, чтобы они постоянно ломали ее над тем, как найти все более и более быстрое средство передвижения из одной страны в другую» (1, с. 26).

Обобщая, подчеркнем, что, если человек от рождения до кончины погружен в реалии всеобщей педагогики, в воспитательные смыслы, идущие извне и изнутри его души и зачастую противоречащие друг другу, ибо в этих реалиях добро и зло причудливо переплетаются, то, воистину, нет другого спасительного пути, как только духовно-нравственное возраста-

ние человека, его постоянное бдение. А этот путь ведет либо к добродетелям с Богом, либо без Бога. Какой путь выберет современный человек, стремящийся к «личностному росту», – это во многом проблема его свободы воли, дарованной изначально свыше. Немало ведь тех, кто вообще не озабочен никаким духовным ростом, ибо они довольны собой, успешны, горды или просто борются за физическое выживание. И все же никто из людей вселенски не брошен. В этом пункте ныне, пусть робко и осторожно, но все больше и основательнее сходятся религия и наука, идущая к Богу, кажется, через принятие «космического разума».

Список литературы

1. *Блаженной памяти старец Паисий Святогорец.* Об образовании и знании. М., 2011.
2. Воспоминания учеников и современников о Витторино да Фельтре // Образ человека в зеркале гуманизма (XIV–XVIIвв.). М., 1999.
3. *Дворецкая М. Я.* Святоотеческая психология: Программа курса и конспект лекций. – СПб.: Общество памяти Игумении Таисии, 2000.
4. *Климент Александрийский.* Педагог // Антология педагогической мысли христианского Средневековья / сост. В. Г. Безрогов, О. И. Варьяш. Т. 1. М., 1994.
5. Размышления и исповедь кающегося грешника. Изд-во Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 1909.

Зарецкая А.Ю.
(Тверь)

ЛЮБОВЬ КАК КАТЕГОРИЯ СВЕТСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Утверждение «любовь» – педагогическая категория, спорное для современного светского ученого-педагога, не вызывает сомнений у верующего педагога-практика, к тому же и на обывательском уровне (в размышлениях родителей и детей) «любовь к детям» один из приоритетных показателей профпригодности педагога.

Существует ли на самом деле рассогласование в понимании любви и ее роли как ключевого профессионального качества в светской и религиозной педагогической науке и практике?

Полагаем, что данное рассогласование в официальной педагогической науке и практике (как светской, так и религиозной) в весьма большой степени искусственно созданная проблема: не выделяемый и не описываемый в строгом понимании педагогической категории в современных учебных пособиях по педагогике термин «любовь», подменяется более часто и активно используемым термином «эмпатия».

Вместе с тем, выделение любви как профессионально значимого качества педагога детерминировано исторически, и пионерами в данном во-

просе, безусловно, являются системы воспитания, опиравшиеся на религиозные системы ценностей и возникшие еще до нашей эры и в более поздние периоды: педагогика иудаизма, христианская педагогика, гуманистическая педагогика, несмотря на то, что причина выделения данного понятия в качестве основы религиозной воспитательной системы у них разная.

Так в иудейской традиции детерминированная мессианскими ожиданиями любовь к ребенку является скорее «побочным» продуктом и выглядит весьма неискренней, обесценивающей весь педагогический потенциал любви к воспитаннику в связи с тем, что любят не самого ребенка как такового, а его возможность стать, если уж не Мессией, то, по крайней мере, частью рода, из которого Тот произойдет.

Для христианской педагогики, восстанавливающей в процессе образования в человеке образ и подобие Бога, Который и есть Любовь, рассмотрение любви в качестве центральной педагогической категории, неоспоримо, но вместе с тем, наполнено иным новозаветным содержанием. В трактовке Христа исполнение заповедей Декалога, сведенных Им всего к двум новозаветным законам (любви к Богу, и любви к ближним) – доказательство (посредством послушания Богу) своей к Нему любви, в чем и достигается богоподобие как цель и смысл жизни верующего человека. Более того, любовь отныне объявлялась отличительной чертой последователей Христа: «Да любите друг друга: посему узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой».

Однако, в христианской педагогике можно отметить два пути осмысления любви как педагогической категории: восточное (в том числе воспринятое русской религиозной педагогикой) и западное (выразившееся в гуманистической парадигме, зародившейся в эпоху Ренесанса).

Исследованные Миропольским С.И. (7) письменные источники, свидетельствуют о том, что идеалом на Руси выступало «воспитание в духе любви» (7, с. 83), и что «наши предки хорошо разумели величие закона благодати пред законом Моисея» (там же). «Идеалы ветхозаветные – воспитание жезлом, розгою, суровостью – явились позднее» (там же).

В западной традиции идея любви к воспитаннику получила свое развитие в гуманизме эпохи Возрождения. Как симбиоз языческого и христианского в отношении к человеческой природе он подготовил почву для представителей более позднего периода – гуманистов XVIII –XIX вв., которые под влиянием воодушевивших их натурфилософских и революционных идей, исказили первоначальное значение гуманизма, упразднив вызвавшую его к жизни первопричину – веру, религиозность. Таким образом, гуманистическая идея ценности человека извращенная до самоценности позволяла оправдывать любые действия, предполагающие получение незначительной, кратковременной выгоды для субъекта, порой с забвени-

ем о духовно-нравственных ценностях и основах его жизни, что привело к оправданию жертв жизнью и благополучием одних людей в пользу других.

Однако, даже во времена таких настроений педагоги отстаивают идею любви как основы воспитания. Так, священномученник Фаддей (Успенский) архиепископ Тверской (12, с. 57) указывает отличительные качества любви к детям: постоянство, терпение и самоотвержение – как профессионально значимые для учителя по призванию, и, не ограничиваясь лишь православной традицией, приводит в пример Песталоцци.

И сегодня полагаем возможным, более того необходимым и психологически обоснованным (современные инновации в области педагогики, активно опираются на психологические исследования), введение самого термина «любовь» и ее истинного смысла в качестве педагогической категории в светскую, отмежевавшуюся от религии, науку о воспитании и обучении, таким образом, обеспечив потенциальную возможность ухода от экстремизма, захлестнувшего современный мир. «Ведь насилие в воспитании обязательно трансформируется в насилие в обществе» (3 , с. 356).

Психологическое обоснование любви как условия гармоничного развития личности дано как светскими психологами: О.А. Карабановой (4), А.Маслоу (5), А.С. Спиваковской (9), Э. Фроммом (11); так и современными исследователями, специализирующимися на интеграции теологии и психолого-педагогических наук: М.Я. Дворецкая (1), С.Ю. Дивногорцева (2, с.18), М.Н. Миронова (6).

Потребность в любви у человека, по мнению А. Маслоу, неизбежно возникает при удовлетворенности более низших потребностей: физиологических и потребности в безопасности (5,с.65).

В работе Э.Фромма (11), созвучной трудам митрополита Антония Сурожского (10) наиболее полно и подробно рассмотрен феномен зрелой формы любви – любви как бытия. Она предполагает при отказе личности от философии потребления, желания эксплуатировать других и преодоления нарциссизма, дисциплину как требовательность к себе; сосредоточенность, умение слушать партнера, жить настоящим, ощущая жизнь в каждом ее мгновении; терпение и труд над обретением мастерства. Характеристиками любви, по мнению Э.Фромма (11), выступают также ***сохранение целостной индивидуальности*** *партнеров* (способности к самостоянию, непрерывному личностному росту), являющееся не самоцелью, а необходимым условием для проявления любви; и ***продуктивная личностная направленность*** как способность строить отношения с партнером преимущественно по принципу «отдавать, ничего не требуя взамен», обогащая другую личность и одновременно подтверждая себе и другим ценность собственной жизни.

Любая форма зрелой любви, по мнению Э.Фромма (11), и вслед за ним и Дворецкой М.Я. (1, с. 106), включает ряд общих компонентов, тесно свя-

занных между собой: ***ответственность*** как свободу выбора принятия заботы о партнере, готовность к самоотдаче и утверждении себя (Я) в другом (Мы), без присвоения права личности принимать решение за другого и манипулирования партнером; ***уважение*** партнера как признание его права на выбор собственного жизненного пути и своей судьбы; и веру в то, что партнер способен осуществить ответственный разумный выбор; ***знание*** потребностей, интересов и стремлений каждого, открывающееся в процессе децентрации, с учетом различных познавательных перспектив; ***заботу*** о партнере как проявление способности отдавать, не связанной, не регламентированной соображениями выгоды и эквивалентности обмена, проявление истинной сути бытийной любви.

О.А Карабанова (4), вслед за А.С. Спиваковской (9), делает акцент на значении и роли родительской любви к ребенку в семейном воспитании.

Однако, в условиях социальной ситуации развития старшего дошкольника, посещающего подготовительную группу ДОУ, и младшего школьника, когда педагог становится референтным – более значимым, чем родители, взрослым, вопрос отношения педагога к ребенку становится особо актуальным. В связи с этим в светских учебных пособиях по педагогике делаются первые попытки ввести данную категорию, без определения ее содержания. Так, в одном из них любовь к ребенку фигурирует как одна из характеристик «учителя нового типа» (8, с.34); а в другом любовь выделяется в качестве «сущности жизни» (3, с. 29) и условия развития здоровой самооценки воспитанника (3, с. 354).

В учебном пособии «Происхождение человечности» В.Д. Шадрикова (13), любовь к ученику не только названа как качество, возвышающее педагогические способности до духовных (13, с. 238, 241) но и определена как «способность к единению с учеником и отождествление себя с ним», сочетающаяся «с заботой о его будущем», и направленная «на то, чтобы избавить ребенка от страдания» (13, с. 243).

Деятельная направленность любви педагога к ребенку как основа профессиональной пригодности, на наш взгляд, позволяет говорить о любви как педагогической категории и дать собственное определение:

Деятельная любовь понимается нами как *творчески ответственная жизнеспособность бескорыстно и самостоятельно (то есть автономно, независимо) удовлетворять созидательные потребности собственные и окружающих людей* (то есть способность быть жертвенным).

Список литературы

1. *Дворецкая, М.Я.* Святоотеческая психология: учеб. пособие / под общ. ред. Е.К. Веселова. – СПб.: Русская симфония, 2005. – 168 10с.
2. *Дивногорцева С.Ю.* Теоретическая педагогика: учеб.пособ. М: Изд-во ПСТГУ, 2004. 195 с.
3. Духовность человека: педагогика развития: учеб. пособие/ Н.В. Михалкович [и др.]; под. ред. Н.В. Михалковича. – Мн.: Тесей, 2006. – 400с.
4. *Карабанова, О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. - М.: Гардарики, 2007. – 320с.

5. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с. – (Серия «Мастера психологии»).
6. *Миронова М.Н.* Категория «развитие» в психологии и христианской антропологии// Московский психотерапевтический журнал, 2005, №3, стр. 75-98
7. *Миропольский С.И.* Очерки истории церковно-приходской школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,2006.- 48 с.
8. Педагогика: учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – 4-е изд. – М.: Школьная Пресса, 2004. – 512 с.
9. *Спиваковская, А.С*. Психотерапия: игра, детство, семья. Т. 2. – ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999 – 464с. (Серия «Психология XX в»)
10. Таинство любви/ митрополит Сурожский Антоний. Труды. – М.: «Практика», 2002. – 1080 с.
11. *Фромм, Э.* Искусство любви. Исследование природы / пер. с англ. и предисл. Л.А. Чернышовой. - М., 1990 – 157[2]с.: ил.
12. *Фаддей (Успенский),* архиепископ Тверской Творения [Текст]. Книга II. Записки по дидактике. – Тверь: издательство БУЛАТ, 2003. – 335с.

Белова А. В.
(Тверь)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ В СВЕТСКОМ ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Как нормативные документы, так и субъективные источники отводят большую роль в институтской детской повседневности конца XVIII – середины XIX века соотношению религиозного и светского воспитания. На фоне усвоения российским дворянством отдельных особенностей западноевропейского культурного наследия национальная идентичность выражалась почти исключительно посредством конфессиональной причастности к православному вероисповеданию [1]. Однако советская историография заменяла постановку этой проблемы простым утверждением, что возникавшие в конце XVIII в. в России «институты благородных девиц», включая Смольный, представляли собой «светские школы для женщин» [2]. С правотой данного утверждения так же трудно не согласиться, как и оставить без внимания тот факт, что незнание основных молитв и десяти заповедей [3] становилось препятствием к поступлению, например, в Екатерининский институт.

В Смольном в соответствии с «Уставом воспитания благородных девиц» педагогические усилия учительниц были направлены на наставление воспитанниц «в основаниях благоразумия, добронравия, благопристойности, благородной, а не принужденной учтивости и всех добродетелей» [4]. Эти «изящные качества» девочки и девушки должны

были сочетать «с пристойною и благородною скромностию в поведении, в осанках приятных, в разговорах вежливых и разумных и в ласковых поступках». Госпожам надзирательницам и учительницам надлежало следить за тем, чтобы поведение воспитанниц даже в самых казалось бы обыденных ситуациях, например приема пищи, соответствовало светскому стандарту. Принятая в то время в большинстве случаев публичность и коллективность трапезы, даже в пределах семейного круга, исключала ее восприятие как атрибута частного пространства, что, в свою очередь, побуждало к формированию определенных навыков светского позиционирования себя, в том числе и за едой. В целом идеей именно светского воспитания были проникнуты многие положения «Устава» Смольного института. При этом большое значение придавалось формированию у воспитанниц этикетных навыков общения, по которым впоследствии судили о качестве полученного дворянками образования.

Тем не менее, согласно тексту того же устава, «первое попечение надлежит иметь о вере», а значит формальные приоритеты отдавались религиозному воспитанию, целью которого было «заблаговременно посеять и вкоренить в сердцах благоговение, то есть, безмолвное почитание христианскаго благочестия» посредством регулярного посещения церкви и слушания Евангелия. «Смольнянка» (термин мемуаристки А.В. Стерлиговой) Е.Н. Водовозова подтверждала: «Наше воспитание отличалось строго религиозным характером». Особое внимание уделялось исполнению воспитанницами ежедневного молитвенного правила – утренней молитвы до начала занятий и вечерней перед отходом ко сну (об этом сообщают, в частности, мемуаристки Г.И. Ржевская, А.В. Стерлигова, А.Н. Энгельгардт, Е.Н. Водовозова). Продолжительность сна зависела от возраста девочек/девушек и составляла для первого класса 9 часов, для второго – 8, для третьего – 7½, для четвертого – 6½. Тем самым юных дворянок приучали к бодрствованию как важному с христианской точки зрения элементу душеспасительной жизни [5].

Вне зависимости от возраста все воспитанницы должны были подниматься утром в одно и то же время, причем достаточно рано – в 6 часов. Как и ранние подъемы девочек, воспитывавшихся дома и занимавшихся с гувернантками, институтские «пробуждения» также воспринимались неизменно негативно и оставались едва ли не самым неприятным детским впечатлением.

Мемуаристки, воспитанницы петербургского (А.В. Стерлигова) и московского (А.Н. Энгельгардт) Екатерининского и Смольного (Е.Н. Водовозова) институтов, в унисон сокрушались о невозможности привыкнуть к дисциплинирующе-репрессирующему воздействию «раннего вставания». Однако, несмотря на негативное отношение и нервирующее влияние на психику, такое начало дня со временем непроизвольно входило в привыч-

ку девочек, повседневная жизнь которых с детства подчинялась устойчивому, «жесткому» распорядку («И так неизменно, изо дня в день, как заведенные часы» [6]). Впоследствии эта привычка оказывалась востребованной во взрослом возрасте, особенно при ведении хозяйства. Например, «деревенская учительница Вера», описывая бывшей подруге по институту свои повседневные сельские заботы и труды по уборке урожая, упоминала: «Картофель копать приходили работники с 6ти часов утра и дежурила с ними до 9ти именно я...» [7].

За время пребывания в Смольном и Екатерининском институтах дворянские девочки/девушки приучались совершать как частную, так и общественную молитву, посещая храм в воскресные и праздничные дни. Госпожи надзирательницы и учительницы строго следили за тем, чтобы они соблюдали правила благочестивого поведения в храме, не разговаривали, «стояли бы со страхом и с должным благочинием» [8]. Институтские уставы предписывали наставницам проявлять в этом случае еще большую твердость к своим подопечным, чем вне стен церкви, где девочки подвергались «выговорам и замечаниям», по словам А.В. Стерлиговой, «иногда за такие пустяки, о которых не стоило и говорить» [9].

Помимо совершения молитв и посещения храма религиозное воспитание юных дворянок включало в себя соблюдение постов, хотя в «Уставе» Смольного на этот счет не было никаких предписаний. Мемуаристка Е.Н. Водовозова отмечала пагубное влияние «недостаточности пищи и изнурительности постов» на детское здоровье, в результате чего «в Великом посту однажды», по ее словам, «более половины институток было отправлено в лазарет» [10]. В письме В. Березхиского к родителям «новопринятой кофейной» Марии Манзей сообщалось, что «первыя дни сего поста (Успенского, продолжавшегося с 1 по 15 августа по старому стилю. – А.Б.) она вместе с другими своего возраста воспитанницами говела, а в день Преображения Господня (6 августа по старому стилю. – А.Б.) приобщалась» [11].

Для части дворянских девочек усвоенные в институте уроки благочестия, включая и основы христианского вероучения в доступной детскому пониманию форме, и образцы поведения, становились начальным этапом на пути последующего духовного совершенствования. Е.Н. Водовозова утверждала: «Религиозное воспитание, получаемое нами, состояло как в теоретическом изучении обширного курса Закона Божия, так и в практическом применении к жизни предписаний православной религии, из которых на первом месте стояли строгое соблюдение постов и чрезвычайно частое посещение церкви» [12]. Однако формализм и игнорирование возрастных и психологических особенностей девочек зачастую приводили к результатам, противоположным ожидаемым: «Церковными службами нас так утомляли, что многие воспитанницы падали в церкви в обморок. Непо-

сильное утомление заставляло многих употреблять все средства, чтобы избавиться от посещения церкви, но так как этого добивались решительно все, то между нами обыкновенно устанавливалась очередь (сразу не более трехчетырех в дортуаре), которая давала право заявить дежурной даме о том, что они не могут идти в церковь по причине зубной, головной или другой какой-нибудь боли. При большом количестве воспитанниц желанная очередь наступала редко, а потому многие решались симулировать дурноту, и некоторые воспитанницы делали это очень искусно» (Е.Н. Водовозова).

Следствием этого становилась своего рода профанация конфессионального воспитания, негативно сказывавшаяся, по словам мемуаристки, на нравственности и религиозности институток: «В конце концов религиозное воспитание, получаемое в институте, содействовало только нравственной порче и полному индифферентизму к религии. К выпуску оставалось чрезвычайно мало девушек религиозных; даже те, которые с таким благоговением и трепетом приступали к причастию в первый год своей институтской жизни, перед последним причастием уже грызли шоколад, нередко делая это демонстративно и громко высмеивая религиозные обряды».

Тем не менее для некоторых девочек (пусть и малой их части, по наблюдению Е.Н. Водовозовой) получение элементов духовного воспитания в стенах Смольного все-таки способствовало укоренению в них религиозной настроенности, сохранявшейся в течение последующей взрослой жизни. Письма бывших смолянок (например, М.Л. Манзей, А.В. Кафтыревой, М.А. Волковой) отражают вполне уважительное отношение к религии, православное мироощущение их авторов и определявшийся этим мироощущением образ жизни, реалиями которого наряду со светской обыденностью были частые посещения храмов и монастырей, причащения, дела милосердия и другое.

Критический отзыв, основанный на впечатлениях конца 40-х – начала 50-х гг. XIX в., о качестве религиозного воспитания дворянских девочек в Смольном институте принадлежит и мемуаристке А.Ф. Тютчевой (1829–1889): «Религиозное воспитание заключалось исключительно в соблюдении чисто внешней обрядности, и довольно длинные службы, на которых ученицы обязаны были присутствовать в воскресные и праздничные дни, представлялись им только утомительными и совершенно пустыми обрядами. О религии как об основе нравственной жизни и нравственного долга не было и речи. Весь дух, царивший в заведении, развивал в детях прежде всего тщеславие и светскость» [13].

Это суждение свидетельствует о ценностных приоритетах женского институтского образования, в котором светское начало преобладало над религиозным. В то же время благодаря последнему воспитательный процесс, по крайней мере для некоторых девочек, не был только приобретением суммы знаний и навыков, а способствовал внутреннему духовному

развитию. Плоды этого развития относились к сфере, составляющей на языке христианской психологии «одну из главных тайн бытия, тайну личности» [14]. При этом оба начала – религиозное и светское – могли уживаться и органично сочетаться в культурном облике институток.

А.Ф. Тютчева, жившая в ранние годы за границей, имела возможность сравнить «религиозное воспитание» в Мюнхенском королевском институте, где она «окончила свое образование», с воспитанием двух младших сестер в Смольном и судить о негативных проявлениях сложившегося в последнем воспитательного уклада. Особенным «злом» она считала чтение «плохих романов, которые ученицы добывали себе с большой легкостью».

Вспоминая свое институтское детство за границей, А.Ф. Тютчева писала: «…религиозное воспитание внушило нам душеспасительный страх перед тщеславием, легкомыслием, светскими удовольствиями, спектаклями, нарядами, чтением дурных книг, так что я относилась с ужасом ко всему тому, что превозносилось и ценилось в Смольном...». При некотором ригоризме ее сложно заподозрить в предвзятости: будучи европейски образованной женщиной, находившейся в Мюнхенском институте под влиянием католических священников, она позднее, переехав в Россию, приняла православие и была близка к славянофильским кругам, во многом благодаря браку с И.С. Аксаковым. Называя «воспитание в женских учебных заведениях России» «поверхностным и легкомысленным», Тютчева утверждала, что оно «является одним из многих результатов чисто внешней и показной цивилизации, лоск которой русское правительство, начиная с Петра Великого, старается привить нашему обществу, совершенно не заботясь о том, чтобы оно прониклось подлинными и серьезными элементами культуры». Вместе с тем такое воспитание не помешало, как отмечалось выше, некоторым выпускницам Смольного стать обладательницами нравственных достоинств и христианских добродетелей. То же следует сказать и о воспитанницах Екатерининского института, который, по словам П.П. Семенова-Тян-Шанского, считался в конце 30-х гг. XIX в. «лучшим из тогдашних петербургских институтов».

Таким образом, в качестве продукта дворянской сословной культуры женское институтское образование служило своеобразным отражением ее внутренней неоднозначности. Рецепция западноевропейских культурных образцов и вместе с тем стремление сохранить чувство национальной идентичности, французский язык как разговорный язык российского дворянского общества и православие как ведущая форма его вероисповедания – эти разноречивые проявления в полной мере реализовывались и в женском образовательном проекте. Лежавшее в основе этого проекта сочетание новой идеи светской образованности женщины с традиционным представлением о ее домашнем и репродуктивном предназначении каза-

лось привлекательным, несмотря на не всегда удачные, с точки зрения современников, конкретные результаты воспитания в институтах.

Список литературы

*1.*Belova A. Национальная и гендерная идентичность русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (Die nationale und geschlechtliche Identität der russischen adligen Frau am Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts) // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / hrsg. von E. Cheauré, R. Nohejl und A. Napp. Würzburg, 2005. S. 375–386.

2. Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века: в 4 т. / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1987. Ч. 2. С. 265.

3. Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.

4. ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 748.

5. «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). Стоит оговориться, что в данной цитате имеется в виду не просто отсутствие сна, но, в первую очередь, духовное бодрствование, внимание к своему внутреннему духовному состоянию.

6. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001. С. 144.

7. Письма институтки о домашнем хозяйстве. Письмо II [oe]. Овощной погреб // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1389. Л. 10 об.–6. (Нумерация листов в архивном деле не совпадает с их реальной последовательностью.)

8. ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 750.

9. Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки... С. 114.

10. Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки… С. 246.

11. Письмо В. Березхиского к Л.М. и П.И. Манзеям от 13 августа 1797 г. // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

12. Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 302.

13.Тютчева А.Ф. Воспоминания // Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II / послесл. С.В. Мироненко. М., 1990. С. 5-6.

14. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию: Размышления священника-психолога. М., 1994. С. 79.

Фуряева Т. В.
(Красноярск)

ВОСПИТАНИЕ МИЛОСЕРДИЯ КАК ПОНИМАЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Демографическая структура современного российского государства обнаруживает общую тенденцию к увеличению доли пожилых людей. Глобальное разрушение экономической структуры привело к значительным социальным разрушениям. Следствием явилось увеличение количе-

ства людей, попавших в маргинальную ситуацию, состояние которых характеризуется доминированием чувства отчужденности, одиночества, малозначимости и ненужности окружающим людям.

Одной из наиболее социально незащищенной маргинальной группой населения в РФ являются пожилые люди, прекратившие свою профессиональную деятельность и испытывающие значительные проблемы со здоровьем. Изменение профессионально социального статуса пожилого человека находит свое отражение как на материальном положении, так и на его морально-психическом состоянии. Специально проведенные социологические исследования, включающие большой объем квотной выборки (более 450 человек в возрасте от 55 (женщины) и мужчины (после 60), показали, что имеет место резкое падение социально-статусных позиций без наличия реальных возможностей их восстановления у пожилых людей в российском обществе как следствие его глобальной трансформации. Это способствует значительной маргинализации людей третьего возраста в нашей стране [1].

Известные российские исследователи: И.С. Кон, Е.Р. Ярская и др.) отмечают, что « маргинальное» положение российских пожилых людей имеет значительное отличие от образа благополучной старости в западной культуре. Вместе с тем следует отметить, что настоящее время в целом для всех развитых стран характеризуется сменой моделей культуры (по классификации моделей культуры по М. Мид) на «префигуративную» модель, главным отли-чием которой является утрата людей старшего поколения традиционной роли субъекта трансляции социокультурных ценностей и превращением их в объект. В общественном сознании понятие «старость» ассоциируется с синонимумом неудачи, неуспеха, потери, отсталости, консерватизма. Имеет место прямое противопоставление молодости и старости, отрицание «третьего возраста» как потенциальной возможности развития человечества в современной культуре. В РФ наличие внутреннего ценностно-смыслового конфликта пожилых общества трансформации значительно осложняет эту социальную ситуацию, решение которой непосредственно связано с профессиональной деятельностью социальных работников, напрямую базирующейся на принципе милосердия и сострадания.

Понятие милосердия заложено в философских трудах Аристотеля, Гераклита, Демокрита, Конфуция, Пифагора, Платона, Сократа, Фалеса, которые рассматривали милосердие как важнейшее человеческое качество, как добродетель. Эта добродетель является следствием специального формирования, воспитания, имеющего деятельностную природу. В целом, проблема милосердия нашла свое отражение во всех мировых религиях.

Европейская философия нового времени рассматривала такие моральные чувства и качества человека как понимание, сострадание, челове-

колюбие, терпение, благожелательность, симпатия, альтруизм как базовые (И. Кант, Ж.Ж. Руссо, А. Смит, Л. Фейербах, Д. Юм). В отечественной гуманитарной традиции значительный вклад в развитие представлений о милосердии внесли такие мыслители как В. Мономах, С. Полоцкий, И.И. Бецкой, П.Я. Чаадаев. Они относили к духовным проявлениям человека чувства про-щения вины, молитву о ближних, доброжелательность, бесконечную любовь к себе подобным. В качестве главной разумной человеческой деятельностью великий писатель JI.H. Толстой рассматривал творение добра и бескорыст-ную любовь. Эту мысль продолжили, дополнив идеей единения добры с истиной и красотой, представители русской философии «всеединства» С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, С.JI. Франк. Они признавали высшим нравственным идеалом человека образ Иисуса Христа, его абсолютное служение людям, милосердие, любовь, сострадание..

В российской педагогике проблема милосердия традициионно увязывается с вопросами нравственного воспитания в общем и профессиональном образовании подрастающего поколения (О.С. Богданова, Н.И. Болдырев, И.С. Марьенко, Л.С. Ощепкова, В.А. Шутова, Л. Р. Уварова и др.).

Профессиональная социальная деятельность в отличие от других видов гуманитарных практик характеризуется особой, смысловой милосердной насыщенностью, поскольку связана с людьми, находящимися в нужде, в ситуации ценностно-смыслового конфликта. Профессиональная подготовка к милосердной по своей сути деятельности предполагает постепенное введение обучаемых в мир других смыслов, в другие, иные субкультуры, значительно разнящиеся друг с другом (современные молодые и современные пожилые люди).

Образовательный процесс вуза представляет собой длительный и сложный процесс личностного и профессионального самоопределения молодых людей, изменения в ценностно-смысловых координатах их жизненного мира. Как известно, практическая социальная работа представляет собой по сути организацию диалога с людьми из другого мира, работу по обогащению смыслов жизни на основе понимания внутреннего состояния иного с позиции своего возраста и жизненного опыта. В этом контексте для нас особый интерес представляют исследования, в которых артикулированы вопросы понимания и смыслообразования в образовательном процессе (В. Е. Клочко , О. М. Краснорядцева, И.В. Абакумова, И.А. Рудакова, М.С. Яницкий,, А.В. Серый, Д. Ю Ануфриева, Ю.В. Сенько, М.А. Балабан, Г. Н Прозументова и др.)

Как показывают результаты специальных исследований, проведенных студентами Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в период практического обучения и

выполнения учебно-исследовательских работ, специалисты, работающие в интернатах для пожилых, испытывают серьезные коммуникативные трудности, связанные с непониманием особенностей поведения своих клиентов. Следствием являя-ется появление барьеров в общении, которые проявляются в авторитарных способах профессионального общения, в неадекватности оказываемой помощи [5].

С целью понимания реальных механизмов преодоления трудностей, так называемой психологической защиты человека от разных жизненных проблем, в краевом Красноярском пансионате для временного пребывания пожилых людей было проведено специальное пилотное исследование [2]. Оказалось, что среди известных восьми механизмов психологической защиты большинство пожилых людей (66,7%) используют деструктивные механизмы. К последним относятся немотивированная агрессия, депрессии, низкая социальная активность, отрицание, избегание и др. Только 33,3% пожилых обнаруживают конструктивные способы поведения в ситуациях жизненных трудностей при встрече с серьезным заболеванием, ут-ратой близких. Они способны не только избавиться от чувства неполноценности, но и достигнуть хороших результатов в новом виде деятельности, занять достойную социальную позицию, выстроить конструктивное отношение к окружающим.

Понимание сущности жизненных стратегий, которые определяют жизнь человека в старости, дает возможность для практического социального работника, педагога, психолога выстроить адекватную социально-педагогическую и психологическую поддержку, проявить милосердие и реально помочь пожилому человеку преодолеть свое маргинальное положение и повысить удовлетворенность своей жизнью.

В качестве интересного способа понимания и одновременно практического милосердия по отношению к пожилому человеку, проживающему в доме-интернате, в учебно-исследовательской деятельности студентов использова-лось нарративное интервью – метод конструирования социальной реальности путем позитивных жизненных воспоминаний [6].

Применение понимающих методик типа разного рода наблюдений, анализа случая, изучение конкретных жизненных ситуаций и способов поведения, нарративное интервью дает возможность студентам, осознать сущность милосердия как особого понимающего отношения к нуждающимся людям. Оно содержит как проникновение и принятие ценностно-смысловых характеристик внутреннего жизненного мира современных пожилых людей, так и организацию деятельности социокультурного плана с целью расширения социальных связей, межпоколенных контактов, приобретению новых знаний и умений, в конечном счете, преодолению социокультурной изоляции и маргиналиции «третьего поколения».

Список литературы

1. *Забелина, Н.В.* Тенденции социокультурной маргинальности пожилых людей в российском обществе на рубеже 20-21 вв. // Науч. тр. / КГМУ. - 2003. - С. 3 65
2. *Калашников И.Г., Тихонова И.В. и др.* Определение ведущего механизма психологической защиты с целью оптимизации программы реабилитации пожилого пациента (на примере краевого геронтологического центра «Уют»)// Социальная интеграция в общество: материалы международной научно-практической конференции 12-13 декабря 2011 г. Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева/ под ред. Т. В. Фуряевой. Красноярск, 2011. С. 254–260.
3. *Игнатьева Н.В.* Культурный потенциал «третьего возраста». Автореф. канд дис., Челябинск, 2005.
4. *Недоводеева Т. А*. Воспитание милосердия у студентов медицинского училища: дис. … канд. пед. наук, Кострома, 2005. С. 256.
5. *Калга А. Н.* преодоление коммуникативных барьеров в профессиональной деятельности специалиста по социальной работе с пожилыми людьми. Дипломная работа, Красноярск, 2012.
6. *Востриков Д. А.* Реабилитационная беседа как средство оптимизации социального функционирования пожилых людей в условиях дома-интерната. Дипломная работа, Красноярск, 2012.

Комиссарова Т.С.,
Гаджиева Е.А., Скворцов А.В.
(Санкт-Петербург)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОСТИ ПОДРОСТКА ИЛИ ОБ ЭКОЛОГИИ ДУШИ

Слово «духовность» давно на слуху, да и образование мы различаем светское и духовное. Общепринято и практически не требует обсуждения представление о том, что образование есть синтез обучения и воспитания, формирование обучающегося по некоему «образу». Воспитание, в свою очередь, обращено не только к разуму, но и напрямую к юной душе, к духу.

Вроде бы духовное образование более полноценно чем светское в смысле духовности, и человек, закончивший духовное учебное заведение обладает ею, во всяком случае стремится к этому. А как обстоит дело с душой и ее формированием в современном светском образовании (многие по существу путают его с атеистическим)? Сегодня пришло время обсуждать вопросы духовности, ее формирования в светских учебных заведениях.

Мы кратко остановимся на тех философских, культурологических, религиозных положениях, которые есть фундамент и цементирующий раствор образования. Еще Василий Никитич Татищев, автор труда «История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная» проводил различие между *богословием и наукой* и главной наукой считал философию, ибо она способна ответить на главные

вопросы бытия. Первое строится на вере в Творца и обращение к сверхъестественному, которое не постигается разумом. Наука же опирается на разум, с его помощью изучает телесное в мире и человеке.

Также и Ломоносов М.В. в области философии стоял на позиции двух истин: духовной (божественной) и научной. «Создатель, - писал он, - дал роду человеческому две книги. В одной Он показал Свое величие, в другой - Свою волю. Первая – видимый мир, Им созданный… чтобы человек признал Божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия. Вторая книга – Святое писание….Правда и вера – суть две сестры родные одного всевышнего Родителя». Становится понятным основная идея русской философии и характерная черта русской духовности – целостность мира, единство материального и духовного.

О духовности в современном обществе говорят много, часто и охотно. Термин употребляют люди в самых разных контекстах, но общее то, что духовность человека или общества воспринимается как его положительная характеристика.

В толковых словарях русского языка расхождения в определении понятия лишь подтверждают широту того спектра, который характерен для понимания *духовности* у современников в целом.

Мы считаем, что проекция духовности в индивидуальное сознание называется совестью, укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди, просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы. Духовность - свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. Духовности противопоставляется бездуховность (низкая культура).

Обратимся к трудам Владыки Иоанна Снычева, и Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и, соответственно, к религиозным определениям содержания понятий. Душа человеческая в православном понимании (митрополит Иоанн Снычев) – это духовная сущность, которая была дана человеку Богом в день творения. «Душа сущность простейшая, - пишет он, - духовная и Божиим законом она соединена с телесным организмом человека. Она духовна, а не материальна и в ней заложена жизнь. Умереть, в смысле уничтожиться она не может. Если человек сознательно убивает в душе благое стремление к Богу, то наступает духовная смерть...

Душа болеет, болит. Церковь есть больница для души. Общество здраво устроено тогда, когда больница работает и мирно врачует души..

… Православность давала народу твердое ощущение общности своей исторической судьбы от самых тяжких времен удельных распрей и татарского владычества до наших дней».

Общеизвестный факт, что большинство русских ученых были люди православные и эти две грани: научного и православного мировоззрения составляли гармоничное целое, достойное подражания.

Это всемирно известные ученые и общественные деятели такие, как лауреат Нобелевской премии академик И.П.Павлов, Д.И. Менделеев, лауреат Государственной премии СССР академик С.П.Филатов, академик Ухтомский, великий педагог Н.Д. Ушинский, В.И.Вернадский - автор концепции ноосферы и другие,- все они были глубоко религиозными людьми. В.И. Вернадский говорил, что «научное мировоззрение не считается синонимом истины - точно так же, как не являются ею религиозные или философские системы». А мы все еще в плену научного мировоззрения!

Поучительный пример «единой», целостной духовности для нас представляет образ Святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Это был монах, архиепископ, автор религиозных произведений, врач, блестяще знающий анатомию человеческого тела, и священнослужитель, верящий, что в сердце помещается душа. Как в этом человеке могло совмещаться казалось бы несовместимое? В одном из писем он писал: “Не пробуйте разделить хирурга и епископа. Образ, разделенный надвое, неизбежно окажется ложным”. Архиепископ Лука канонизирован Русской православной церковью (1996).

«Дух, душа и тело» – философское произведение, принадлежащее его перу, которое необходимо включить в обязательный перечень литературы для изучения в Вузах. «Как же мы представляем себе эту духовную энергию? Для нас она есть всемогущественная любовь Божественная**…** . Любовь не может заключаться в себе самой, ибо основное свойство любви – ее потребность изливаться на кого - нибудь и на что-нибудь, и эта потребность привела к созданию Богом мира. Энергией любви, излившейся по всеблагой воле Божией, Словом Божиим, дано начало всем другим формам энергии, которые, в свою очередь, породили сперва частицы материи, а потом через них и весь материальный мир» (Дух, душа, тело, с.13).

Это, как мы говорим, «векторное» представление о любви Божией очень важно для православных людей, т.к. она, излившись на людей, создала и весь духовный мир, разум человеческий, она направлена к человеку, и мы должны стремиться воспроизводить ее в отношениях между собой. Недаром говорят: «Бог есть любовь».

Выбор – это направленность и устремленность воли человека к добру или злу. Вот и очевидно, что духовность, православное представление о ней, тесно связано с воспитанием, с образованием. Человек должен иметь собственные ответы на вопрос о том, кто вложил в душу властную потребность следовать в своей деятельности нормам морали и нравственности даже тогда, когда это грозит неудобствами и бедами? Кто определил сами нормы? Кто изобразил в душе идеал жертвенности, чистоты и целомудрия, проще говоря, святости, которая влечет и манит нас неодолимой силой Истины и Любви? Кто всеял в сердце наше жажду праведности и добра, отвращения к лицемерию, лжи и подлости?

«Сообщив духу человека частичку своего всеведения. Бог начертал в нем и требования своей святости, правды и благости, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности» - говорит святитель Феофан, затворник Вышенский,- «сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право и что неправо, что угодно Богу, а что не должно делать, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызениями.. Она и есть скрижали завета Божия».

Страшны иногда нынешние времена, когда культивируется вседозволенность, сила денег, рыночные отношения. Духовный вакуум стал давать к сегодняшнему дню уже проросшие скверные плоды пьянства, преступности, наркомании, умственной, моральной и профессиональной деградации. Главный редактор журнала «Искусство кино» Даниил Дондурей пишет о медиаигле, *о методологии,* которую он называет «понижающей селекцией». Людей привлекают к экрану, используя их подсознательные инстинкты: сексуальное влечение, страх переживания возможного насилия, ожидание смерти, чувство опасности, интерес к приватной информации о людях не своего круга, или к тем сведениям, которые властные институты скрывают и т.д. Работают 70 информационных ТВ-программ в неделю. Зачем такая методология, давно известная психологам? Ответ прост: российское ТВ зарабатывает на «падении вниз». И мы думаем, что если это нельзя изменить, то это надо знать, ибо «предупрежденный вооружен». А там, глядишь, и рейтинг упадет.

Образование всегда неотделимо от духовного формирования личности – это относится как к христианской педагогике, так и к педагогике советской эпохи. Духовность не есть отвержение от телесности, речь лишь идет о доминанте одного начала над другим, о жизненном выборе между подчинением потребностям физиологии или потребностям духа.

Общий результат обучения должен быть один: духовное становление, - процесс образования человеческого в человеке,- в школьнике, лицеисте, гимназисте, учащемся, студенте, аспиранте поскольку духовность – его, человека, видовое качество.

Известный петербургский ученый – педагог, философ образования проф. Калесникова И.А. (2008г.) определяет наше время как эпоху глобальных перемен, которая предваряет очередной переломный период в жизни человечества. При этом характерной чертой является «духовное напряжение», прорыв к принципам человеческой жизни в пограничной ситуации. Происходит пересмотр нравственного потенциала эпохи, переоценка способности образования выполнять свою миссию в духовном и нравственном развитии общества. Наступает эпоха кризиса, свободы от того, что называют моралью. Личность разрывается на части, разламывается.

«Внутри педагогического сообщества темой, достойной консолидации, может стать образование человека нового осевого времени»- пишет профессор. (На этой основе, где ключевые понятия духовность и нравственность, собственно, и консолидируется поисковое светское и церковное православное образование).

Истоки духовности выносятся за пределы индивидуального человеческого существования - в этом сходятся и религиозные и внерелигиозные представления о ней. Представители различных мировоззренческих позиций единодушны и в том, что расценивают духовность как внутреннюю направленность на высшие ценности. Нравственность определяет психологический ресурс устойчивости человека против проявления зла и разрушения собственной природы. Камертоном нравственности для человека является совесть (внутренний голос). Очень близка, как видите, точка зрения И.А. Колесниковой взглядам Владыки Иоанна (Снычева), да и не только его.

Духовность можно определить как онтологически обусловленное состояние, имманентно присущее человеку, проявляющееся на определенной стадии индивидуально-личностного развития. Поскольку состояние нельзя воспитать, имеет смысл *говорить о педагогической поддержке* и сопровождении внутренних свойств и личностных проявлений, которые сопутствуют и содействуют духовному развитию. А именно таких, как совестливость, любовь к ближнему, чувство собственного достоинства, религиозность и т.п.

Духовность и нравственность как производные внутренних устремлений не могут быть сформированы «снаружи». Педагогически могут быть созданы лишь стимулы, рождающие личное стремление самовоспитанию, а также условия, этому способствующие. Каждый учащийся находится на разной «стартовой» точке готовности к духовным и нравственным проявлениям. Стало быть каждый призван пройти сугубо индивидуальный путь духовного роста и воспитания нравственных качеств.

Обстоятельства восхождения к духовности, пути к нравственному выбору непомерно усложнились, появились новые реалии. Приспособление образования к законам рынка и тенденциям развития экономики вступает в противоречие со многими нравственными принципами. Приобретая рыночную стоимость, обучение и воспитание утрачивает человекообразующее значение (Колесникова, 2008). Ценность приобретает лишь документ об образовании, как пропуск в определенную социальную нишу.

Попытка возродить религиозные традиции духовного воспитания в светском обществе демонстрируют путаницу в понимании смысла и возможных форм взаимодействия образовательных институтов и института церкви в деле воспитания духовности. Идет перенос форм религиозной и

светской работы из одной сферы в другую. Пока окончательно не найдены способы организации ценностно-смыслового диалога религии и науки как самостоятельных и в онтологическом смысле разных путей постижения бытия. Существует опасность имитации активности в направлении, где предполагается подлинность чувств, слов, деяний, ибо нравственности и духовности противопоказана любая шумиха и поспешная деловитость.

И еще: хотим мы или не хотим, сознаём ли или не сознаём, душа наша существует в православной культуре на бытовом уровне: летоисчисление ведём от рождества Христова, говорим «спасибо», или благодарим – желаем блага, слово «Господи» употребляется повсеместно, хотя бы в виде междометия; весь двадцатый век, и при советской власти, несмотря на гонения на религию, сохранялись христианские принципы – ведь никто не говорил, что хорошо красть, убивать и т.д., то есть нарушать заповеди.

Становление человека, путь к культуре в России рассматривались как дело всей жизни, а не короткого периода школьного, даже вузовского обучения.

И в заключение о том, что стоит в заголовке статьи – экологии и рекреации души. Разумеется, это только название и уточнение того, о чем написано выше. Дом нашей души, - среда, в которой живем, требуют чистоты, добра, спокойствия, любви. Бытовые условия не всегда согласуются с нашими желаниями. Поэтому есть необходимость использовать для отдыха, восстановления,- рекреации души,- памятники природного, культурного и духовного наследия. Либо это природные парки (Водлозерский, например, в Карелии, или «Русский лес» на Вологодчине), либо «тихие приюты» – старинные монастыри, где звучит славянский язык и разлито безмолвие, благодать и покой. Такая забота о своем духовном доме, душевном равновесии,- экологическая профилактика души, ее постепенное возрастание и укрепление согласовывается с мнением Платона о том, что пятьдесят лет жизни уходят на то, чтобы вырастить человека.

Список литературы

1. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)- Дух, душа и тело.-М.:2009 г.

2. Маслов Н.В. Основы русской педагогики. М.: ООО «Самшит-издат», 2007 г.

Слободнюк С. Л.
(Магнитогорск)

ТВОРИМОЕ БЫТИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XX в.: ПРОБЛЕМА СОЗДАТЕЛЯ

Чуть меньше столетия назад канул в Лету Серебряный век русской культуры. Событие это было неоднократно оплакано прогрессивной общественностью: сначала в далях русского Зарубежья, а затем на просторах погибающей советской империи. С тех пор немало воды утекло, но и сегодня среди просвещенной публики бытует убеждение в том, что век Серебряный есть наше все, загубленное советской властью.

Насчет советской власти спорить не буду: коллективизация, государственный атеизм, истребление священнослужителей, философский пароход, казнь Гумилева и прочие «славные» деяния адептов пролетарской культуры были страшной явью. А вот с Серебряным веком все не так однозначно… И чтобы это понять, не надо годами глотать архивную пыль. Достаточно просто открыть опубликованные при жизни авторов тексты, прошедшие, замечу, горнило свирепой царской цензуры, и мы увидим… Мы увидим, что русской духовный Ренессанс, если и был таковым, то возрождал вовсе не разумное, не доброе и не вечное.

В отличие от хулиганов-будетлян, жаждавших сбросить классиков с парохода современности и угрожавших божеству *сапожным ножиком*, символисты всех поколений, не размениваясь на мелочи, переустраивали бытие и, даруя переустроенным мирам новых создателей, ухитрились оставить далеко позади даже Ницше с его наивным «Gott ist tot»…

В самом деле, базельский отшельник и по совместительству любимейший философ русских обывателей, объявив – устами безумного человека – о смерти божества, обвинил в этом преступлении потомков Адама и Евы: «Мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами – кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать?» Русские искатели истины пошли своим путем. Д. Мережковский залихватски уверил героя в его божественной сущности и на этом основании предложил стать альфой и омегой сущего: «Ты сам – свой Бог, ты сам свой ближний. / О, будь же собственным Творцом, / Будь бездной верхней, бездной нижней, / Своим началом и концом». Н. Минский заявил, что субъект суть призрак абсолюта, но абсолют в свою очередь есть небесный призрак субъекта: «Сулит единство бытия / Путь шумной суеты. / Другой безмолвен путь, суля / Единство пустоты. // Сулят и лгут, и к той же мгле / Приводят гробовой. / Ты – призрак бога на земле, / Бог –

призрак в небе твой». А В. Брюсов со свойственной ему скромностью назначил в создатели самого себя: «Тень несозданных созданий / Колыхается во сне, / Словно лопасти латаний / На эмалевой стене. // Фиолетовые руки / На эмалевой стене / Полусонно чертят звуки / В звонко-звучной тишине. // И прозрачные киоски, / В звонко-звучной тишине, / Вырастают, словно блестки, / При лазоревой луне. // Всходит месяц обнаженный / При лазоревой луне… / Звуки реют полусонно, / Звуки ластятся ко мне. // Тайны созданных созданий / С лаской ластятся ко мне, / И трепещет тень латаний / На эмалевой стене».

Безусловно, главным философским основание брюсовского текста выступает система Канта. Переклички с проблематикой «Критики чистого разума» очевидны, и мы видим, как в ходе поэтических спекуляций Брюсова человек творящий, будучи равно причастен миру явлений и причин, превращает свой личный, случайный творческий опыт в опыт всеобщий и необходимый. Но последний, как нетрудно понять, является таковым только в пределах *творимого* п о э т о м бытия, и совсем не случайно подчеркивается в финальных строках «Творчества»: «*Тайны созданных созданий / С лаской ластятся ко мне*»…

Однако демиургические опыты Брюсова по размаху и глубине явно уступают опытам Николая Гумилева и Федора Сологуба. Первый создал систему параллельных самодостаточных вселенных, свел их в некую метагалактику и подчинил власти Утренней Звезды-Люцифера, которому даровал статус возвратившегося божества, некогда низвергнутого со своего законного престола. Второй предложил миру сложную теорию и разнообразную практику *творимой легенды*…

А. Блок, бывший одним из наиболее чутких ценителей творчества Сологуба, в свое время справедливо подметил: «Романы и рассказы Сологуба большей частью раскрашены в пестрые цвета жизни. Тонко владея приемами реалистической повести, он позволяет читателю жить простыми бытовыми сценами и умными житейскими наблюдениями. Печать своеобычности лежит на всем» . – Несомненно, *пестрые цвета жизни* в сочетании с *приемами реалистической повести* дают определенное представление о характере прозы Сологуба, и все же мне представляется, что гораздо более значимо другое – та *печать своеобычности*, которая, как тонко замечает Блок, *лежит на всем*.

Очень важно, что Блок не ограничивается простой констатацией факта существования этой «печати», а переводит разговор из плоскости формально-филологической на уровень художественно-философского построения: «Разгадка своеобычности произведений Сологуба – не в одном языке. Скорее всего, она коренится в его любимом приеме; этот прием, часто повторяемый и все-таки всегда новый, – состоит в следующем: читая простые реальные сцены, начинаешь чувствовать мало-помалу, что писа-

тель к чему-то готовится. Как будто все прочитанное недавно мы наблюдали сквозь прозрачную завесу, которая смягчала слишком жесткие черты; теперь же автор приподнимает завесу, и за нею нам открывается, всегда ненадолго, *чудовищное жизни*» (*Блок, 161*). – А ведь это уже было… То ли у Гоголя, то ли у Достоевского?..

Понятное дело, было. Но Сологуб не Гоголь, хотя его упорно пытаются сделать таковым многие собратья-модернисты. И не Достоевский, хотя пишет и о детях, и о детских слезах. Сологуб сам по себе, потому что знает не только *как* увидеть и явить миру *чудовищное жизни*, но и *зачем*. – «Этот хаос, исказивший гармонию, требует немедленного оформливанья, как жгучий жидкий металл, грозящий перелиться через край. Опытный мастер сейчас же направляет свои усилия на устройство этого хаоса. Задача показать читателю нечто чудовищно-нелепое, так, однако, чтобы его можно было рассматривать беспрепятственно, как животное в клетке. Животное это – человеческая пошлость, а клетка – прием стилизации, симметрии. В симметричных и стилизованных формах мы наблюдаем нечто безобразное и бесформенное само по себе. Оттого оно веет на нас чем-то потусторонним ирреальным – и за ним мы видим небытие, дьявольский лик, хаос преисподней. Но это – только высшая, обнаженная реальность, мгновение, которое вспыхивает и запечатлевается всего ярче в памяти; так точно в жизни нам всего памятнее те бешеные, огненные минуты зла ли, добра ли, – от которых кружилась и болела голова» (*Блок, 161*). Бесспорны ли рассуждения Блока? Скорее всего, нет. Всегда оставаться на уровне бесстрастного рассуждения – не его удел. И все же главная идея, лежащая в основании этих страстных речений, не может и не должна быть подвергнута сомнению. Это идея *творимого* бытия.

…Хаос исказил гармонию. Хаос требует устройства, и это устройство идет рука об руку с укрощением неупорядоченности. И единственный способ достичь искомой цели – применить к хаосу творческую силу: то ли демиургическую, то ли магическую, но обязательно творящую. Творящую пути к постижению тайны гармонического сочетания противоположностей, которые оборачиваются друг другом, подчиняясь воле поэта…

Конечно, это не Блок. Это моя интерпретация мыслей Блока. Не знаю, насколько она верна. Возможно, я даже преувеличил достижения поэта-исследователя. Ведь вместо ожидаемой высокой инфернальности Блок внезапно сталкивает нас с душным миром «Тяжелых снов», причем с тем эпизодом, в котором «атмосфера пошлости достигает точки кипения», а «нелепость становится острой и ужасной» (*Блок, 161*): «Генерал заставляет своих детей, „с тупыми и беспокойными глазами, с румяными и трепетными губами“, – падать навзничь, грохаясь затылками о пол, чихать, плакать, плясать – все по команде. Когда унижение забитых детей принимает чудовищные размеры, герой замечает генералу:

– Да, послушание необыкновенное. Этак они по вашей команде съедят друг друга.

– Да, и съедят! – восклицает генерал. – И косточек не оставят. И будет что есть – я их не морю: упитаны, кажись, достаточно, по-русски – и гречневой и березовой кашей, и не боятся, на воздухе много» (*Блок, 161–162*). А слова, следующие сразу после этих строк, вообще вызывают недоумение: «Разбушевавшаяся пошлость утихает, и быт входит в обычную колею. Яркое мгновение хаоса становится у Сологуба образом, залетевшим из мира преисподней, и наконец воплощается в какое-то полусущество. Перед героем другого его романа – <…> Передоновым, грязным и глупым животным, „мелким, бесом“ – уже вертится в дорожной пыли воплощенный ужас, когда он едет на свою свадьбу. Это – и существо и нет, <…> – „ни два ни полтора“; если угодно – это ужас житейской пошлости и обыденщины, а если угодно – угрожающий знак страха, уныния, отчаянья, бессилия» (*Блок, 162*).

Вот ведь незадача – так хорошо все начиналось, и вдруг она – Недотыкомка жизнь … Да в таком виде, что продолжение мысли Блока выглядит скорее неуклюжей интуитивной попыткой выправить положение, чем осознанным выводом темы в поэтическую область: «Это ужас житейской пошлости и обыденщины, а если угодно – угрожающий знак страха, уныния, отчаянья, бессилия. Этот ужас Сологуб окрестил „Недотыкомкой“», и «если в прозе Сологубу чаще свойственно воплощать чудовищное жизни, то в стихах он говорит чаще о жизни прекрасной, о красоте, о тишине. Муза его печальна или безумна» (*Блок, 162*).

Логические скачки очевидны, потеря центральной мысли рассуждения тоже. Неужто Недотыкомка собственной персоной *вьется да вертится* вокруг поэта, мешая сосредоточиться и найти выход из тупика? Если бы… Недотыкомка не властна над тем, кто уже давно отдал свою душу темной Софии. И *нет никаких логических скачков*, нет никакой потери мысли. Просто Блок-поэт возобладал над Блоком-исследователем и с очаровательной непосредственностью увел читателя к очередному фантому, который *говорит чаще о жизни прекрасной*, парадоксально вдохновляясь речениями, когда печальной, а когда и безумной, Музы. Блок великий мастер редукции… Из романтизма он изъял только жизнеотрицание, у Шекспира возлюбил утопленницу Офелию и отравленно-заколотого Гамлета, а Вагнер вошел в его мир полетом валькирий, изначальной нежити… Как нетрудно понять, поэзия Сологуба не стала исключением. Но поскольку *ходить бывает склизко по камешкам иным*, Блок «редуцирует» Сологуба очень деликатно: «Предмет его поэзии – скорее душа, преломляющая в себе мир, а не мир, преломленный в душе. Но личная поэзия уступает место внеличной, особенно когда ее предметом становится политика» (*Блок, 162*).

Вы только представьте, на дворе июль 1907-го г. – распущена вторая Государственная Дума, и первая русская революция приказала долго жить. А мы фрондируем, мы о политических стихах Сологуба пишем: «Иные из них слабее всего им написанного, отзывают плохой аллегорией на неглубокую тему; многие зато бесспорно принадлежат к лучшему, что дала русская революционная поэзия. Таково – большинство стихов в маленьком сборнике „Родине“» (*Блок, 162*). Впрочем, если мнение Блока о художественных достоинствах сологубовской «Родины» не бесспорно, то его оценка Сологуба-*создателя творимой легенды* абсолютно точна: «Скоро для поэзии наступят средние века. Поэты будут прекрасны и горды, вернутся к самому обаятельному источнику чистой поэзии <…>. <…> Это как реакция на место богословия, с одной стороны, вздыхающей усталости – с другой. Сологуб и сквозь усталость увидал звезду Маир, реку Лигой, землю Ойле. Что же мы-то, желающие жизни? Я лично хочу, сойдя с астрологической башни, выйти потом из розового куста и спуститься в ров непременно в лунную, голубую траву, пока не появился в зеркале кто-нибудь сквозь простыню. Трудно будет с моими „восковыми чертами“, но тем не менее попробую» . – От себя добавлю: попробовал, и… получилось!.. Получился страшный мир, где *О н а жива смертью отшедших* («У забытых могил пробивалась трава…»), и где душа героя, многократно раздваиваясь в лабиринтах погони за призрачной Дамой, полностью утрачивает себя.

Возможно, этого бы и не случилось, помни он о главном принципе творимого бытия Федора Сологуба – полная ответственность героя-создателя за мир и за себя, ибо борьба с началами всегда имеет оборотную сторону.

Список литературы

1. *Ницше Ф.* Веселая наука // Соч.: В 2 т. – М., 1990. – Т. 1 – С. 593.
2. *Мережковский Д. С.* Двойная бездна // Собр. соч.: в 4 т. – М., 1990. – Т. 4. – С. 547.
3. *Минский Н*. Два пути. URL: http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/ text_0110.shtml
4. *Брюсов В. Я*. Творчество // Соч.: В 2 т. – М., 1987. –Т. 1. – С. 30–31.
5. *Блок А. А.* Творчество Федора Сологуба // Собр. соч.: В 8 т. – М.; Л., 1960–1963. – Т. 5. – С. 160. Далее ссылки в тексте – «Блок» с указанием страниц.
6. Правда, без магического хаоса, который сопровождал ее в статье «Безвременье» (*Блок А. А.* Собрание сочинений: В 8 т. – М.; Л., 1960–1963. – Т. 5. – С. 82).
7. *Письмо С. Соловьеву от 20. 12. 1903 г.* // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. – М.; Л., 1960–1963. – Т. 8. – С. 79.

Леонтьева Т.Г.
(Тверь)

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: «СТАРЫЕ» ИСТИНЫ В НОВОМ КОНТЕКСТЕ

С начала перестройки в СССР воцерковленная часть российской общественности связала процессы укрепления национального самосознания с православной культурой. В начале 1990-х гг. либералы из окружения первого президента выступали за насаждение православной «духовности», надеясь таким образом искоренить коммунистическую идеологию. Затем «обратиться к истокам» призвала и сама власть [1]. В 2000 г. на юбилейном Архиерейском Соборе принимается «Социальная концепция Русской Православной Церкви», где среди прочего содержится богословское осмысление развития светского образования [2].

Совершенно очевидно, что внедрять любую идею следует в первую очередь через школьную систему, «вживляя» в учебный процесс образовательные дисциплины вроде религиоведения, основ христианского вероучения и т.п. Следует признать, что само по себе подобное начинание весьма и весьма полезно, но, к сожалению, «религиозное образование» (курс «Основы православной культуры» уже апробированный в ряде регионов в муниципальных образовательных учреждениях) воспринимается как некое магическое средство, которое подобно «ивановому огню» очистит современное общество от любой скверны.

Автору данной статьи одинаково чужды и «религиофобии», связанные с возможной клерикализацией образования, и романтические грезы «религиофилов». Но задаваясь вопросами, что может дать обществу массовое религиозное образование, насколько оправданы ожидания противников и сторонников «церковного культуртрегерства», невольно «опрокидываешься» в дореволюционное прошлое, когда в императорской России сложилась схожая ситуация.

В середине XIX в. реформаторам из дворянско-бюрократической среды становится очевидным, что невежество основного производителя – крестьянина – является фактором, угрожающим жизнестойкости системы и только распространение духовно-откорректированных знаний может привести к хозяйственным успехам, развитию общественной нравственности и укреплению правопорядка. Повсеместно стали открываться церковно-приходские школы (далее – ЦПШ), а в земских – в обязательном порядке изучаться Закон Божий.

Рамки одной статьи не позволяют обстоятельно охарактеризовать историографию поднятой проблемы, она имеет длинную «биографию», но даже на сегодняшний день принципиальных отличий от публицистиче-

ских оценок рубежа XIX-XX вв. не замечено. Одни исследователи не отказались от соблазна воспеть ЦПШ (как и систему духовного образования), другие страстно (и порой аргументированно) порицают ее, но истина, которая лежит в пресловутой середине, увы, не сформулирована. A'priori признавая все pro et contra, попытаемся разобраться в их сути на примере деятельности школ для крестьянства, составлявшего более 80% населения империи.

* * *

«Школьное движение» в России, стране с многомиллионным населением (61 175 923 чел на 1863 г.), изначально охватывает всего 1 024 308 чел. [3]. В сельской местности процент грамотных был ничтожно мал. Даже по итогам Первой всероссийской переписи населения в 1897 г. по всей России было 21 % грамотного населения, применительно к русской деревне в 1860-е гг. этот показатель был еще ниже [4]. Представители других вероисповеданий опережали православных: у католиков было 32%; у иудеев – 38; у лютеран – 70% грамотных [5*]*.

После выхода «Положения о начальных народных училищах» 1864 г. открылось еще 9 тыс. школ, обучавших 159 тыс. крестьянских детей «элементарным знаниям» [6]. К 1870-м гг. численность церковных школ из-за недостатка финансирования была сокращена вдвое (4521), и они по существу вырождались в учебные заведения, готовящие церковнослужителей – причетников, псаломщиков [7]. Но в 1879 г. министры вдруг единодушно заявили, что интересы морального развития народа требуют доминирования духовенства в народном образовании [8]. Результат оказался парадоксальным: в 1880-е гг. церковная школа становится частью светской общеобразовательной системы.

Согласно § 1 «Правил о церковно-приходских школах», утвержденных 13 июня 1884 г., приходская школа – это «начальные училища, открываемые православным духовенством, имеющие целью утверждение в народе православного учения, веры и нравственности христианской и способной сообщать полезные знания» [9]. В церковной среде идея ликвидации неграмотности всегда находила поддержку. «Реформы застали нашего крестьянина совершенно неподготовленным… Чтобы правильно воспользоваться свободою необходима более или менее высокая степень умственно-нравственного развития», – такие высказывания отражали настроения всего духовенства [10]. Православные священники имели педагогический опыт, практически во всех школьно-преподавательских коллективах низшего звена лица они составляли более половины состава. Однако приходская школа мыслилась ее создателям несколько иначе – в виде своеобразного барьера против «гангрены атеизма», которой были поражены земские школы. Одновременно решались другие задачи: кон-

троль над стихией «самодеятельного образования» в деревне; ускорение русификации национальных окраин. Предполагалось сделать упор на школы особого типа на основе так называемой теории церковности, связанной с именем Сергея Александровича Рачинского. Европейски образованный профессор естествознания, заведующий кафедрой ботаники Московского университета при поддержке обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева стал проповедником церковного образования.

Формулируя основания церковной педагогики, Рачинский исходил из того, что рационалистическая задача школы 60-х гг. – «сделать из ребенка человека» – непонятна его родителям, а потому заведомо обречена на провал. «Родители полагают, – утверждал он, что «сделаться человеком» можно и без азбуки, стремление же сделать из детей добрых христиан, напротив, всякому хорошо понятно». [11]. Рачинский стремился создать не столько училище арифметики и грамматики, как школу христианского учения и добрых нравов. Возглавить ее должен был священник.

Крестьянские дети должны были при этом естественно приобщиться ко всем ценностям мировой культуры. Рачинский стремился к тому, чтобы они не только писали без ошибок, но и научились восхищаться и «Одиссеей» Жуковского, и музыкой Моцарта [12]. Не отрицая важности знания, он настаивал на приоритете чувства, пробуждении внутренней потребности детей к постижению мира, и утверждал, что религия предлагала гармоничный образ бытия, а потому развитие духовности должно было способствовать восприятию ***всего*** через сумму нравственных законов. Учитывая укорененность основ православной веры в народе, он верил, что для приведения в гармоничное соответствие чувств и знаний, потребуется один-два года.

Идеи Рачинского нашли развитие в педагогической теории небезызвестного И. Кронштадского. Его труды были направлены на воспитание личности законоучителя. Формально не выходя за рамки методики преподавания Закона Божия, он по существу разработал целостную систему воспитания. По мере развития ребенка, считал о. Иоанн, следует воздействовать на его ум, волю и сердце. Развивая их, необходимо использовать высшие (религиозные) силы духа, не забывая и страх Божий [13]. Приобщение детей к молитве, к «деятельному добру», воспитанию в них воли и духовной бодрости – такова задача церковной педагогики [14]. По мысли о. Иоанна учительство в принципе можно доверить только священнику, единственно способному оказывать «благотворное религиозно-нравственное влияние на народ».

Итак, практически каждому священнику предписали открыть школу. Но где взять средства? В литературе порой упоминается, что на содержание церковных школ шли довольно крупные суммы из государственного казначейства, Министерства народного просвещения, епархиальных

средств [15]. Однако, если соотнести размер ассигнований с численностью приходов, учесть возможный объем «осадка» при прохождении денег через бюрократические структуры, то обнаруживается, что субсидии были весьма незначительными. К примеру, в 1885 г. на устройство школ Тверской епархии выделили 1 тыс. руб. [16]. Отсюда «произрастали» сопутствующие проблемы: дефицит учителей, школьных зданий специальных программ и учебников.

Чему же учили в ЦПШ? Основу всего начального образования в дореволюционной России составлял религиозный компонент в виде курсов Закона Божьего и Священной истории, состоящих из следующих разделов:

- исторический: Священная история Ветхого и Нового Заветов; Церковная история;
- догматико-познавательный: Катехизис (краткое изложение христианского вероучения, обычно в форме вопросов и ответов);
- практический: Молитвы и молитвенные действия; Учение о богослужении и участии в нем; Церковное пение; Упражнение в славянском языке, как языке церкви и богослужения [17].

Причем синодальными циркулярами предписывалось отложить катехизис на конечный этап обучения, когда дети ознакомятся со Священной и церковной историей, несколько углубится их собственный религиозный опыт, обострятся религиозные переживания, благодаря планомерному и сознательному вхождению ребенка в мир церкви и богослужения, молитвенного обращения и приобщения к церковному пению.

По мере развития церковно-приходского образования расширялся круг изучаемых предметов: чтение, письмо, счет, Закон Божий дополнялись математическими, гуманитарными и естествоведческими дисциплинами. По Положению школы от 25 мая 1874 г. становятся многоразрядными – одноклассные, двухклассные (два года обучения), второклассные (четырехгодичная подготовка) [18]. Каждая школьная ступень открывала перед крестьянскими детьми новые возможности. Одноклассные и двухклассные давали юношам призывного возраста право на получение льготы по воинской повинности, выпускники второклассных могли стать учителями в школах грамоты [19], продолжить обучение в церковно-учительской школе, светской учительской семинарии, на бухгалтерских курсах. Можно было устроиться на службу псаломщиком и даже конторщиком при железнодорожном ведомстве. Церковные школы прививали также некоторые не лишние для деревни навыки: девочек обучали рукоделию, мальчиков – сапожному, переплетному, иконописному ремеслу. Ко всему давались начальные знания по сельскому хозяйству и медицине [20]. В принципе церковно-приходская школа позволяла естественно, без излишне острых социокультурных коллизий раздвинуть границы сельского мира.

Открытым остается вопрос реальной результативности коллективных усилий РПЦ, общественности и власти по восполнению явного недостатка как светского, так и религиозного образования, а также способности учащихся адекватно оценивать и воспринимать предлагаемое знание. Справлялись ли сельские школы с распространением канонического христианского вероучения в крестьянской среде? Какова же была результативность ЦПШ?

В крестьянском мире социальная значимость обучения оценивалась своеобразно. Поначалу крестьян умилял вид своих чад, поющих в церковном хоре или читающих во время воскресной службы Евангелие, со временем стала привлекать льгота по воинской повинности, получаемая после дополнительных испытаний. Возможно, кое-кого впечатляло отсутствие в приходских школах телесных и прочих унижающих ребенка наказаний. Однако обнаружились и иные плоды церковно-приходского просвещения. С.А. Рачинский подметил, что крестьянского парня, прошедшего курс обучения, скоро нельзя было узнать. Он менялся даже внешне, в сельском сообществе его переводили в разряд «господ» (в крестьянском понимании этого слова). В результате он духовно отпадал от крестьянской массы, даже если формально не порывал с ней [21]. Ставшие «чужими», крестьянские дети начинали пренебрежительно относиться к сельскому труду и стремились изменить свое социальное положение. Не удивительно, что в церковной школе уже ее современники увидели орудие разрушения традиционной крестьянской культуры.

Организаторы-учителя в силу особенностей образовательной программы, при отсутствии единых методических рекомендаций, дефиците учебников и учебного времени во множестве сельских школ ограничивались изучением молитв, заповедей и преимущественно событий ветхозаветной истории, не успевая систематически и вдумчиво уделять внимание жизни и учению Христа, основам христианской морали и нравственности [22]. Между тем последнее было чрезвычайно важно, поскольку из семьи дети выносили массу всевозможных суеверий и предрассудков. Словом, при поступательном росте уровня религиозной грамотности мировоззренческие подвижки оказались малозаметны. Надежды гражданских и церковных властей на высокую миссию таких школ, на укрепление веры в Бога и воспитание патриотизма с помощью учебных дисциплин не оправдались.

Все вышеизложенное в очередной раз свидетельствует о том, что признать успешным пореформенный опыт поспешного «скрещивания» светского и религиозного образования в условиях спонтанной модернизации огромной страны можно лишь весьма и весьма условно. Очевидно и то, что введение курса «Основы религиозных культур и светской этики» в учебные планы российских школ не даст быстрых результатов. Наиболее про-

дуктивной представляется идея включения в содержание гуманитарных дисциплин (от школы до вуза) тем и сюжетов, отражающих комплекс ценностей отечественной духовной культуры и традиционных религий [23].

Список литературы

1. *Гордон А.В.* Современный цивилизационный процесс между мультикультурализмом и фундаментализмом // Россия и современный мир. 2004. Вып. 4. С. 16.
2. *Социальная концепция Русской Православной Церкви* / Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл / М., 2001. С. 22-23; 161-164; 168-170.
3. *Статистический временник Российской империи.* СПб., 1866. С. 4-5.
4. *Первая перепись населения Российской империи*. 43. СПб., 1904.*Церковно-приходская школа*. 1905. № 4. С. 278-280.
5. *Чехов Н.В*. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912 . С. 94. Прибавления к «Церковным ведомостям». 1905. № 1. Ст.1.Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания. СПб., 1883. С. 57-58.
6. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т.В. Барсов. СПб., 1885. С. 399.
7. Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7530. Л. 4, 11.
8. Цит. по : *Мироносицкий П.П. С.А. Рачинский* и церковная школа. СПб., 1910. С. 24; См. также: Рачинский С.А. Сельская школа. М., 1991. С. 14-15.
9. *Рачинский С.* Школьный поход в Нилову пустынь // Опыты православной педагогики. М., 1993. С. 91.
10. Христианское воспитание детей // Опыты православной педагогики. М., 1993. С. 123.
11. Христианское воспитание детей // Опыты православной педагогики. М., 1993. С. 118.
12. *Литвак Б.Г.* Русское православие в XIX в. // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 366; Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.С. 87; Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861-1914. Berkeley and Los Angeles, 1986. С. 164-165.
13. Отчет о состоянии церковных школ Тверской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1898-1899 учебный год. Тверь, 1900.
14. См.: Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909). СПб., 1909.
15. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т.В. Барсов. СПб., 1885. С. 392.
16. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т.В. Барсов. СПб., 1885. С. 394.
17. Народное образование.1896. № 4.
18. *Рачинский С. А.* Сельская школа (СПб., 1891). М., 1991. С. 29.

19. Отчет тверского православного Братства святого Благоверного Великого Князя Михаила Ярославича за третий год его существования. Тверь, 1888. С. 19. Начальные народные училища и участие в них православного духовенства. Извлечение из сведений, доставленных в Высочайше учрежденное Присутствие по делам Православного Духовенства. СПб., 1865. С. 62-63, 65.
20. Религиозное образование в России: проблемы и перспективы. Итоговый документ круглого стола // http://bibliofond.ru

Диакон Максим Санников
(клирик Свято-Троицкого собора гор. Ижевска)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Актуальность проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи в настоящее время очевидна и не подлежит переоцениванию. С принятием христианства Православие стало исторической судьбой России. Духовное устремление мысли воплотилось в искусстве, архитектуре, этикете, которые во все времена стремились облечь в красоту человеческие отношения, воплотить в образах истинный смысл человеческой жизни. За молодежью стоит будущее всего человечества, а значит, ее проблемы необходимо рассматривать как общечеловеческие.

При этом важно помнить, что русские мыслители XX века – Е. Трубецкой, И. Ильин, священник П. Флоренский, протоиерей С. Булгаков и другие – были убеждены, что исконные духовные идеалы православной Руси имеют непреходящее значение и важны для современности.

Чем же можно объяснить столь стремительную деградацию духовной сферы человека, особенно в последнее десятилетие? Академик РАО Н.Д. Никандров считает, что: «…это явление испытали на себе все страны в переходные периоды, когда одна система ценностей либо сама исчерпала себя, либо насильственно уничтожалась, а другая еще не сформировалась. И чем быстрее и жестче эти изменения вводились, тем больше ощущались потери в области общественной нравственности» .

Такой переходный период и произошел в 90-х годах, когда была разрушена государственно-общественная система воспитания детей и молодежи. Наша страна живет в сложное и противоречивое время и путем проб и ошибок ищет пути создания современного общества, но, на наш взгляд, цели и методы создания такого общества, воспитания и образования части этого общества, а именно молодежи, пока очень размыты. Когда будет четко определена стратегия духовно-нравственного воспитания и образо-

вания молодежи, можно будет говорить о перспективах формирования наиболее правильного мировоззрения у детей и молодежи.

Кто же должен вырабатывать такую стратегию, и где она должна воплощаться в жизнь? На наш взгляд, для достижении этих целей первоначально надо ответить на следующие вопросы: что означает духовность, возможно ли образование без духовности, поскольку знание, лишенное духовности, нравственного начала, может быть губительным и очень опасным. Отделяясь от традиционных ценностей, общество, следовательно, и молодежь, становится бездуховным, теряет нравственные и гуманистические ориентиры, а единственной альтернативой традиционным духовным ценностям являются безнравственность, нетерпимость и суеверие.

Часто, затрагивая духовно-нравственные проблемы воспитания современной молодежи, говорят о том, что когда- то было лучше, потому что люди были добрее и духовно богаче. Конечно, в духовно-нравственном воспитании и образовании молодежи важную роль играет Церковь и все уровни социальной сферы: семья, народ и государство.

На наш взгляд, в основе духовно-нравственного воспитания каждого человека лежит религия и вера, знание традиционных ценностей собственного народа и, к сожалению, в нашем современном обществе сегодня на первый план ставятся ценности запада, и игнорируются традиционные православные ценности. Здесь важную роль играет семья, так как именно семья является ячейкой гражданского общества и призвана передавать от одного поколения к другому духовно-религиозные, национальные традиции и ценности народа.

Немаловажную роль в духовно-нравственном воспитании молодежи играет и государство, приоритетной задачей которого, по нашему мнению, является актуализация системы общенациональных ценностей. Духовно - нравственное воспитание должно стать важнейшим приоритетом государственной образовательной политики. С этой целью государство пошло на меры по повышению того духовного и нравственного уровня, о котором мы говорили выше. С началом нового 2012/13 учебного года во всех школах России введен комплексный курс Основ религиозных культур и светской этики. Каков будет результат введения указанного курса, станет ясно в будущем.

Для духовно-нравственного воспитания молодежи очень важно открывать для нее все богатство национального искусства: литературу, поэзию, архитектуру, живопись, музыку, театр. В свое время выдающийся русский мыслитель И.А. Ильин писал: «…как только ребенок начинает говорить и читать, так классические национальные поэты должны дать ему первую радость стиха и постепенно раскрыть ему все свои сокровища. Рус-

ский народ имеет единственную в своем роде поэзию, где мудрость облекается в прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой».

Проблема в том, что мы разучились «строить» внутренний мир человека. Воспитание, в основном, нацелено на формирование человека вовне: как буду выглядеть в обществе, какое место в нем займу, какую карьеру сделаю, какой у меня будет дом, машина и многое другое. На наш взгляд, задача школы – создать стимулы, рождающие личностные стремления к самовоспитанию, нравственному совершенствованию и духовному развитию, а также условия, которые могут способствовать их развитию.

Духовность – это красота внутреннего мира человека. Сегодня актуальной проблемой является проблема «выстраивания» внутреннего мира человека. Можно предположить, что основываясь на заложенном в человеке природой стремлении к прекрасному, а также развивая в нем художественные наклонности и приобщая к творчеству, можно создать внешние предпосылки для развития духовности. «Культура как высший акт творчества человека рождалась под мощным воздействием природы через духовные, нравственные и творческие силы человека. Ее краеугольным камнем является народная культура, скрепляющая поколения прочными духовными связями».

Список литературы

1. *Гостев О.А*. Русская духовная мысль в искусстве // Православная Церковь и культура. Материалы XIII Международных Рождественских образовательных чтений. Москва, 2005. – С. 43
2. *Никандров Н.Д.* Духовные ценности и воспитание в современной России // Педагогика, 2008.- № 9. – С. 3
3. *Медушевский В.В*. Концепции духовно- нравственного воспитания средствами для общеобразовательных школ. М.,2000
4. *Киселев А.Ф. Выбор* // Педагогика. 2008,№ 9. - с. 22

Денисова Д.Н.
(Ижевск)

ОПЫТ ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ К ОСНОВАМ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВОЛОНТЕРАМИ

Отношение общества к сиротству за историю развития человечества всегда было весьма разнообразным. Но основой для эволюции отношения, как к сиротам, так и к слабым и беспомощным в целом, всегда служил уровень духовно-нравственной культуры общества. Чем глубже общество осознавало духовно-нравственные ценности - тем терпимее и благожелательнее оно относилось к незащищенным и слабым его членам. Проблема сиротства в обществе разных стран существовала всегда вне зависимости

от характера социально-экономической формации страны. Однако в каждом отдельном историческом промежутке развития социума, причины возникновения интенсивности сиротства как социального явления существенно различались между собой.

Современное российское общество столкнулось с таким распространенным явлением, как социальное сиротство. Естественное сиротство, возникающее вследствие социальных катаклизмов, техногенных или естественных катастроф объяснимо внешними причинами. В отличие от естественного сиротства, социальное сиротство несет в себе отголосок внутренней катастрофы в обществе, это показатель духовно-нравственного состояния общества в целом. Дети, воспитывающиеся в интернатных учреждениях, в основном являются социальными сиротами по причине того, что их родители частично или полностью лишены родительских прав и ведут асоциальный образ жизни, пребывают в местах лишения свободы или отказались воспитывать своих детей.

Несмотря на предпринимаемые государством усилия по сокращению детских домов, путем внедрения программ патронатного воспитания, естественного сокращения количества интернатных учреждений не происходит. Зачастую причина кроется в неготовности ни общества, ни администрации к такой форме работы, в навязывании патроната как необходимости обеспечения статистики, когда детей могут передать еще не готовым морально родителям, или не обеспечить родителей должной поддержкой или просто вследствие того, что истинные мотивы патронатных воспитателей остались не выясненными. Каждый возвращенный в детский дом ребенок – это еще одна сломанная надежда на мир взрослых, еще одна трагедия. Расформирование интернатных учреждений чаще всего происходит путем создания патронатных семей из числа воспитателей детских домов и влияет зачастую только на внешнюю статистику и смену формы содержания детей.

Изучение проблемы требует изучения возникновения ее причин. Одной из них является расширение границ социального сиротства и увеличение числа воспитанников в интернатных учреждениях в связи с условиями организации социального и воспитательного пространства в интернатных учреждениях. Большинство внутренней культуры интернатных учреждений общего типа отличаются низким уровнем не только духовно-нравственной культуры, но и общей культуры в целом.

Значение и важность духовно-нравственного развития личности не только воспитанников детских домов и интернатных учреждений, но и каждого ребенка, живущего в нашей стране, подтверждены: Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в соавторстве Данилюка, Кондакова и Тишкова, а так же теоретическая модель Духовно-Нравственной культуры Леднева, ставшей

методологической основой разработки и реализации федерального государственного образовательного стандарта второго поколения.

Отметим, что развитие личности детей-сирот происходит в особой субкультуре интернатного учреждения, в которой происходит усвоение норм и ценностей детдомовского режима, в котором зачастую царит «дедовщина», а примером для подражания являются различные виды проблемного поведения. Зачастую это связано с социальным опытом детей, чьи родители часто ведут асоциальный образ жизни или прибывали в местах лишения свободы, связи с чем элементы субкультуры, в которой воспитывался ребенок переносятся в среду детского дома.

Такое положение вещей требует создания единого воспитательного пространства, в котором у ребенка появляется возможность приобрести новый для него социальный опыт, наполненный другим, нравственным содержанием. Но на практике социальная и воспитательная среда в интернатном учреждении зачастую носят двойственный характер. С одной стороны воспитатели и администрация пытаются дать воспитанникам возможность нового социального опыта, внедряя нравственные нормы и повлиять на культуру воспитанников, проводя различные мероприятия и беседуя с детьми, с другой стороны повседневный пример поведения взрослых зачастую координально отличается от проповедуемых ими истин. Именно такая дуалистическая ситуация порождает в душе ребенка неверие взрослым, чувство обмана и приучает воспитанников подстраиваться под ситуацию, отвечать правильно на задаваемые вопросы, вести себя так как этого требует конкретная ситуация и конечно, уничтожает в детской душе самое главное – искренность. Самый сильный воспитательный элемент в такой ситуации – викарное научение или пример – работает в ситуации «говорим одно, а делаем другое» с точностью до наоборот.

Но внутренняя двойственная социальная среда не единственный негативный фактор на пути приобретения ребенком социального опыта с новым наполнением. Часто при столкновении ребенка с окружающим миром происходит стереотипизация восприятия ребенком самого себя в обществе в категориях «мы» и «они», появление у детей так называемого комплекса «сироты» и проявление иждивенчества, заложенного в стенах детского дома. Помимо этого у детей складывается стереотип заведомо негативного отношения общества к нему, как к потенциальному хулигану, вору, пропавшему человеку и т.д. Если общество не принимает маленького человека как равного своему уровню. У него не остается ничего другого как пойти туда, где его примут и поймут – к таким же как он. В таком случае - «мы» часто может быть оплотом маргинальности, того знакомого адиктивного и делинквентного поведения, той среды, которая наиболее

понятна и близка Именно по этому для этих детей характерна особая манера поведения, воспринимаемая со стороны как агрессия на окружающий мир, но, по сути, являющаяся защитной реакцией, проявлением уязвимости и следствием опыта отторжения детей не только обществом, но и родными членами семьи.. Замыкаясь среди «единомышленников» и делясь, друг с другом относительно одинаковым социальным опытом, очень часто повторяют путь своих родителей и все новые и новые поколения детей-социальных сирот оказываются в интернатных учреждениях.

Одним из возможных способов разрешения данной проблемы является возможность приобретение ребенком значимого взрослого, человека, который может повлиять на мышление и жизнь ребенка, дать ему возможность обрести новый социальный опыт и приобщить его к основам духовно-нравственной культуры, передавая свой личный опыт. Волонтерство – это ресурс для расширения социального и жизненного пространства детей сирот, увеличение межличностных контактов и возможности обретения детьми значимого взрослого. Практический интерес представляет собой проблема включения волонтеров во взаимодействие с детьми-сиротами, так как для достижения целей и задач, любой процесс взаимодействия должен быть четко организован. Так же обе стороны данного процесса должны быть готовы к этому взаимодействию, должен существовать определенный настрой как у детей, так и у волонтеров.

Организация взаимодействия волонтеров с детьми – сиротами накладывает определенную ответственность на всех участников данного процесса и таит в себе ряд трудностей. Необходимы четкие понимания волонтерами целей и задач их работы, определенные границы, в том числе и психологические, связанные с этой деятельностью и т.д. Опираясь на опыт организации волонтерской деятельности в пространстве интернатного учреждения, с целью приобщения детей-сирот к основам духовно нравственной культуры, необходимо обозначить ряд проблем, связанных с реализацией данной цели. Определение мотивации – основная задача на начальном этапе работы с волонтерами. С самого начала необходимо определить мотив человека, пришедшего работать с детьми.

Большинство людей, ищущих возможность помочь другим людям и детям в частности – столкнулись в своей жизни с травмирующими обстоятельствами, сами испытывают душевную боль или пережили нечто, что подтолкнуло их задуматься о помощи другим людям. В такой ситуации необходимо помочь человеку определить истинную цель – работать с детьми или решить собственную проблему. Добровольная помощь другим людям - это лучшее лекарство от собственной боли, но если это становится самоцелью, то такая мотивация может быть опасна и губительна как

для волонтера, так и для ребенка. Волонтерство в детском доме так же может быть обоснован социальным требованием среды человека – в частности ряд сект обязует своих апологетов нести социальное служение, выбором которого часто является детский дом. Тем не менее, осознание человеком собственного мотива общения с детьми позволяет самому человеку взаимодействовать более эффективно и оградить всех участников взаимодействия от травмирующих обстоятельств.

Помимо этого мотивация тесно связана с определением роли человека в процессе общения. Волонтер четко должен осознавать не только собственный мотив и цель взаимодействия, но и собственную роль в этих новых отношениях. Это очень важно, так как если человек выберет роль не по силам, то для него очень скоро может наступить эмоциональное выгорание или просто-напросто он может стать заложником социальной роли. Так, например, чаще всего, приходя в детский дом, волонтеры не могут заменить ребенку семью, маму или папу. Решения такого уровня требуют времени и осознанности.

Психологическая роль волонтера и мотивация связана с ожиданиями человека и требует работы с ожиданиями, чтобы не дать человеку разочароваться в своей работе, особенно когда дело касается таких целей как приобщение к духовно-нравственной культуры. Нравственные категории оценить весьма сложно, они проявляются в поступках людей, вне зависимости от возраста. Волонтерская работа на данном поприще больше таит в себе опасность «отсутствия результата». Любому зерну необходимо время чтобы прорости, мы можем только создать возможность для опыта, но гарантировать то, что ребенок его примет, освоит и начнет транслировать в своей жизни – мы не можем. Волонтерам необходимо осознание того, что мы приходим в «их» мир со своим «миром», и стать частью «нашего» мира они могут лишь по собственному желанию. Мы не можем никого заставить выбрать значимого взрослого и идти за ним, мы можем лишь предложить возможность выбора. Но именно это заставляет нас говорить об ответственности собственного примера.

Для волонтеров важно осознание того, что он несет ответственность всей своей жизнью перед детьми, с которыми он работает. Любое сказанное слово, поступок, действие, отличающееся от того что волонтеры говорят детям может полностью уничтожить доверие ребенка, вернуть его в ту знакомую двойственную среду детского дома, пространства которого мы пытаемся расширить. В такой ситуации необходимо понимание, это не мы приходим воспитывать их, но мы приходим воспитывать сами себя ради них, потому что мы уже несем ответственность не только за самого себя, но и за тех, кто нас слушает и идет за нами.

Именно в связи с такой невероятной ответственностью, необходима помощь волонтерам в определении уровня вовлеченности в работу, возможность глубины контакта с детьми, необходимо помогать людям рассчитывать свои физические, моральные и духовные силы.

Говоря о приобщении детей сирот к основам духовно-нравственной культуры мы не говорим только о уроках нравственности и духовности, о уроках познания Закона Божьего, мы говорим о примере реальной, обыденной жизни , с новым, вернее иным наполнением, когда вместо злости может быть любовь, вместо месте прощения, вместо крика доброе слово и т.д. Но и в этом случае для волонтера есть опасность перепутать любовь и вседозволенность, строгость и жестокость.

Опыт работы с волонтерами позволил определить организацию взаимодействия волонтеров с детьми – сиротами как целостную систему, позволяющую каждому человеку найти в ней свое место согласно своим талантам, способностям и готовности к работе с детьми. Мы определили необходимость создания курсов обучения и поддержки волонтеров, чтобы помочь им сориентироваться в новом пространстве, познакомить их с психологическими и педагогическими закономерностями работы, а так же рассказать им про детей, с которыми они собираются работать. Предотвращение и предупреждение эмоционального выгорания волонтеров – так же немаловажная часть работы с ними, как и обсуждение трудностей, успехов и неудач. Наличие различных направлений и уровней работы с детьми предоставляет волонтеру возможность роста от помощника в организации мероприятия до куратора направления. Все это позволяет обеспечить возможность развития всех участников процесса взаимодействия, и самое главное, создать условия для раскрытия личностного и творческого потенциала волонтеров.

Создавая возможность взаимодействия волонтеров с детьми-сиротами, с целью приобщения их к основам духовно-нравственной культуры необходимо помнить об ответственности за детей и самих волонтеров. Необходимо создавать условия, в которых может стать возможным раскрытие творческого и личного потенциала личности, как волонтеров, так и детей на добровольной основе. Но самое главное, нельзя забывать, того что категории нравственности и духовности не могут быть навязаны, им нельзя научить как математике, они не могут быть выучены, они должны быть приняты сердцем. Категории добра и зла, нравственности, духовности, а так же ответственность за принимаемые в душе решения можно только объяснить и преподнести как пример, возможность выбора, который происходит у человека в сердце.

Скворцов А.В.
(Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ В НАШИ ДНИ

Всё у нас должно быть второстепенным в сравнении
с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать
их в наказании и научении Господнем.

Святой Иоанн Златоуст

Практически ежедневно, открыв газету, включив радио или новостной блок в интернете, мы узнаём о новых, с каждым разом всё более безнравственных антицерковных и антирелигиозных выходках, происходящих в нашей стране и за её пределами. Если ещё несколько лет назад новость о краже икон из церкви воспринималась как трагичное проявление безнравственности, то в настоящее время сюжеты о разрисованных стенах храмов, сломанных поклонных крестах или бесноватых «панк-молебнах» стали обыденным явлением. Более того, и сами информационные сюжеты уже порой несут не просто изложение событий. Зачастую в них можно наблюдать поддержку лиц, совершающих подобное.

Возникают закономерные вопросы: в чём же причина такого всплеска безнравственности? Кому необходима и выгодна сложившаяся ситуация в обществе? Что является первоисточником современной бездуховности, а порой и антидуховности?

На ситуацию, без сомнения, оказывает влияние большое количество внешних факторов, про которые говорят постоянно: это и «разлагающие влияние Запада», и финансирование, а также глобальная поддержка и международный пиар как выходок, подобных вышеописанным, так и лиц, совершающих их, и схожие факторы. Но первоисточником всего происходящего является воспитание. Точнее – отсутствие необходимого воспитания – воспитания системы духовных ценностей личности.

Современное общество формирует мировоззрение, в котором духовные ценности не занимают должного основополагающего места. В бесноватых выходках, старательно освещаемых СМИ, в роли организаторов и участников выступают, в основном, молодые люди. Причём в ходе общения с ними становится отчётливо видно, что в большинстве своём эти люди не преследуют некой чёткой цели (ни духовной, ни материальной), и даже не стремятся кому-то лично навредить или унизить кого-то своими поступками. Впоследствии становится ясным, что эти молодые люди – не закоренелые безбожники и богоненавистники, как может показаться на первый поверхностный взгляд, а, скорее, заблудшие молодые люди, не

имеющие сформированного духовного стержня и потому легко поддавшиеся искушению.

Чего же не хватает современной системе воспитания? Ведь, казалось бы, сейчас на всех периодах развития ребёнка, от ясельного до школьного, осуществляется подход к нему со всеми аспектами знания его физического и психического развития, существует огромное количество школ педагогики, психоанализа, детской психологии и этологии, которые высокопрофессионально формируют внутренний «стержень» личности. Однако плоды такого формирования общество пожинает не самые благостные.

Председатель Синодального информационного отдела Владимир Легойда в одном из своих интервью, комментируя ситуацию с актицерковными акциями, сказал, что у многих молодых людей «…понятие святыни в их системе ценностей, надо полагать, заведомо отсутствует».

Отсутствие понятия святыни, несформированность образа Божия в человеке с самых ранних лет, недонесении до ребёнка основных православных ценностей, таких, как любовь к ближнему, доброта, честность, покаяние, – всё это ведёт к формированию бездуховной личности.

На протяжении веков жизнь русского человека была вверена, прежде всего, Православной Церкви, православной культуре и традициям. Педагогический опыт наших православных отцов и дедов является самым богатым и включает в себя всю глубину познания души человека. Нельзя забывать, что исконно на Руси основой как крестьянского семейного воспитания, так и воспитания в богатейших дворянских семьях было воспитание религиозное. Даже начало обучения грамоте совершалось по книгам церковным: первой учебной книгой русских православных детей была книга "Псалтирь", любимым чтением в семейном кругу - библейская история и евангельские притчи. Самопожертвованию, патриотизму, стремлению к подвигу дети учились, слушая жития святых. Кроме того, с самого рождения жизнь ребенка связывалась с молитвой, с православным храмом. А с отроческих лет он учился испытывать свою совесть в таинствах исповеди – познавать доброе и отторгать худое [1]. Поэтому сформировать русскую личность во всей её глубине и духовном богатстве может только православное воспитание, которое в настоящее время не является основой формирования личности.

В поиске решения этой проблемы ведутся многолетние, несмолкающие споры относительно необходимости введения религиозной составляющей в школьном образовании. В рамках гуманитарной программы «Духовно-нравственное воспитание» в школах предлагается изучение по выбору либо истории и основ всех основных мировых религий, либо истории и основ одной их 4-х традиционных религий России (православие, ислам, иудаизм или буддизм), либо светской этики. Параллельно с этим

ведущие педагоги дискутируют о необходимости введения в обязательную программу предмета «Закон Божий».

В бесконечной сутолоке этих споров и образовательных реформ совершенно незаслуженно забыт этап воспитания, формирующий самые стойкие духовные ценности личности ещё до школьного периода – семейное воспитание.

На ранних этапах развития личности ребёнка основополагающую роль играет семья. Ребёнок воспринимает мир через семью, которая является единственной, незаменимой для него социальной средой. Христианская семья таит в себе благодать, которая неистощимо пребывает в браке и излучения которой проходят сквозь всю полноту семейных отношений. Отсюда, из этой силы благодати, неистощимо пребывающей в христианском браке, надо выводить все глубокое религиозное значение семьи в духовном созревании ребенка [3].

Необходимо воспитывать ребёнка таким образом, чтобы он сам был заинтересован и целиком вовлечён в процесс христианизации своей жизни. Однако, в современном семейном воспитании существуют две крайности: ребёнка либо просто заставляют ходить в храм, читать молитвы и т.п. (при этом не раскрывая сути происходящего), либо наоборот – родителям всё равно, посещает ли их чадо в богослужения, причащается ли, обращается ли к Богу молитвенно.

Если вторая крайность видна и понятна сразу и её последствия большинство родителей осознают, то первая имеет скрытые на первый взгляд «подводные камни». Она на первых этапах заформализовывает отношение ребёнка к православию, не позволяет впустить в душу Божий образ. Чтение молитв становится не обращением к Богу, а неким формальным ритуалом, механическим прочтением текста и не более того. Всё это ведёт к духовному оскудению личности и в дальнейшем это вызывает постепенно увеличивающиеся отрицательные чувства по отношению к церкви, т.к. она начинает постепенно становится раздражителем в жизни ребёнка (как и всё, что в детском возрасте навязывается ребёнку в обход его воли). Духовное оскудение и измельчание ребенка во втором детстве (особенно в 9-10 годам) сплошь и рядом остается незамеченным, прикрытым, особенно если на поверхности остаются в силе религиозные навыки. Между тем уже в эту пору наступают странные «засухи» в душе, когда не хочется молиться; внешнее совершение молитвы лишь усиливает тяжесть положения и часто подготовляет то выветривание религиозных движений, которое в какой-либо день закончится внезапным исчезновением религиозных запросов в душе [1].

В раннем детстве не существует особых трудностей в вопросе о посещении храма: дети сами охотно пойдут в храм, если идут родители, В эту пору здесь просто не нужно принуждение, дети охотно посещают храм.

Очень углубляет религиозные детские переживания забота об иконах в детской комнате, зажжение лампадки, украшение цветами к празднику и т.д. Если все это делается не просто в воспитательных целях (дети рано или поздно это разберут, и тогда это может вызвать сразу упадок в религиозной жизни), а отвечает всему быту семьи, тогда это очень помогает детям. Велико значение бытовых сторон при праздновании великих праздников, которые тоже очень многое дают детям [2].

Православное воспитание для русского человека является основой формирования системы духовных ценностей. Построить крепкое, процветающее, общество, в котором будут преобладать нравственность, взаимоуважение, сохранение семейных и духовных традиций, искренняя вера, негасимая надежда и чистая любовь, в нашей стране возможно только путём православного воспитания на всех этапах роста личности. Но самым главным и основополагающим педагогическим институтом должна является семья. Если семья сможет должным образом сформировать духовность человека, привести его к Богу, навсегда поселить Бога в его сердце, то никакие внешние соблазны не смогут победить его.

Список литературы

1. «В начале пути...» М.: Храм Трех Святителей на Кулишках, 2002.
2. Православная педагогика как педагогика русской цивилизации. Православный образовательный портал. http://www.portal-slovo.ru
3. Средства религиозного воспитания в семье. Протоиерей Василий Зеньковский. Портал «Образование и православие» http://www.orthedu.ru/vospitan/zenkovsk1.htm

Сухоруков В.Д.
(Санкт-Петербург)

ЕСТЕСТВЕННЫЕ БОГАТСТВА РОССИИ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА

Естественные богатства – это ресурсы природы, но также способности общества обеспечивать жизненными средствами поколения людей. Естественные богатства воплощают потенциальную энергию человеческого пространства, определяют его состояние, свойства, характер и продолжительность существования. Сохранение и преумножение естественных богатств необходимо рассматривать в качестве общественных интересов, которые, в конечном счёте, демонстрируют весь комплекс организации и жизнедеятельности общества.

Естественные богатства России включают: 1) *природное содержание* и *свойства* пространства, которое находится в распоряжении страны, и 2) *живые силы* народа, осваивающего это географическое пространство.

По размеру территории Россия относится к классу *трансконтинентальных* стран. «Фактор географии» является судьбоносным в жизни России. Он активно вторгается не только в физическую, но также в эмоционально-нравственную и социально-политическую сферу российского общества. Поэтому проблема преодоления пространства - одна из сложных комплексных российских задач.

Многие свойства России и российских регионов объясняются характером их *географического положения.* Особенно отчётливыми здесь выступают атрибуты *потенциальности* и *дистанционности.* Однако наиболее ярким аспектом географического положения России считается его масштабная *интегралъностъ,* синтезирующая все составляющие этого ресурсного компонента.

Специального подхода требует оценка *природных условий* России. Здесь необходимо исходить из восприятия природы не самой по себе, но как внешней физической среды, создающей солидарную жизнь людей. Доминирующая *«северностъ»* российской природы накладывает жесткие ограничения на освоение территории страны. Россия вынуждена тратить колоссальные средства для защиты от холода - энергоресурсы, большой объем конструкционных и строительных материалов, производить значительное количество теплой одежды, обуви и т.п.

С климатической характеристикой связаны и другие негативные естественные факторы. По имеющимся оценкам почти *3А* территории современной России неблагоприятны или малоблагоприятны для жизни человека. Лишь сравнительно небольшие площади (по масштабам России) относятся к зоне наиболее удобной для жизни людей и представляют экономически активную территорию страны.

Ведущую компенсаторную роль в сфере естественных богатств играет *природно-ресурсный потенциал* России. Огромное значение для всех сторон жизнедеятельности государства имеет, прежде всего, *минерально-сырьевой комплекс.* Известно, что минеральные ресурсы в нашей стране разнообразны и велики.

Вместе с тем природное содержание и свойства пространства становятся естественным богатством по мере их превращения в полезные силы природы, в её ресурсы. Следует иметь в виду, что всё богатство, созданное природой за миллиарды лет, реализуется через огромные интеллектуальные, духовные и волевые человеческие усилия. Другими словами, необходимо правильно понимать сущность термина «богатство» и сознавать его корневую связь со словом «Бог». Богат тот, кто ценит полученную от Бога природную среду, генетические способности её освоения и культуру предыдущих поколений (невещественные богатства). Человек может закатать землю в асфальт, наполнить её бетонными и металлическими коробами, умножить техногенные ландшафты, но не в состоянии повторно получить

данное природой. Благодаря этому глобальному пониманию сущности бытия нашими неторопливыми и разумными предками Россия сохранила более половины своей территории в неизменном природном виде. Близок тот момент, когда человечество осмыслит, что это и есть то бесценное богатство, которым оно располагает как биологический вид. Напротив, безмерное поглощение природы при неадекватной нравственности губительно для человечества.

Таким образом, главным естественным богатством страны надо считать *живую силу* её население. Живая сила народа определяется его культурным и духовно-нравственным уровнем, способностью к работе, талантливостью, умственными и моральными качествами, накопленным опытом и сложившимися традициями. Народ, находящийся в этих областях очень высоко, может достигнуть весьма многого даже в том случае, если природные богатства его страны ничтожны.

Природные богатства, соединяясь с мыслительным, волевым и духовнонравственным характером людей, образуют *естественные производительные силы* общества. Они, в свою очередь, выступают главным механизмом развития и обустройства всей страны.

Естественные производительные силы, в конечном счёте, генерируют *общественное богатство.* Общественное богатство измеряется материальными благами, созданными трудом всех поколений людей, но также невещественными ценностями, определяющими консолидированный потенциал народа. Поэтому единственным и достоверным общественным богатством, которым на самом деле обладает та или иная страна, является её население и духовно-нравственное состояние народа. Необходимо осознавать, что кроме вещественных, прагматических ценностей в окружающем мире есть иные - духовные. По сравнению с первыми, они выше и более значимы. Это важно понимать, потому что современная действительность заражена насаждаемым повсюду прагматизмом, поражающим людей духовной слепотой и подавляющим в человеке «рефлексы идеала».

Нелишне вспомнить, что наши предки понимали под духовностью незримую связь человека с Богом, которая неизбежна, ибо человек имеет бессмертную душу. «Истинно великая идея на земле лишь одна, - писал Ф.М. Достоевский, - идея о бессмертии души человеческой...» В связи с этим очевидна евангельская истина: «Не хлебом единым жив человек...».

Итак, кроме насущного хлеба (т.е. всего вещественного, прагматического, необходимого для потребления телу), есть хлеб духовный. Человек живёт по-человечески, когда его жизнь - не вещественное потребление, но деятельное духовное бытие, творчество, когда он руководствуется любовью и стремлением к идеалу. Только в этом случае рождается собственно человек, существо, настроенное на созидание.

Гуманитарная и демографическая сфера в современной России - одна из тревожных. Уже два десятка лет страна находится в состоянии депопуляции. За это время суммарная естественная убыль составила 5 млн человек. В результате по численности населения среди стран мира Россия отодвинулась с 6 места (в 90-е годы) на 9 сейчас. Основные демографические показатели в стране остаются стабильно низкими. Например, по такому важнейшему показателю, как ожидаемая продолжительность жизни (68,7 лет) Россия уступает не только всем экономически развитым странам, но и очень многим развивающимся государствам.

Не менее велики социальные контрасты общества. Доходы 10% самых богатых людей России превышают доходы 10% самых бедных граждан в десятки раз. Социальную пропасть ярко иллюстрирует другой факт: в современной России насчитывалось свыше 150 тыс. долларовых миллионеров (12 место в мире), но на другом полюсе - почти 20 млн граждан, проживающих за чертой бедности. (К тому же, минимальная заработная плата и пенсия в России остаются недопустимо низкими).

К этим и другим прискорбным фактам добавляется девальвация российской образовательной системы. По уровню общего образования сейчас мы находимся в пятом десятке стран мира, в то время как в недалёком прошлом входили в первую тройку. В сфере высшего профессионального образования Россия имеет только 2 вуза мирового уровня, но они в глобальном рейтинге занимают далеко не престижные места.

Указанная ситуация обусловлена не столько экономическими, но, главным образом, духовными причинами, связанными с отходом от нравственных идеалов, понимания самоценности человеческой жизни. Следовательно, благополучие общества, его материальное богатство и хозяйственное процветание состоит, прежде всего, в духовном, нравственном, культурном росте.

Таким образом, богатство России в истинном смысле - это не накопленный материальный результат, но способность общества сохранять имеющееся и воспроизводить новое. Об этой невещественной составляющей богатства необходимо заботиться в первую очередь. В противном случае материальные ценности станут утрачивать свою общественную полезность, а их частные успехи будут лишь усугублять проблемы общества.

Таким образом, общественное достояние обладает очень ёмким содержанием и заключает в себе определённый положительный смысл, отвечающий целям и стремлениям человека. Богатство воспринимается не только в материальной форме, но также имеет социальное и духовное выражение. Множественная сущность богатства подчеркивает характер человеческих потребностей, которые имеют естественную обусловленность, но в большей мере определяются общественной нравственностью и дру-

гими гуманитарными атрибутами. Поэтому богатство страны обязано соотноситься с многочисленными показателями. При этом бездумная потребительская ориентация на непредсказуемые физические и чувственные наслаждения без меры перемалывает человеческие и иные ресурсы и ведет к необратимым последствиям в среде обитания людей.

Иначе говоря, недостаточно обладать мощным экономическим потенциалом, грозным вооружением, многочисленной армией и спецслужбами. Необходимо иметь собственную идейную концепцию использования этих возможностей во благо общества, ибо при сохранении духовного негатива в сочетании с унизительной социальной практикой скорая деградация всех созданных ценностей неизбежна.

Итак, главными содержанием общественного богатства следует считать духовно-нравственные атрибуты человека, выражающиеся в его смысложизненных установках и деяниях. Они формируют *духовнонравственные интересы общества,* нацеленные на сохранение и развитие позитивной созидательной силы народа. В случае принижения духовнонравственных идеалов неизбежное самодавлеющее значение приобретает бесконтрольная тоталитарная власть. Поэтому важнейшим несущим элементом всей общественной структуры России выступает духовно-нравственное содержание жизни. Соответственно Церковь как власть духовная наряду со светской властью должна являться непременной чертой российской государственности.

Отсюда вытекает обязательный императив сбережения российского жизненного пространства и народных талантов в логике национальной духовности, нравственности, культуры, науки, политики, экономики, экологии. Народу России необходима вера и стратегия возрождения отечества на идеях общественного благоразумия, справедливости, мужества и стойкости. Замысел России как одной из ведущих мировых держав, базирующейся на принципах духовно-нравственного возрождения должен стать такой основой, которая объединит государственные, коллективные и личные интересы её граждан, превратится в национальный символ.

Скупинова Е.А.
(Вологда)

ДУХОВНОЕ НАПОЛНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (при чтении курса «География Вологодской области»)

Определение *духовный*, вынесенное в заголовок статьи, является неоднозначным, поэтому сразу хотелось бы указать на смысловые границы его применения в данном материале. Православное представление о *духовном* связывает его с миром Божественного бытия, обыденное – с внут-

ренним нравственным миром человека. В образовательном пространстве *духовное* чаще всего подразумевает ментальное наполнение объектов материального мира и в географии наиболее отчетливо выражается в представлении о культурном ландшафте. Одухотворение природы – еще одна из возможностей формирования личностной эмоциональной окраски знания, широко применяемая в географии. Строго говоря, само наименование предмета – землеописание – подразумевает эмоционально-оценочный аспект его содержания.

В Вологодской области уже более полувека в той или иной степени реализуется идея формирования регионального образовательного пространства, сориентированного, в том числе, и на духовное наполнение и охватывающего все слои населения. Наиболее показательными современными аспектами этого процесса являются широко используемые в краеведческой литературе и в обыденной жизни представления о Северной Фиваиде, постоянно повышающаяся роль православной культуры, четко обозначенное место инфраструктуры православия в духовной жизни региона. Об этом свидетельствует совместная деятельность Вологодской епархии и департамента образования, в частности реализующих через «Духовно-просветительский центр «Северная Фиваида» совместные проекты, такие как Малые Дмитриевские и Ферапонтовские чтения, поддерживающих трудовые краеведческие лагеря православной направленности Центра детского и юношеского туризма и экскурсий Вологодской области и другие проекты. Активность развития духовного компонента образовательного пространства особенно связана с реализацией образовательной программы «Истоки», зародившейся в Вологде и получившей всероссийское признание (Камкин А. В., Кузьмин И. А.).

В самом общем виде образовательное пространство включает в себя набор определенным образом связанных между собой условий, влияющих на образование человека, и территорию, рассматриваемую с образовательной точки зрения. Планомерное и обретшее организационные рамки формирование регионального образовательного пространства «Вологодский край» началось в середине 1990-х годов, когда были разработаны и внедрены в практику учебной работы стандарты образовательных областей «Природа края», «История края», «Экономика края», «Культура края» (Судаков В. В.).

Реализация регионального стандарта средствами учебного предмета *география* была определена содержанием областей «Природа края» и «Экономика края» (Скупинова Е, А., Максутова Н. К., Праслова С. Н.). В них были заложены идеи внедрения в учебный процесс гуманизации, социализации, экономизации и экологизации. Предусматривалась реализация принципов дифференциации, междисциплинарности и наглядности. Деятельность обучающихся рассматривалась как основа образовательного

процесса, развития познавательной активности и формирования навыков самообразования.

Учебно-методический комплекс по географии Вологодской области формируется с 1960-х годов: эта работы была начата выходом в свет первого в СССР регионального учебника географии (Дмитревский Ю. Д.). Современная структура регионального образовательного пространства в сфере предметной области географии включает в себя три компонента: пространственно-организационный, коммуникационно-организационный и содержательно-методический. Наполнением третьего блока является учебно-методический комплекс «География Вологодской области» (Скупинова Е. А., Золотова О. А.).

Региональное географическое образование включает в себя три содержательные линии: пространственная структура природы, населения и хозяйства; закономерности развития и функционирования природных и хозяйственных систем; геоэкологический анализ взаимодействия природы, населения и хозяйства. Сама формулировка содержательных линий географического образования в регионе определила междисциплинарный характер информационного наполнения образовательной области и ее связующий характер.

Место региональной географии в образовательном пространстве определяется, прежде всего, федеральным компонентом образовательных стандартов по географии на всех трех уровнях образования: общего, среднего и высшего. На его основе разработан и внедрен в практику работы школы и педагогического вуза области региональный компонент образования, простирающий свое влияние в содержание учебных дисциплин «Истоки», «История Вологодского края», «Литература Вологодского края», «География Вологодской области», «Экономика Вологодской области» и «Экология Вологодской области». Одновременно были разработаны многочисленные элективные курсы, направления внеклассной и исследовательской деятельности учащихся, в том числе и получившая широкое развитие «Школа практической экологии» (Коробейникова Л. А.). Параллельно начата работа по подготовке и переподготовке учителей и информационно-образовательная и просветительская деятельность среди населения области.

Реализация идей, заложенных в УМК, началась с подготовки «Программно-методических материалов по географии Вологодской области» (2003, 2008), восьмого издания школьного учебника (2005), пакета контрольно-измерительных материалов (2003), серии учебных пособий широкого назначения (2006-2009) и географического атласа (2007). Сейчас идет подготовка электронных учебных пособий по географии области, направленных и на широкие слои населения. В их числе интерактивные справочники-указатели географических объектов, вошедших в список

обязательных для запоминания в школе и в вузе (Бондаренко Д. А.), объектов природного и культурного наследия, расположенных вдоль трассы Мариинки – Волго-Балта (Титова О. В., Золотова О. А., Попета Е. С.), подготовленные коллективом авторов учебный фильм «200 лет Мариинской водной системе» (2010) и путеводитель «По Мариинке и Волго-Балту: путешествие в пространстве и во времени» (2011) и другие. Основной задачей разработчиков учебно-методического комплекса стало обеспечение как взаимосвязи, так и автономности его составных частей.

В настоящее время УМК «География Вологодской области» включает в себя учебник, атлас, рабочие тетради, серию тематических учебных пособий, электронные источники информации и интерактивные пособия. Существенной особенностью курса является его духовное наполнение, создававшееся целенаправленно и ориентированное на эмоциональное восприятие предмета с одной стороны, и на формирование духовно-нравственных ценностей личности – с другой.

С той целью в учебнике сформирован блок текстов для дополнительного чтения, включающий в себя сюжеты о вологжанах-землепро-ходцах, об особенностях освоения и преобразования природных комплексов, об истории формирования хозяйства и использования водных путей, о народных ремеслах и промыслах и об исторических городах. Доля таких материалов составляет более 12% от общего объема учебника. Текстовая часть учебника, не давая оценочных характеристик, ориентирует учащихся, в том числе, и на осмысление роли православной культуры в становлении системы расселения и формировании современного облика ландшафтов области. Так указывается на происхождение городов из подмонастырских слобод (Череповец, Кириллов), на роль крупных монастырей (Спасо-Прилуцкий и Спасо-Суморин) в освоении природных ресурсов, на маркировку границ Верховажского культурного ландшафта придорожными часовнями и памятными крестами и т. п.

Более 18% иллюстраций учебника демонстрируют культовые объекты как примеры сооружений, вписанных в ландшафт, как объекты, вокруг которых формировались ядра освоения территории, как архитектурные доминанты местности, как сакральные объекты культурных ландшафтов и в иных подобных контекстах.

В атласе Вологодской области (2007) на картах раздела «Историко-культурный и природный потенциал» демонстрируется местоположение святых мест, исторических городов, памятников истории и культуры. В качестве способа изображения выбраны значки-символы – православный крест, контур часовни и монастырского комплекса, а иллюстрируют раздел фотографии Ферапонтова монастыря – Музея фресок Дионисия, деревни Устье с православным храмом и часовни над святым источником в Вологодском районе. На туристической карте приведены эмблемы турист-

ских брендов муниципальных образований области, в том числе православный храм для бренда Верховажского района «Дорогой Ломоносова» и контур надвратных церквей Ферапонтова монастыря для бренда Кирилловского района «Святая Земля». На картах раздела «Города» особыми условными знаками показаны церкви, соборы и монастырские комплексы, а в качестве иллюстраций помещены фотографии соборов «Вологодского Кремля», Успенского собора в Великом Устюге, Кирилло-Белозерского монастыря. Раздел «Культура» иллюстрирован изображением музея мореходов в Тотьме, расположенного во Входоиерусалимской церкви. Это отдельные примеры прямого духовного наполнения регионального образовательного пространства Вологодской области, ассоциативное же звучание сюжетов православного содержания можно уловить практически во всех частях УМК.

Список литературы

1. Атлас Вологодской области: учеб. пособие / под ред. Е. А. Скупиновой. – СПб.: ФГУП «Аэрогеодезия»; Череповец: ООО «Порт-Апрель», 2007. – 108 с.
2. География Вологодской области: учеб. для учащихся 8-9 классов общеобразовательной школы / под ред. Е. А. Скупиновой, О. А. Золотовой. – 8-е изд., переработ. и доп. – Вологда: Учебная литература, 2005. – 240 с.
3. *Дмитревский Ю. Д.* География Вологодской области. – Вологда, 1961. – 80 с.
4. *Золотова О. А., Скупинова Е. А., Максутова Н. К., Спирин В. В., Шестакова Л. Г.* География Вологодской области: программа и тематическое планирование: учеб.-метод. пособие / под ред. Е. А. Скупиновой. – Вологда: Издательский центр ВИРО, 2007. – 88 с. – [Сер. Национально-региональный компонент в содержании образования: «География Вологодской области»].
5. *Кузьмин И. А., Камкин А. В.* О развитии системы духовно-нравственных ценностей в контексте программы «Социокультурные Истоки» // Отечественное образование. М.: Издательский дом «Истоки»; Институт содержания и методов обучения РАО, 2007 г. Т. 1.: Интеграция духовно-нравственного образования в различные учебные дисциплины. – С. 86–97.
6. *Праслова С.Н*. Общие подходы к разработке стандартов образовательных областей // Методологические основы разработки регионального компонента государственных образовательных стандартов. – Пермь, 1996. – С. 161–170.
7. Программно-методические материалы по географии Вологодской области / под ред. Е.А. Скупиновой. – Вологда: изд-во ВИРО, 2003. – 264 с.
8. *Скупинова Е. А., Максутова Н. К.* Региональный стандарт образовательной области «Природа края» / Стандарты образовательных областей, образовательные стандарты. – Вологда: ИППК, 1995. С. 62–75.
9. *Скупинова Е. А. Золотова О. А.,* Учебно-методический комплект по курсу «География Вологодской области» для 8-9 классов образовательных учреждений Вологодской области // Модернизация образования – фактор повышения конкурентоспособности Вологодчины: Вторая областная выставка «Педагогическая инноватика» 14–16 декабря 2005 г.: Сборник статей научно-практической конференции / Научный редактор В. В. Судаков. – Вологда: Издательский центр ВИРО, 2006 – С. 240–247.
10. *Судаков В. В.* Теоретические основы разработки и введения национально-регионального компонента государственного стандарта общего среднего образования: автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 1999. – 400 с.

11. *Суслова Т. А., Коробейникова Л. А., Скупинова Е. А.* Школьный экологический мониторинг как форма непрерывной экологической практики Непрерывное экологическое образование: от этапа к этапу. Опыт Вологодской области. Ч. II. Основная, полная средняя школа и учреждения дополнительного образования. Вологда, 2001. С. 191–198.

Титова О. В.
(Вологда)

МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СЕТИ ООПТ

Монастырские комплексы играли огромную роль в освоении и культурном развитии Русского Севера, в том числе и Вологодской области. Всего на территории области с XII по XIX вв. существовало 128 монастырей. Как правило, монастырские комплексы приурочены к привлекательным в природном отношении территориям, например, к вершинам холмов, высоким берегам рек. Такие территории в настоящее время нередко являются охраняемыми.

В настоящее время на территории Вологодской области расположено 180 особо охраняемых природных территорий федерального и регионального значения. В их границах или непосредственной близости (радиус 5 км – часовая пешеходная доступность) расположены 17 монастырей различной степени сохранности. Наиболее хорошо сохранившимися и ценными в историко-культурном отношении являются объект Всемирного наследия ЮНЕСКО Ферапонтов монастырь с фресками работы Дионисия, особо ценный объект культурного наследия РФ Кирилло-Белозерский монастырь, объект культурного наследия федерального значения Горицкий монастырь. Все они расположены на территории национального парка «Русский Север» и пользуются популярностью у туристов. Однако в сети ООПТ Вологодской области есть и другие монастырские комплексы, которые исторически связаны с охраняемой территорией, но не включены в ее границы. Поэтому возникает территориальный разрыв между объектом историко-культурного наследия и его природным окружением, что затрудняет возможность их совместной охраны.

Одной из таких ООПТ является ботанический памятник природы «Старый парк» в д. Юношеское, который расположен в Грязовецком районе в долине реки Нурмы. Памятник природы образован в 1966 году. Уникальность данной территории заключается в том, что здесь очень компактно расположены ценные природные и историко-культурные объекты, непосредственно связанные со строительством и функционированием Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря. Еловый массив,

часть которого – памятник природы, является остатком монастырского парка, заложенного в 80-е годы XIX века. В настоящее время первоначальные посадки сохранились лишь частично – видна обсадка вдоль дороги Юношеское – Косиково и отдельные участки в центральной части лесного массива. Остальные посадки – вторичные, возрастом от 50 до 100 лет. Природная значимость лесного массива заключается в том, что он обладает богатым набором редких видов растений и комплексом ассоциаций южно-таежного типа, является местообитанием типичных таежных видов животных, в том числе более 70 видов птиц. Кроме того лесной массив является регулятором гидрологического режима обширной территории.

Высока историко-культурная значимость памятника природы и прилегающих к нему окрестностей. Историко-культурное значение имеет сам лесной массив, т.к. является антропогенным по происхождению. На его территории (но вне современных границ ООПТ) расположен комплекс сакральных объектов, связанных с именем основателя Павло-Обнорского монастыря, ученика Сергия Радонежского – преподобного Павла Обнорского. Это два святых источника – «нижний» и «верхний», купальня и камень, на котором, по преданию, молился Павел Обнорский. Кроме того, на противоположном берегу реки Нурмы расположен Свято-Троицкий Павло-Обнорский монастырь, основанный в 1414 году, который является памятником архитектуры регионального значения. Соборный храм монастыря – Троицкий, был построен в 1505-1516 гг. по повелению и содействию Ивана Грозного и был уничтожен в 1936 году. В 1546 году на территории монастыря была возведена церковь Павла Обнорского, которая была разобрана в 1875 году. На ее месте была возведена одноглавая четырёхстолпная церковь во имя Корсунской Богоматери с приделами Сергия Радонежского и Павла Обнорского, которая до настоящего времени не сохранилась. В 1924 году монастырь был закрыт и возвращен церкви лишь в 1994 году в качестве подворья Спасо-Прилуцкого монастыря. С 2003 года является самостоятельным действующим мужским монастырем, наместником которого является игумен Амфилохий. Братия составляет 4 человека, также в монастыре проживают 5 трудников. Сейчас единственным действующим храмом на территории монастыря является Успенская церковь, построенная в 1586 году и с тех пор неоднократно перестраивавшаяся. Кроме того, на территории монастыря расположены следующие объекты историко-культурного наследия: Воскресенская церковь (1869 г., руинизирована), настоятельский корпус (XVII век), братский корпус (XVIII век), здание гостиницы (начало XIX века), фрагмент ограды монастыря с погребами (XIX век), часовня Павла Обнорского (2002 г.) на месте, где покоятся мощи преподобного, звонница (2009 г.), насыпной холм – «Голгофа» с крестом в память о 100-летии Серафима Саровского. Также мемориальную ценность представляет собой могила химика Л. А. Чугаева на монастырском клад-

бище и старое русло реки Нурмы (было изменено, т.к. река подходила вплотную к монастырским стенам). В настоящее время монастырь восстанавливается на собственные средства, а также средства Вологодской епархии, регионального бюджета и благотворителей.

Таким образом, на небольшой по площади территории сконцентрированы уникальные природные и историко-культурные объекты, связанные единой историей создания. Однако территориальный и комплексный подходы к сохранению этих объектов здесь не реализуются в должной мере. Лишь часть объектов Павло-Обнорского монастыря состоят под охраной государства как памятники архитектуры. Малая часть лесного массива (по положению № 986 от 30.07.2007 – 5 га) состоит под охраной как узкопрофильный (ботанический) памятник природы регионального значения. Единая в природном и историческом отношении территория лишь частично охраняется различными ведомствами, что может привести к утрате ценных объектов природного и культурного наследия. В связи с этим мы предлагаем внести следующие изменения в организацию ООПТ на данной территории.

1. Создать без изъятия земель из хозяйственной эксплуатации охраняемый природный комплекс «Юношеское», который будет включать территорию современного ботанического памятника природы «Старый парк» д. Юношеское (37 квартал ГУ «Грязовецкий лесхоз», выдел 3), 4, 6, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15 выделы 37 квартала, правый берег реки Нурмы. А также территорию Павло-Обнорского монастыря и часть территории деревни «Юношеское» на левом берегу реки.

2. Выделить на территории природного комплекса четыре функциональные зоны.

I. Зона охраны природных комплексов. Включает часть лесного массива на правом берегу реки Нурмы, активно не используемую в целях рекреации. Это большая часть 3 выдела, 12, 13, 9 выделы, часть 8, 15 и 14 выделов 37 квартала ГУ «Грязовецкий лесхоз».

II. Зона охраны историко-культурного наследия. Включает территорию Павло-Обнорского монастыря на левом берегу реки Нурмы, в том числе насыпной холм – «Голгофу», холм с Воскресенской церковью, а также территорию старого русла реки Нурмы.

III. Рекреационная зона. Включает часть лесного массива на правом берегу реки Нурмы, обустроенную для посещения. Это 4, 5, 6, часть 3 и 8 выделов 37 квартала ГУ «Грязовецкий лесоз».

IV. Зона хозяйственного использования. Включает территорию д. Юношеское и сельскохозяйственные угодья, примыкающие к зоне охраны историко-культурного наследия с юга и юго-востока.

3. Для каждой зоны установить особы охранный режим.

Таким образом, создание охраняемого природного комплекса «Юношеское» при расширении границ существующего ботанического памятника природы позволит сохранить целостность уникальной природно-культурной территории. Проведение зонирования и установление охранного режима каждой из зон позволит наиболее эффективно одновременно и сохранять природные и историко-культурные комплексы и вовлекать их в регулируемую туристскую деятельность, тем более что данная местность в значительной мере уже обустроена для посещения.

Соколова Е. Н.
(Вологда)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ В ЛАНДШАФТНО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ БЕЛОЗЕРЬЯ

Белозерье – самый древний на Европейском Севере район славянского заселения, известный в период своего расцвета большим количеством православных храмов и обителей. Тысячелетняя история освоения территории и специфика ландшафтов сформировали здесь особую ландшафтно-архитектурную среду, которая ярко и полно передаёт традиционный образ культурного ландшафта Русского Севера.

Роль архитектурной доминанты в северорусском культурном ландшафте традиционно принадлежит православным храмам. Храмы передавали образ Горнего мира на земле, поэтому в пространстве реального ландшафта для их возведения стремились отыскать место, отмеченное Божьей благодатью, которое характеризовалось бы особой выделенностью из окружающего ландшафта: крупные холмы, высокие берега рек и озер, полуострова и острова водоёмов. В таком природном контексте храмы и их комплексы визуально объединяли обозреваемое пространство, размеры которого определяются расстояниями среднего и дальнего уровня восприятия – от 300-700 м до 3-5 км [1]. Такой размер пейзажного пространства органичен для ландшафтов Белозерской гряды, потому что соответствует размерности и ритму пространственных объемов, задаваемых сочетанием холмов и межхолмных понижений.

Природная специфика ландшафтно-архитектурной среды Белозерья определяется композиционной ролью многочисленных озер, разбросанных среди моренных и камовых холмов Белозерской гряды, образующих массивы площадью от 1-5 до нескольких десятков км^2. Холмы имеют беспорядочное расположение, округлую неправильную форму, высоту от 6 до 20 м и ширину в основании от 150 до 1000 м. Склоны холмов могут быть различной крутизны – от 3-5° до 20-30°, вершины – куполовидной формы или уплощенные [2]. Так, в описании Заболотского прихода Белозерского

уезда Новгородской губернии, составленном в XIX в., упоминается гора Куликова (также Куликовская) с одноименной деревней на вершине: «*…Куликово, стоящее на самом возвышенном местоположении Заболотского прихода. При деревне этой часовня пророка Ильи, о которой есть предание, что она устроена на память разоренного панами девичьего монастыря, … с горы видна вся окрестность Белозерского уезда и Заозерские церкви: Ухтома,… Бор* (Липин Бор – *прим. автора*)*, Вашки,… , Киуй и Киснема*» [3].

Исторические источники позволяют говорить о существовании на территории Белозерского района в его современных границах (без города Белозерска) девяти монастырей и около полусотни храмов [4]. До наших дней сохранились в основном каменные постройки XVIII-XIX вв. Точное их число назвать сложно, вероятно, более двух десятков [5]. Следует отметить, что речь идет в основном о сильно разрушенных постройках, которые, тем не менее, позволяют составить общее представление о ландшафтно-архитектурной среде южного Белозерья.

Обычно такой крупный водоем как Белое озеро, создает композиционную основу визуального пространства, но в южном Белозерье, за исключением города, этот принцип не соблюдается. Из-за сильной заболоченности прибрежной низменности поселения и храмы на Белом озере ставили только при устьях и истоках крупных рек. Так, при устье р. Кустовки на ровном мысу окруженная с трех сторон водой стоит каменная, оформленная в стиле барокко, Петропавловская церковь (1813, 1819 г. - здесь и далее год/годы строительства – *прим. автора)*. Деревни давно уже нет, а церковь находится в аварийном состоянии [6]. Каменные церкви украшали Мондому, Куность, Маэксу.

У истока р. Шексны из Белого озера на правом её берегу в 1251 г. был учрежден один из первых на русском севере Усть-Шехонский монастырь. По преданию его основал удельный князь Белозерский Глеб в благодарность за исцеление сына от слепоты. Последний, отстроенный в 1757 г. в камне и освященный в честь Живоначальной Троицы храм монастыря не сохранился. В 1764 г. монастырь был упразднен и обращен в приход, присоединенный затем к соседнему Крохинскому. Приходская каменная в стиле позднего барокко церковь Рождества Христова при д. Крохино (1788-1820 гг.) в 1960 г. подтоплена водами р. Шексны и Белого озера, образовавшими единое водохранилище. Теперь остов полуразрушенного храма поднимается из воды, а в маловодные годы вокруг его стен обнажается небольшая отмель.

Оказалась на острове и приходская Сретенская церковь в устье р. Ковжи. При устье р. Ковжи существовал Николаевский Ковжинский монастырь, но место, где в XVIII-XIX вв. стоял храм Святого Николая, также ушло под воду.

При истоке р. Андоги из озера Андозера в начале XVI в. существовал Успенский Андогский (иначе Андозерский в Становищах) мужской монастырь. После упразднения монастыря его деревянная Успенская церковь стала центром прихода, причисленного в 1831 г. к Троицкой церкви Андозерского прихода. Его каменная церковь была построена на южном берегу озера еще в 1797 г. на выдающемся в озеро мысу. Сегодня можно увидеть севернее д. Борково сильно разрушенное здание бывшей приходской церкви.

Размещение церквей на возвышенных берегах рек, типичное для севера, не характерно для территории Белозерского района в силу ее природных особенностей. Если не считать Шексну и Ковжу, крупных рек в Белозерском районе две – Шола и Мегра. На их местами высоких берегах сегодня известно только два храмовых комплекса. Комплекс церкви Рождества Богородицы (1806 г.) расположен на левом берегу р. Шолы в пос. Зубово (отсутствует завершение и верхний объем храма, а также верхние ярусы колокольни, сохранились кирпичный дом причта и остатки ограды). На левом берегу р. Ломны на возвышенности напротив д. Мартыново находится приходской комплекс с двумя церквями. Каменная церковь (1893 г.) бывшего Ломенского прихода освящена во имя Рождества Христова (завершение и колокольня утрачены). В архитектурном плане она отражает период эклектики. В юго-восточной части погоста стоит деревянная церковь Георгия (1764 г.). Её здание очень обветшало, местами разрушилось, не осталось следов от колокольни. Комплекс дополняют дом священника, сторожка, здание церковно-приходской школы и надгробия старинного погоста. Еще один также уже почти утраченный образец деревянного культового зодчества Белозерья - часовня Кирилла Новоезерского (1859 г.), расположена в центре д. Анашкино (северный берег озера Новозеро).

Большинство церквей в южном Белозерье располагалось при озерах Белозерской гряды и на их островах. При таком местоположении обозреваемость архитектурных сооружений значительно возрастает, а при размещении посреди озера на острове достигает максимума.

Над восточным берегом озера Новозера поднимается невысокий холм, называвшийся Кобылиной горой. На вершине холма на кладбище, в 800 метрах от по. Карла Либкнехта (бывшей д. Кобылино), стоит церковь Тихвинской Богоматери (1832 г.). Каменный храм в стиле ампир поднимается из груды обломков, украшавшая его купол световая ротонда и колокольня разрушены. На одном из островов озера - Красном в 1507 г. был учрежден известный и сегодня Воскресенский Белый Кириллов Новоезерский монастырь. По историческому описанию монастыря в середине XIX века в нем «*состоит жителей: монашествующих 17, послушников 21 и богомольцев 32…Зданий в монастыре каменных: а) церквей 4, сверх того …вне монасты-*

ря на Кобылиной горе, часовен 1, и, особенно вне монастыря 2, на северном берегу Нова-озера и … »[7].

На одном из самых больших островов озера Ворбозомского - также Красном, был монастырь, упоминавшийся в 1501 г. как Благовещенский Зосимовский. В 1684 г. он был приписан к Новоезерскому, в 1764 г. - упразднен и обращен в приход. В 1795 – 1829 гг. на острове вместо деревянной была построена каменная церковь Благовещения с колокольней, её руины сегодня видны в северо-западной части острова. На окраине села Воздвиженье западным фасадом к озеру стоит каменная в стиле классицизма церковь Воздвиженья Креста Господня (1804-1828 гг.). Хотя крест и многие элементы внешней и внутренней отделки ныне утрачены, этот храм относительно неплохо сохранился и объединяет в единое визуальное пространство окрестности всего озера, в том числе деревни, расположенные на его противоположном берегу.

Озеро Лозско-Азатское - одно из самых живописных на территории Вологодской области. В северной части озера на одном из островов расположена уже сильно разрушенная каменная с колокольней церковь Рождества Богородицы. В XIX в. на крупном полуострове, разделяющем акваторию озера на два водоёма, был большой приход, объединявший 8 деревень «острова» и деревни восточного берега. В приходе - каменная церковь с каменной же оградой с пятью башнями и святыми воротами. Известно, что в XVI в. на южной оконечности полуострова существовал Николаевский Азатский мужской монастырь. Вполне вероятно, что приходской комплекс сформировался на месте упраздненного монастыря.

Многие поселения и храмы Белозерья расположены на узких межозерьях. Так, между Азатским и Родионским (Илозером) озерами в XVI в. существовала Рождества Богородицкая Иродионова Илоезерская (иначе Азатская Родионовская) мужская пустынь, позже – Богородицко-Рождественский Междуозерский приход, затем - Родионовский погост. На месте пустыни, на западном высоком берегу в небольшой роще еще в XIX в. стояла приходская каменная церковь.

На южных окраинах Белозерского района в пределах Андогской гряды озер нет, и холмы не образуют таких, как на Белозерской гряде, групп. Но и здесь есть отдельные вершины, с которых открываются необозримые лесные дали. Наиболее высокие холмы хранят остатки ныне заброшенных деревень Кызголойды, Кыргоды, Олино, Титовой Горки, Нового Стана, Лилигумзи, Дорватово, Вельшино. Близ нежилой д. Олино, стоящей в 5 км от проезжей дороги, церковь отмечает вершину самого высоко в окружающем пространстве холма. Примерно в километре от самой высокой точки Андогской гряды, куда попасть легче с юга, со стороны Череповецкого района, находится полуразрушенный каменный храм (1775 г.) бывшего Данилова Преображенского Шужгорского монастыря XVI века. С руин, вен-

чающих Шужгорскую гору, открывается изумительный по широте и дальности перспективы вид, особенно в наиболее богатое красками осеннее время.

Традиционный культурный ландшафт Севера России формировался на единстве христианского восприятия и природы, и архитектуры как проявлений единого Образа, являющегося истиной меры и красоты [8]. Белозерский ландшафт как нельзя больше соответствовал таким исканиям. При всех невосполнимых потерях белокаменные православные храмы Белозерья передают самую суть традиционной севернорусской культуры и сохраняют образ её культурного ландшафта.

Список литературы

1. *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приёмы, восприятие). – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1982, с. 149.
2. *Проблемы стратиграфии четвертичных отложений и краевые ледниковые образования Вологодского региона* (Северо-Запад России. Материалы междунар. симпозиума. М.: ГЕОС, 2000, с. 10-18; Максутова Н.К., Скупинова Е.А. Ландшафтный мониторинг охраняемых природных территорий: учеб. пособие. Вологда: Полиграфист, 2003, с. 52-61.
3. *Богословский Н.* Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей //Новгородский сборник. Вып. I. Издание новгородского статистического комитета. – Новгород, 1865, с. 92 - 104.
4. Списки, а также локализация и описания храмов, упоминаемых в статье, произведены по источниками: Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. В 3-х тт. СПб.: Синодальная типография, 1890-1897; Богословский Н. Материалы для истории…, 1865; Две переписные («записные») книги: а) монастырей и пустынь; б) церквей и причта Белозерского уезда и Чарондской округи конца XVII века (Публикация Ю.С Васильева) // Белозерье. Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: ВГПУ, Русь, 2007.- С.115-140; Церковно-исторический атлас Вологодской области/ авт.-сост. Н.М. Македонская / Вологодское Православное духовное училище. – Вологда: Древности Севера, 2007. - Т. I. Списки церквей и монастырей. - С. 19-23.
5. На государственном учете состоят 15 памятников культовой архитектуры (в том числе 2 деревянных) //Фонды Департамента культуры и охраны объектов культурного наследия Вологодской области. Далее при описании некоторых храмов использованы материалы учетной документации, собранной специалистами в 1980-1991 гг.
6. Здесь и далее, когда речь идет о современном состоянии церквей и храмовых комплексов, использованы материалы учетной документации (см. 5) и данные натурных наблюдений
7. *Богословский Н.* Материалы …, 1865. – С. 275-279.
8. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1993. С.97-98.

Золотова О. А.
(Вологда)

МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ЛАНДШАФТЕ ГОРОДОВ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Монастырские комплексы, сохранившиеся в городах можно рассматривать как своеобразный образовательный ресурс при реализации регионального компонента образования в силу сочетания в них целого ряда особенностей. Среди таковых, выступающих как условие для включения этих объектов в образовательный процесс можно назвать:

- Доступность для осмотра и изучения, что важно для организации экскурсионной формы учебного процесса;
- В целом неплохая сохранность большинства элементов монастырского комплекса, которые позволяют увидеть характерную структуру и функционал, как отдельных элементов, так и комплекса в целом;
- Информационная насыщенность, позволяющая рассматривать эти объекты как с позиций любого предмета в рамках регионального компонента отдельно (география, история, экология, культура и т.д.), так и при комплексном изучении;
- Историко-культурная ценность монастырей как объектов наследия позволяет использовать не только информационный, но и их воспитательный потенциал с позиций мировоззренческого, эстетического, нравственного воспитания.

Все вышеназванные особенности можно рассматривать и как условия для использования монастырей в качестве туристского ресурса, хотя возможности их привлечения в этом качестве еще шире.

Не пытаясь оценить монастыри со всех позиций по использованию их как образовательного ресурса в рамках школьных предметов, остановимся на некоторых географических аспектах их привлечения, тем более, что география в силу своей комплексности обладает уникальными межпредметными возможностями. В качестве примера изберем комплексы монастырей, сохранившиеся полностью или частично в исторических городах Вологодской области, а именно в Вологде (Спасо-Прилуцкий), в Тотьме (Спасо-Суморин), в Кириллове (Кирилло-Белозерский) и Великом Устюге (Троице-Гледенский, Михайло-Архангельский, Иоанно-Предтеченский, Покровский).

Старинные монастыри, как правило, характеризуются удивительным сочетанием элементов архитектурной и ландшафтной среды и в город-

ском пространстве играют важную роль. Так как монастыри нередко давали начало городу, в их расположении ярко проявляются условия выбора участка для строительства: безопасность, доступность, привлекательность, ресурсы.

Сочетание водных объектов с некоторыми формами рельефа является наиболее благоприятным в выборе места. Высокие берега и обширные террасы долин оптимальны с точки зрения безопасности и защиты от врагов. Но такой выбор места объясняется не только утилитарными потребностями. Человек довольно рано научился ценить и использовать особенности рельефа для создания неповторимых ландшафтно-архитектурных композиций.

Из предлагаемых примеров в Вологодской области видим, что Кирилло-Белозерский монастырь расположен на берегу озера в системе древнего водно-волокового пути, Спасо-Суморин и Троице-Гледенский в месте слияния рек, Покровский в месте впадения ручья в судоходную реку, и Спасо-Прилуцкий – в излучине реки. Только Михайло-Архангельский и Иоанно-Предтеченский в Устюге не подчиняются этой закономерности, но в них мы можем увидеть другие особенности.

Монастыри нередко входили в оборонительные системы городов и выполняли функции отдельно стоящих крепостей. Такие монастыри всегда сочетали религиозную и оборонительную функции, что отражалось и в их размещении и в архитектурных особенностях. Обнесенные мощными стенами с укрепленными башнями, готовые дать отпор неприятелю, они занимали ключевые позиции чаще всего в окрестностях города. Расположенные на некотором расстоянии от города, они маркировали основные дороги и линии связей города. Собственно крепостные комплексы в вологодских городах мало сохранились. Но примеры приспособленности монастырей к военной функции можно привести.

Покровский монастырь (так называемое Городище) в Великом Устюге имел скромные размеры, но заложен по всем правилам крепости: на возвышенном мысу, образованном рекой и оврагом и со всех сторон окружен земляным валом и водой. По главной сухопутной дороге из Устюга на Красноборск еще два укрепленных монастыря – Михайло-Архангельский и Иоанно-Предтеченский. Нижняя излучина Сухоны отмечена Троице-Гледенским монастырем. Для всех монастырей характерно наличие крепостных стен с башнями, но эти укрепления сохранились не полностью.

Не случайно положение в Вологде Спасо-Прилуцкого монастыря, игравшего роль своего рода форпоста на подходе к городу с севера и запада. Его стены с башнями хорошо сохранились.

В окрестностях Тотьмы только один монастырь мог исполнять оборонительную функцию – основанный в трех километрах от Тотьмы, на невысоком холмистом мысу между речками Ковдой и Песьей Деньгой Спасо-Суморин монастырь.

Среди всех монастырей Вологодской области Кирилло-Белозерский отличает то, что он не входил в оборонительную систему города как одна из многих составляющих, а являлся мощнейшей на Севере крепостью с двумя крепостными стенами – внешней и внутренней.

Расположение культовых ансамблей городов было подчинено традиционным для древнерусского градостроительства композиционным приемам. Исключительное значение придавалось оформлению главных подступов к городу за счет размещения монастырей и приходских церквей близ основных речных путей и сухопутных дорог. Кроме того, для отдельных ансамблей всегда выбирались возвышенные и наиболее красивые места, что обеспечивало наилучшую видимость архитектурных памятников, а также богатство и выразительность общих перспектив.

Природные особенности древних городов Вологодской области разнообразны, но разнообразие условий только подтверждает общие закономерности в формировании ландшафтно-архитектурных силуэтов городов и размещении в них монастырей. Для Великого Устюга определяющим фактором для силуэта города была и остается река Сухона и особенности строения ее долины, на террасах которой и сложился город. Размещение монастырских комплексов на террасах работает на формирование общего силуэта города. Михайло-Архангельский монастырь на бровке второй террасы и Иоанно-Предтеченский на бровке четвертой отлично просматриваются с реки и углубляют перспективу силуэта города. Троице-Гледенский на высоком уступе в месте слияния Сухоны и Юга хотя и значительно удален от города, но отлично виден и сам является «точкой любования» Устюгом.

Тотьма расположена в среднем течении Сухоны, занимает обширную излучину, выработанную рекой в высоком левом берегу. Вторая терраса в западной части города прорезается впадающей в Сухону слева рекой Песья-Деньга. Большая часть города занимает третью озерно-ледниковую террасу, уступ которой очень хорошо выражен. Величина уступа около 15 метров. Таким образом, в качестве ландшафтной основы силуэта города выступают две ступени рельефа, образующие своеобразный амфитеатр, открывающийся на юго-запад вверх по течению Сухоны. Спасо-Суморин монастырь стоит на второй террасе и, при приближении к городу по Вологодской дороге, создает передний план для целого ряда приходских церквей, расположенных на самой бровке третьей.

Вологда расположена на границе двух ландшафтных районов. С юга и запада территория города лежит в пределах возвышенности, а на севере и востоке – в пределах низины. Долина реки Вологды, образующей в пределах города несколько излучин, служит своеобразной границей между ними и является главной планировочной осью города. Три излучины и террасы создают основу визуального раскрытия ландшафта с нескольких точек. Спасо-Прилуцкий монастырь, отмечающий северную излучину, отлично виден из центральной части, несмотря на то, что удалее более чем на 4 километра и встречает тех, кто движется к городу с севера и северо-запада. Несколько столетий назад этот ракурс был гораздо эффектнее, так как тогда монастырь раскрывался на активно используемую кирилловскую дорогу.

Ансамбль Кирилло-Белозерского монастыря панорамно раскрывается на Сиверское озеро и Северо-Двинский водный путь и сам является главной доминантой в силуэте города.

Еще одна интересная особенность монастырских комплексов удивительным образом работает на создание неповторимых силуэтов, как самих монастырей, так и городов, в чей силуэт они входят как составные части. Это то, что территория монастыря не является какой-то правильной фигурой в геометрическом смысле, а встраивается в рисунок ландшафта. Такой своеобразный план монастыря закрепляется стенами, которые часто укреплены башнями, украшены надвратными церквями. Несимметричные стены по-разному «раскрываются» в разных направлениях и открывают взору всякий раз новые силуэты. Из рассматриваемых нами примеров, наиболее яркими в этом смысле являются Спасо-Прилуцкий в Вологде и Кирилло-Белозерский монастыри.

К вышеназванным чертам монастырских комплексов, которые могут быть привлечены в учебном процессе, можно добавить еще некоторые:

- участие монастырей в освоении и хозяйственном развитии территории в рамках курса истории (но это нельзя оценить визуально во время экскурсии);
- архитектурные особенности в рамках курса культуры края;
- агротехнические особенности монастырского земледелия в рамках курса экологии края.

В рамках любого предмета в условиях регионального компонента монастырские комплексы могут быть интересными и поучительными объектами для изучения и этим нельзя не пользоваться. Но, по нашему мнению, максимальный образовательно-воспитательный эффект может быть достигнут при максимально комплексном рассмотрении этих интересных объектов.

Лескова Г. А., Курбанова Д.Х.
(Санкт-Петербург)

МОНАСТЫРИ КАК ОБЪЕКТ ТУРИСТСКОГО ИНТЕРЕСА. ЭТИКА ПОСЕЩЕНИЯ МОНАСТЫРСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ

В настоящее время многие монастыри являются объектами туристского интереса, а религиозная мотивация туристов способствует развитию культурного туризма, как в мире, так и в России. Исключительное место монастыри России занимают в российском внутреннем и въездном туризме. Происходит это во многом благодаря комплексной ценности монастырей – как духовной, так и материальной. По данным Всемирной туристской организации свыше 200 млн. человек ежегодно совершают паломничество. История посещения паломниками святых мест исчисляется тысячами лет. После принятия христианства паломничество приняло массовый характер. В XIX веке благодаря развитию туристской индустрии, ответственной за организацию религиозных туров и за знакомство туристов с их нормативно-этической стороной паломничество обретает организованные формы.

Современный массовый характер посещения православных монастырей объясняется массовым интересом путешественников к монастырю как духовно-просветительскому центру, как к особому типу природопользования, обладающему неповторимым и своеобразным характером взаимодействия культурной и социальной среды монастыря с его природным окружением. Посещение туристами монастыря можно рассматривать как факт формирования экологической культуры посетителей.

Термин «*туристский интерес*» служит краеугольным понятием туристики как научной основы туризма. Туристский интерес к монастырю можно рассматривать как интерес к уникальным природным, культурным и социальным ресурсам посещаемого места. Туристский интерес понимается как эмоциональное проявление познавательных потребностей человека. Заинтересованный человек чувствует интерес-возбуждение. У индивида, испытывающего эту эмоцию, существует желание исследовать, вмешиваться, расширить опыт путем включения новой информации и подойти по-новому к объекту, возбуждающему интерес. При интенсивном интересе человек чувствует себя воодушевленным и оживленным. Именно это оживление обеспечивает связь с познавательной и двигательной активностью. Начиная со второй половины XX века, представители различных наук стали определять интерес, как осознанную потребность [1]. Потребность - это вид функциональной или психологической нужды или недостатка какого-либо объекта, субъекта, индивида, социальной группы, общества. побудителями и мотивацией активности. Различают потребно-

сти: по объекту потребностей: материальные, духовные, этические, эстетические и др. Потребность понимается как динамическое состояние повышенного напряжения, которое «толкает» человека к определенным действиям. Для того чтобы потребность получила роль движущей силы поведения людей нужен пусковой механизм или мотив, т.е. необходимо соотнести потребность с предметом, который может ее удовлетворить. Мотив – это то, ради чего совершается действие. Набор потребностей относительно ограничен, но уникальность и неповторимость личности определяется непохожестью мотивов, которые заставляют человека действовать. Мотивация – обоснование предмета для удовлетворения потребности. Закономерность процесса потребления заключается в том, что потребитель стремиться максимально удовлетворить свои потребности, т.е. извлечь максимальную полезность за те же деньги, т.е. в пределах своего дохода. Для оказания рекреационных услуг необходимо исследование потребностей и мотивов туриста. Чтобы систематизировать туристские мотивации и определить место монастыря среди выбранных туристом предпочтений, необходимо рассмотреть рекреационные потребности и мотивы. Рекреация является процессом восстановления психофизического баланса индивида, что предполагает: восстановление гармонии внутренних процессов жизнедеятельности человека; обеспечение гармонии человека с внешней средой. Отсюда строится иерархия рекреационных потребностей: физиологические (потребности в отдыхе, в питании, в физических упражнениях, в сне и т.д.); сексуальные потребности; экзистенциональные (потребности в физической, экономической, социальной безопасности отдыха); социальные потребности (в общении, в социальном комфорте, принадлежности к определенным кругам и т.д.); самореализация и самоуважение (экстремальный туризм); духовные потребности (религиозный туризм, культурный туризм, музейный туризм, арт-туризм).

Иерархичность рекреационных потребностей и их дифференциация по различным группам населения означает, что существуют различные стереотипы рекреационного поведения людей. На этой основе формируются туры и различные виды дополнительных туристских услуг. Во многих программах культурного туризма посещение монастырей предлагается в качестве одного из посещений в числе других памятников культурного наследия или в виде дополнительной услуги.

Побудить человека посетить монастырь могут: турагент, продающий тур и обсуждающий с клиентом программу предстоящей поездки, в том числе и возможности услуги «свободное время»; турлидер, сопровождающий на маршруте туристскую группу, экскурсоводы, работающие с туристской группой в процессе пребывания в различных городах, реклама, встречающаяся туристу на пути его следования. Выбор туристского продукта в целом и отдельных его составляющих происходит на основе моти-

вации. Она определяет время, продолжительность, направление, вид, затраты и другие аспекты туризма.

Разнообразие туристских мотивов породило более 350 видов туризма. В основе туроперейтинга в области культурного туризма, который практически не может существовать без посещения монастырей, должна лежать систематизация туристских мотивов.

Исследователи отмечают, что в современном туризме, особенно в таких его видах, как культурный, событийный, этнографический, духовно-просветительский, религиозный, одной из ключевых мотиваций путешественников является потребность в общении с представителями местных аутентичных культурных сообществ. Понятие «аутентичность»[1] отражает ожидания туристов, связанные с переживаниями удивления, потрясения, восхищения, восторга от открытия нового. Вступление в подлинно человеческие, неформализованные отношения с другими участниками туристского события связано с приобретением опыта межкультурного общения с представителями принимающего сообщества. Поиск аутентичной идентичности называется в числе приоритетных целей туристского путешествия.

Религиозный туризм – вид, при котором основная мотивация путешествия связана либо с желанием осмотра, знакомства и основными памятниками религиозной культуры, либо с потребностью в духовном просвещении. Религиозный туризм развивается в нескольких формах: паломничество, экскурсионный туризм религиозной тематики, научный туризм с религиоведческими целями, миссионерство.

Паломничество в туристике понимается как разновидность религиозного туризма, совершаемого верующими людьми разных конфессий по святым местам с целями поклонения святому месту, храму, религиозным реликвиям; с целью совершения религиозного обряда или участия в таковом; духовного совершенствования, получения благодати, исцеления духовного или физического; совета (к примеру, у старцев, божьих людей); исполнения обета, искупления греха и т.д. [2, стр. 204] Паломничество как путешествие с культовыми целями является одной из самых старых форм передвижений человека по земле. Несмотря на весьма длительный срок существования паломничества, учет пилигримов обычно или не проводился, или не обнародовались его результаты. Превращение той или иной географической точки в центр паломничества объясняется какими-либо связанными с ней историческими, религиозными событиями, памятниками или легендами.

---

[1] **Аутентичность** (др.-греч. αὐθεντικός – подлинный) относится к правильности начал, свойств, взглядов, чувств, намерений; искренности, преданности.

В христианском мире существует множество святых мест в различных районах земли. Но наиболее почитаемые из них находятся в Европе (всего около 6000 посещаемых мест). Объектами внимания со стороны православных христиан являются горные монастыри Греции (Афон), христианские древности на территории Италии, Израиля, древнерусские города Золотого кольца (Москва, Суздаль, Владимир, Ростов Великий, Переяславль-Залесский).

В России издавна было распространено паломничество к святым местам. Сегодня наиболее популярные маршруты религиозного туризма в России – паломничество в Кижи и Валаам, экскурсионные туры по Золотому кольцу. Религиозный туризм может осуществляться не только с паломническими, но и с научными теологическими целями. Поездки специалистов - теологов, как правило, немногочисленны, но нередко продолжительны и расширяют географию религиозного туризма. Поток религиозного туризма представлен также миссионерами и служителями церкви, осуществляющими те или иные контакты.

В целом, любая церковь поощряет религиозный туризм, что часто находит законодательную поддержку у государства, например, в виде охраны исторических памятников, снижения налогов, создания объектов инфраструктуры (дорог, гостиниц). Немало общественных организаций и фондов оказывают разнообразную помощь в организации религиозного туризма. Некоторые туристские фирмы специализируются на паломничестве.

Сегодня монастыри определяют туристскую специализацию целого ряда регионов России, делая их туристскими дестинациями. За некоторыми регионами укрепилась слава монастырских дестинаций. Они обладают колоссальным педагогическим потенциалом, раскрыть который должны туроператоры, ответственные за все составляющие тура, за знакомство не только с памятниками историко-культурного наследия, сосредоточенного в монастырях, с духовной жизнью монастыря, но и с его хозяйственной деятельностью. Православные монастыри, являясь духовно-просветительскими центрами, одновременно имели, как правило, крепкое хозяйство, ориентированное на самообеспечение потребностей монастырской жизни. В то же время хозяйства не были замкнутыми, осуществляли в определенной степени товарообмен. Характер ведения таких хозяйств был многоотраслевым. Монастырь представлял собой единый духовно-хозяйственный организм. Для монастырского типа природопользования характерно:

- единство духовно-хозяйственной организации при приоритете духовности;

- многоотраслевая направленность с развитием как необходимых для материального жизнеобеспечения отраслей хозяйства, так и чисто церковных отраслей;

- развитие разнообразных отраслей на достаточно ограниченнных территориях, в то же время характерна и хозяйственная деятельность за пределами территорий монастырей;

- активное использование в хозяйстве традиционных для региона отраслей;

- бережное отношение к используемым природным богатствам, что определяется самой спецификой христианской жизни.

В обстоятельствах современного состояния российского общества, внезапно попавшего в условия рыночной экономики, особенно актуально знакомство с традициями, возникшими в монастырской жизни в XV-XVI вв. и в определенной степени противостоящими друг другу. Это традиция "нестяжательства" заволжских старцев, духовным лидером которых был преподобный Нил Сорский, и которая проистекала от православного Востока. Она ценила свою независимость от светской власти, была основана на созерцании, умной молитве, труде собственными руками для обеспечения необходимых материальных потребностей. Традиция же "иосифлян" (по имени преподобного Иосифа Волоцкого, который в своей жизни сам являлся образцом "нестяжательности") была тесно связана с интересами государства, укреплявшегося самодержавия, в обеспечении монастырской жизни основывалась на приобретении монастырями земельных владений, получении крупных пожертвований [3].

Монастырская колонизация, начавшаяся со времени татарского погрома, способствовавшая более равномерному распределению населения по территории страны [4], сыграла значительную роль в формировании культурных ландшафтов Русского Севера, определив облик материальной и духовной среды, обусловившей туристский интерес к этому региону.

Официальным документом, способствующим развитие религиозного туризма, являются распоряжения правительств субъектов РФ, заинтересованных в развитии туризма на своих территориях и "Концепция развития религиозного туризма". Однако в данной концепции ничего не говорится о научной, профессиональной подготовке специалистов по религиозному туризму - менеджеров, экскурсоводов, гидов-переводчиков - тех, кто осуществляет непосредственное функционирование и развитие отрасли, что является ощутимым пробелом как системы современного отечественного образования, включая как образование внутри церковных структур, так и рынка религиозного туризма в России. Говоря о быстро развивающемся религиозном туризме в мире и России, важно выявить его потенциал, попытаться предвидеть дальнейшее его развитие с тем, чтобы уже сегодня предпринять важные шаги на пути к оптимизации и развитию

религиозного туризма. Необходимо проработать и внедрить систему образования специалистов по религиозному туризму. Также важно разработать систему тщательного выявления различных типов туристов и самих видов религиозного туризма в их специфики с целью диверсификации. От решения этих вопросов во многом зависит как будущее религиозного туризма, так и туризма в целом как условия развития мира на земле.

Список литературы

1.*Шорохова Т.В.* Проблема определения категории «интерес» в современной отечественной психологии и педагогике// Интернет-журнал "Эйдос". - 2004. - 5 декабря.

2. Туризм, гостеприимство, сервис**: с**ловарь-справочник/ Г. А. Аванесова, Л. П. Воронкова, В. И. Маслов, А. И. Фролов; Под ред. Л. П. Воронковой. – М: Аспект Пресс, 2002.– 367 с.

3.*Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум -М, 2004.-320с.

4**.** *Колич А.И.* Русские монастыри: история и культура. М.,2001.-366с. Еремина Т. Мир русских икон и монастырей. М.: Наука, 1997.-602с.

Лескова Г.А., Кискина Ж.А.
(Санкт-Петербург)

МОНАСТЫРСКИЙ ЛАНДШАФТ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ, СВЕТСКАЯ И ДУХОВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТУРАХ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

В современной отечественной практике туризма особняком стоит туризм молодежный, образовательно-воспитательная направленность которого безусловна. Специфика же туристско-экскурсионной педагогики заключается в том, что самым главным воспитателем в ней является среда – среда посещаемых туристами мест. В недавнем прошлом эта среда рассматривалась с позиций аксиологии, где в качестве объектов туристского показа служили памятники природы и культуры мирового, национального, местного значения. Основной акцент ставился на эстетическом воспитании подрастающего поколения. Сама среда выступала с эпитетом «историко-культурная». Культуре повседневности посещаемых мест уделялось мало внимания, а в экскурсионной деятельности социальная среда, где носителем культуры повседневности являлся современный человек как представитель той или иной субкультуры, не рассматривалась вовсе. В современных -рыночных - условиях существования туристско-экскурсионной сферы акцент переносится с историко-культурного памятника и его окружения на туриста как потребителя всего этого окружения, конечно же, в рамках доступного, дозволенного для посещения туристом. Далеко не вся социокультурная среда посещаемого места – города, села, монастыря и т.д., открыта взору туристов. Доступную часть среды мы называем туристской средой. Ту же часть туристской среды, которая пока-

зывается туристу в экскурсии, цель которой – проинтерпретировать её, назовем средой экскурсионной. Экскурсионная среда - это особым образом отобранная, логистически выверенная с точки зрения рационального построения экскурсионного маршрута и выверенная как с эстетической, так и этической точки зрения. При этом принцип избирательности предполагает, что определенные ограничения вводятся в в зависимости от видов туризма, цели и задач каждого конкретного тура, от состава туристов и их интересов. Так, например, посещение кухни ресторана, где питаются туристы, возможно в специальном гастрономическом туре, и не логично в туре историко-культурной направленности.

При посещении той или иной дестинации многие современные туристы стремятся получить наиболее полное представление о ней как о месте жизни её населения. Это становится возможным лишь при научном - «ландшафтном» - подходе к туристским дестинациям, при котором создатели программ туров акцентируют внимание туристов на характере посещаемых дестинаций, их типологических культурных и социальных особенностях. Экскурсионная программа как составная часть культурной программы тура - с её герменевтическими задачами - должна быть построена таким образом, чтобы турист увидел как можно больше объектов экскурсионного показа, отражающих специфику посещаемого места, получил объяснение об его общих и типических особенностях и узнал о специфических чертах, характерных только для данного ландшафта.

Однако культурный ландшафт как вся культура в целом выполняет функцию нормативную, знакомя с нормами поведения человека, диктуемыми данным ландшафтом [8]. Эти нормы турист может непосредственно наблюдать при посещении места, но это не всегда ему удается, если эти нормы сильно отличаются от тех норм, которые приняты в его родном месте. Поэтому во всех видах туризма, для всех туристов как потребителей турпродукта необходимо раскрытие педагогического – образовательно-воспитательного, просветительного, потенциала посещаемого места. Но особенно это важно в турах для молодежи. Актуальность проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи сегодня очевидна. География поездок молодежи сегодня расширилась, экономические возможности для значительной части молодежи увеличились, а проблема воспитания обострилась. Это вызвано быстрой сменой в России последних десятилетий экономических, политических, культурных условий, отсутствием единой идеологической парадигмы, вызвавших деградацию духовной сферы молодых россиян. Президент РАО Н.Д. Никандров, автор работы «Воспитание ценностей: российский вариант» считает, что такое явление "...пережили все страны в переходные периоды, когда одна система ценностей либо сама исчерпала себя, либо насильственно уничтожалась, а другая еще не сформировалась. И чем быстрее и жестче эти изменения вводились, тем

больше ощущались потери в области общественной нравственности» [11]. Проблему духовно-нравственного воспитания молодежи можно решить при целенаправленной и скоординированной воспитательно-педагогической работе семьи, государства, образовательной системы и работы отдельно взятой личности над собой. Такой работе должен содействовать туризм как сфера деятельности по организации молодежного отдыха, досуга, путешествий. Как записано в Манильской декларации по мировому туризму, принятой 10 октября 1980, «молодежный туризм требует к себе более пристального внимания» [10]. В ней говорится, что … «при практике туризма духовные ценности должны преобладать над элементами материального и технического характера.

Однако в последние годы акцент с духовной сущности туризма, о которой записано в Манильской декларации, переносится на коммерческий результат организации туристских поездок. Значительная часть профессионалов туризма придает значение экономическим исследованиям в области изучения туристской среды и самого туриста как ей потребителя, являющегося одновременно «homo economicus» и «homo sociologicus» [9]. Учитывая ярко выраженный гуманный характер туризма, следует всегда уделять внимание специфическим социальным проблемам самих туристов, будь то иностранные туристы или туристы, путешествующие по своей стране. В своей второй ипостаси «homo sociologicus» турист является потребителем педагогического потенциала туристской среды, изучая её ценности, нормы, правила. В этом потреблении как особом акте коммуникации помимо туриста как потребителя участвует целая «упряжка коммуникаторов»: сама среда - природная, культурная, социум данной среды, её интерпретаторы – реализаторы тура: экскурсоводы. В случае реализации религиозных туров – это как светские участники туроператорской деятельности, так и воцерковленные люди, которые являются неотъемлемой частью монастырского ландшафта как ландшафта социокультурного. В их совместной деятельности по истолкованию монастырского ландшафта важно выделить такие характерные для монастырского типа природопользования черты [1], [6] как:

- единство духовной и материально-хозяйственной организации монастырской деятельности при приоритете духовности;

- многоотраслевая направленность с развитием как необходимых для материального жизнеобеспечения отраслей хозяйства, так и чисто церковных отраслей;

- развитие разнообразных отраслей на достаточно ограниченной территории, - развитие хозяйственной деятельности за пределами территории монастыря;

- активное использование в хозяйстве традиционных для региона отраслей;

- бережное отношение к используемым природным богатствам, что определяется самой спецификой христианской жизни.

Культурный ландшафт, создавшийся в районе монастырей, свидетельствует о приоритете духовного над материальным [7]: основная, наиболее заметная часть такого ландшафта - храмы. Неотъемлемы от таких ландшафтов святые источники, часовни, памятные места. Хозяйственные постройки, поля, мастерские имеют второстепенное значение, хотя они также неотъемлемы от ландшафта. Природная компонента органично сочетается с рукотворными объектами. Монастыри, церкви, часовни, кресты, «святые» рощи, представляя памятники духовного наследия, являются наиболее приметными в системе знаковых мест культурного ландшафта практически любого православного монастыря. Их «сакральная география» может быть описана как многоуровневая система, включающая монастыри, которые являются духовным достоянием всего региона, церкви - кустовые приходы, деревенские часовни и кресты (общинные, обетные), погосты с их надгробными памятниками. Таковы типологические особенности монастырского ландшафта. Количество священных объектов в каждом монастырском ландшафте своё, их местные особенности в значительной степени определяются временем формирования рукотворных объектов.

Насущность введения ландшафтного подхода в туристско-экскурсионную педагогику, в особенности в сфере религиозного туризма, вызвана необходимостью пространственного подхода к туристской среде, к территориальным общностям объектов туристского интереса, когда главным объектом становятся территории. При этом понимание территории подразумевает все многообразие включенных в нее как историко-культурных, так и природных характеристик: памятников, ансамблей, традиционного хозяйства, традиционных форм природопользования. Особый смысл это имеет для монастыря как культурного ландшафта. Культурный ландшафт за последние десятилетия стал предметом повышенного интереса, особенно в России. Работы многих авторов, разрабатывающих представления о культурном ландшафте и применяющих его для решения разных научных и практических задач демонстрируют много общего в его понимании. Это работы Голда [2], Веденина Ю.А., Кулешовой М.Е. [1], 2004, Исаченко А.Г. [4], Каганского [5],[6], Калуцкова В.Н. [7], Николаева В.А. [12], Замятина Д.Н. [3] и многих других.

Согласно принятой типологии все культурные ландшафты подразделяются на три основных категории:

- целенаправленно созданные (clearly defined or designed landscapes),

- естественно развившиеся (organically evolved landscapes), среди которых выделяются субкатегории реликтовых (relict or fossil landscapes) и развивающихся (continuing landscapes) ландшафтов,
- ассоциативные (associatives) ландшафты [1].

Целенаправленно созданные ландшафты представляют наибольший интерес в культурологическом аспекте, поскольку их облик максимально подчинен творческому замыслу их создателей. Сугубо функциональное предназначение отдельных элементов культурного ландшафта всегда сообразуется с их эстетическими качествами. В естественно развившихся ландшафтах природные процессы, в результате длительных, целенаправленных воздействий, претерпевают определенные изменения. Природные компоненты ландшафта адаптируются к этим изменениям, в результате чего формируется ландшафтный комплекс, где сложным образом переплетаются процессы природной эволюции и целенаправленной деятельности.

В случае с монастырями, чья деятельность была прервана в послереволюционной России и возродилась в последние десятилетия, можно сказать, что они обладают особенностями реликтового ландшафта, возрождающегося в последние годы. Реликтовые ландшафты продолжают жить и развиваться, но их расцвет относится уже к истории. Носители культуры, создавшие этот ландшафт, исчезли, а сам ландшафт сохранялся в прежних своих формах и паллиативных функциях усилиями представителей другой культуры, использующих его для своих собственных целей. В России к таким ландшафтам кроме монастырских ландшафтов можно отнести усадебные, дворцово-парковые ландшафты.

Ассоциативные ландшафты могут быть включены в историко-культурное пространство без изменения их естественной ритмики и эволюции, в качестве памятных мест, мест творчества, сакральных местностей и т.д. В ассоциативных ландшафтах культурная составляющая часто представлена не в материальной, а в ментальной форме, по ассоциации объекта с каким-либо феноменом культуры.

Перед теоретиками туристско-экскурсионной сферы стоит задача определения формата ландшафта, являющегося объектом туристского интереса. При этом понимание территории подразумевает все многообразие включенных в нее как историко-культурных, так и социальных и природных характеристик: памятников, ансамблей, традиционного хозяйства, традиционных форм природопользования, характерных для социума, использующего эти природный и культурный ландшафты в своих целях. При этом главная цель экскурсионного показа ландшафта заключается в де-

монстрации единства и тесной взаимосвязи между природным, культурным наследием и социумом, проживающем в данном ландшафте.

Колоссальный педагогический потенциал монастырских ландшафтов и актуальность его раскрытия в турах для молодежи связана с той ролью, которую православные монастыри сыграли в культурной, политической и хозяйственной истории Руси, России. В нашей стране – как, впрочем, и в других странах христианского мира – обители монахов всегда были не только местами молитвенного служения Богу, но и центрами культуры, просвещения; во многие периоды отечественной истории монастыри оказывали заметное воздействие на политическое развитие страны, на хозяйственную жизнь людей. Особенно актуально это было для северо-западных регионов нашего государства. На протяжении XV и XVI столетий лесистый север страны покрывался сетью крупных монастырских хозяйств, около которых постепенно оседало крестьянское население. Так начиналось хозяйственное освоение огромных пространств. Оно шло одновременно с широкой просветительской и миссионерской деятельностью монастырей.

Мы знаем, что один из главных христианских принципов - это лествица духовного восхождения. Этот принцип, перенесенный на всё современное российское общество, означает, что наша задача - это создание страны с развитой справедливой социальной системой, где будут учтены интересы каждого. Вместе с тем, мы должны понимать, что живем в обществе, которое очень далеко от христианских идеалов. Но внешние условия важны для нашего внутреннего духовного развития, когда человек имеет возможность зарабатывать на достойную жизнь, имеет возможность спокойно растить детей, имеет гарантию на медицинское обслуживание и образование и т.д., всё это очень важно. Это создает стабильность в жизни человека и помогает его духовному развитию. Мы не можем жить, подобно аскетам древности, это очевидно, но и не хотим жить только для себя. Мы хотим жить для своей души, для семьи, для страны, сочетая на рациональных началах духовное и материальное. Научить этому могут православные монастыри. Являющиеся духовно-просветительскими центрами, они одновременно имеют, как правило, крепкое хозяйство, ориентированное на самообеспечение потребностей монастырской жизни. В то же время хозяйства не являются замкнутыми. Характер ведения многих хозяйств был и является многоотраслевым. Общеизвестны факты прекрасной организации хозяйства монастыря. Православные ценности занимают в современном мире все более заметное место. Повсюду наблюдается всплеск интерес к нашей отечественной культуре и духовности. Это во многом обусловлено тем, что Россия, самое большое православное государство в мире, пере-

живает новый религиозно-духовный подъем, связанный с национально-политическим возрождением. Особенно очевидным это становится на фоне секулярных процессов, нарастающих на Западе.

Выявление, типология, описание и представление культурных ландшафтов, в том числе монастырских требует специальной научно-методической проработки. Для туристско-экскурсионной практики, в том числе практики педагогической, крайне необходимы разработка стандарта описания культурного ландшафта на основе его главных формализованных признаков, построение формата описания культурного формата для его представления в общей структуре российской сети культурного наследия.

Необходимо предпринять целый ряд шагов в сфере защиты, сохранения и воспроизводства отечественной духовной культуры, воспитания у подрастающего поколения уважения к национальным, духовно-нравственным ценностям народов России. Всем известно, что знакомство и закрепление ценностных установок происходит в обществе через систему образования и средства массовой информации. Туристскую сферу можно и нужно рассматривать как социальный институт, выполняющий воспитательную функцию по отношению к туристам. Туризм должен стремиться к обеспечению присутствия ценностного измерения применительно к путешествию и посещаемым местам. Если мы хотим построить сильную Россию, мы должны опираться на ценности, которые являлись фундаментом народной жизни на протяжении тысячелетия. Для этого наши сограждане, в первую очередь, молодежь и дети, должны свободно приобщаться к родной религиозной традиции. Религиозный туризм и все подвиды культурного туризма, в программы которых входит посещение храмов, монастырей способствует этому. Сегодня часто говорят о конфликте цивилизаций или культур, а на самом деле мы имеем дело с конфликтом подходов, один из которых основан на религиозном восприятии мира, а другой – на нерелигиозном. Для православных христиан очевидно, что человеческое достоинство нельзя себе представить без его религиозно-духовного и нравственного измерения. Но у многих россиян существует устойчивое мнение, что именно безрелигиозный и нравственно нейтральный подход сможет наиболее универсально выразить все чаяния человечества и нивелировать различные противоречия в мире. При этом забывается, что религиозное и нравственное измерение человеческой жизни являются универсальными и характерными для всех народов.

Религиозный подход придает большое значение общественной роли религии, а также выступает за сохранение единой нравственной системы в обществе. Именно с учетом этих положений сегодня необходимо разви-

вать религиозный туризм. Русская Православная Церковь сегодня находится в процессе выработки всеобъемлющего подхода к правам человека. В 2006 году в Москве проходил саммит мировых религиозных лидеров. Дискуссии, которые развернулись на этом форуме, показали, что, несмотря на существующие различия, религиозные деятели признали важную роль религии в обществе и констатировали близость фундаментальных нравственных норм основных мировых религий. Именно на основе традиционной нравственности, уважения к социальным моделям и образу жизни друг друга сосуществовали различные религиозные традиции в России, никогда не знавшей религиозных войн. Демонстрировать эти ценности должны туры для молодежи.

Список литературы

1. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2001. – № 1. – С. 7–14.
2. *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.
3. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.
4. *Исаченко А.Г.* О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Известия РГО. 2003. 135. №1. С. 5-16.
5. *Каганский В.Л.* Ландшафт как земное тело человека и его герменеврирование // Логос живого и герменевтика телесности. Постижение культуры: Ежегодник. Вып. 13-14. – М.: Академический Проект; РИК, 2005.
6. *Каганский В.Л*. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001, вып.2., с. 3 – 18.
7. *Калуцков В.Н., Красовская Т.М.* Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 5. География. – 2000. – № 4. – С. 3–6.
8. Культурное пространство путешествий. 8-10 апреля 2003 г. Тезисы форума. – СПб., Центр изучения культуры: 2003 г. – 350 с.
9. *Лескова Г.А*. Тур как процесс потребления туристами иной социокультурной среды(статья) //Сервису и туризму – инновационное развитие: Материалы II Международной научно-практической конференции: Санкт-Петербург, 08 июня 2010г. СПб.: ЛГУ им.А.С. Пушкина. 2010.- С.194-201.
10. Манильская декларация по мировому туризму. всемирная конференция по туризму10 октября 1980 http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33268.html
11. *Никандров Н.Д.* "Духовные ценности и воспитание в современной России ”- Педагогика.-2008.- № 9. - с. 3 (статья).
12. *Николаев В.А.* Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестник МГУ, сер. географ., 2000, № 6. – с. 3-8.

Иванова Р.А.
(г. Кохтла-Ярве, Эстония)

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ШКОЛЫ. РАЗВИТИЕ ИДЕИ ВОЦЕРКВЛЕНИЯ ШКОЛЫ В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Когда человек счастлив - он щедр,
он стремится быть проводником по прекрасному.
К.Г. Паустовский

Нам довелось жить на переломе эпох, когда за считанные годы в Эстонии, да и во всём мире изменилось очень многое: политика, экономика, мировоззрение людей.

А школа?

Сегодня всё чаще звучат слова о том, что она тоже должна пройти через обновление. Но можем ли мы строить своё будущее без представления о том, какой должна быть завтрашняя школа? Все прежние цели исчезли, а новые очень размыты. Общество меняется на глазах, жизнь человека становится всё труднее, на нём всё больше и больше ответственности.

Ученики стали совсем другими, они по-другому выглядят, по-другому ведут себя, у них другое отношение к учению. Школе нужна новая цель, отвечающая новому времени. Она должна быть реальной и высокой, достижимой и непостижимой, как и всё высокое.

Человек не должен выпадать из жизни, он должен уметь общаться с людьми, понимать законы общества, в котором живёт, принимать жизнь и относиться к ней положительно, находить своё место в обществе. Есть простое слово, которое отвечает и времени, и высоким идеалам, и нашим обычным житейским представлениям о достойном человеке. Это слово – ЛИЧНОСТЬ.

Напрасно думать, что духовность доступна только людям образованным, людям высокой культуры. История всех времён и народов показывает, что именно образованные слои общества, увлекаясь игрою сознания и отвлечённостями ума, гораздо легче утрачивают ту непосредственную силу доверия к показателям внутреннего опыта, которое необходимо для духовной жизни. Ум, порвавший с глубиной чувства и с художественной силою воображения, привыкает обливать всё ядом праздного, разрушающего сомнения и поэтому оказываемся в отношении духовной культуры не строящим, а разрушающим началом. Человек малой «культурности» гораздо более способен прислушиваться к показаниям внутреннего опыта, т.е. прежде всего сердца, совети, чувства справедливости, чем человек хотя бы и большей, но рационалистической культуры. Простая душа наивна и доверчива, может быть, потому она легковерна и суеверна и верит где не

надо, но зато самый дар веры у неё не отнят, а потому она способна верить и там, где надо.

У всех у нас одно небо и одна земля, все мы сотворены по образу и подобию Божьему. Нас должна объединять общая забота о будущем нашего народа, нашей культуры. Православие лежит в основании нашей культуры. Оно ориентировало человека на нравственный героизм, на подвиг, на стремление соотнести себя и всю свою жизнь с высоким идеалом. На всём протяжении исторического существования человека именно православие являлось нравственной основой, духовным средоточием воспитания и образования. И если в школе игнорируется православное наследие, в ней идёт насаждение неоязычества.

Нельзя никого насильно заставить поверить в Бога. Но каждому человеку, каковы бы ни были его убеждения, подабает с благоговением относиться к святыням своих предков, к святыням миллионов людей, живших прежде нас, да и живущих рядом с нами. Вот почему кощунственно произносить с эстрады, с экрана, с учительского места слова о Боге, о Христе, лешённые благоговения и страха Божия. Кощунственно заставлять учеников писать сочинение на тему: «Образ Христа», как прежде писали на тему: «Образ Павла Корчагина».

Православные люди такие же налогоплательщики, как и все прочие, и имеют такие же права на то, что принадлежит всем (в частности, государственная система образования принадлежит обществу, а не государству). В Славянской гимназии (ныне основная школа) налажены добрые отношения с православной церковью. Школа освящена священиком отцом Вячеславом в 1995 году (ныне покойном). Сегодня в приходах Ида-Вмрумаа служат наши бывшие выпускники – отец Андрей (в миру Суслов А.), Сергей Бобыль.

Очень тёплые, прочные связи у школы с Пюхтицким Успенским ставропигеальным женским монастырём, мы низко склоняем головы перед мудрой игуменей матушкой Варварой, именно эти связи позволили педагогам и ученикам школы по другому увидеть православную веру. Мы помогали насельницам монастыря в уборке урожая, здесь на базе монастыря проходили посвящения учащихся в гимназисты.

Благодаря такому тесному сотрудничеству школы и монастыря провели две научно-практические конференции.

Так, в октябре 2002 года с благославления святейшего патриарха Алексия II и Высокопреосвященства Митрополита Таллиннского и всея Эстонии Корнилия, была проведена конференция по проблемам «Духовно-нравственного воспитания школьников Балтии». Участниками были представители духовенства Эстонии, учителя школ Латвии, Литвы, Эстонии, учёные из вузов России, министр народонаселения, дипломаты.

В январе 2007 года прошла международно-научная конференция «Гуманность национальное самосознание в эпоху глобализации». Это был поистине форум славянской педагогики с участием педагогов России, Белоруссии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы. В конференции приняли участие 80 человек: представители духовенства, учителя, учёные, дипломаты, представители местных самоуправлений.

Мы очень хорошо понимаем, что у церкви и школы одна и таже задача-воспитание подрастающего поколения. И поэтому очень важно наше взаимодействие и взаимопонимание. Диалог двух социальных институтов-школы и церкви создают основу для духовного становления человека, диалог науки и христианской культуры позволяет человеку познать в себе благочестие.

Для восточного славянина православие не просто и не столько религия, сколько глубоконравственная и духовная основа жизни. Гармония знаний–переживаний–отношений и составляет то содержание, которое может обеспечить решение трёх задач:

1) Самоутверждение учащегося, как представителя русской православной истории, культуры, ценностей, традиций, уклада жизни.

2) Вступление гражданина в диалог с другими культурами.

3) Включение человека-гражданина русского православного в общецивилизационный процесс.

Семья и национальная культура неразрывны, едины. Мир управляется из Детской и разрушается из неё.

XX столетие стало испытанием и для нашей культуры, и для нашей семьи. Кризис семьи и кризис культуры имеют одну природу-духовную.

Мы свидетели того, как поражённая духовно культура разрушительно влияет на семью, а вырастающие вне семейных традиций поколения отторгают ценности национальной культуры. Сегодня в спасении семьи и культуры уже мало что зависит от политиков или идеологов. Будущее в значительно большей степени определяется направленностью культуры и образования. Выход видится один- вернутьяс к истокам национальной культуры и в творчестве, и в воспитании.

На базе Славянской гимназии был открыт музей славянской культуры, он создан для содействия школе в деле развития духовно-нравственного воспитания учащихся. Музей стал центром славянской культуры, основанной на христианских православных традициях и обрядах. В музее представлены следующие экспозиции:

- православные иконы
- пасхальные яйца
- русские костюмы
- русские ремёсла (гжель, семёновская роспись..)
- посадские платки

- жостовские подносы

Материалы музея позволяют проводить уроки и внеклассные мероприятия со следующей тематикой:

- православные святыни
- православные праздники
- история русского костюма
- мой род -моя семья
- Мы Иваны, помнящие своё родство.

На базе музея проводятся выставки на лучшие рождественнские, пасхальные композиции. В школе обучается 533 ученика. Из них более 350 крещённые в православии. Лекторий для учащихся 1-3 классов («Семь занимательных бесед для детей» автор протоирей Артемий. (Владимиров в миру.) Данный лекторий имеет очень большой позитив в воспитании детей.

Мы убеждены, что только любящий свою родину человек не может не испытывать нравственную ответственность перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут всё множиться и возрастать.

Список литературы

1. Основы православного образования. 29.12.1994 – выступление Его Святейшеств а Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.
2. Материалы конференции «Духовно-нравственное воспитание школьников русских школ Балтии».10-11 октября 2002г.
3. Материалы конференции «Гуманность, национальное самосознание в эпоху глобализации». 25-26 января 2007г.
4. Славянская гимназия. Страницы истории 1965-2008годы.
5. Роза Иванова «Проблемы нравственного воспитания молодёжи». Всемирный технологический университет ЮНЕСКО. Международный сборник «Человек. Общество. Природа» 2011г.

диакон Максим Санников

(Ижевск, Удмуртия)

ТРАДИЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

Процессы, вызванные недавней историей нашей страны, в частности развал Советского государства и вхождение молодой России в постиндустриальное сообщество, предопределили смену вектора и содержания воспитания с коллективистского сознания на формирование свободной, самодостаточной, духовно-нравственной личности.

Нравственная деградация, утрата смысла жизни и культ потребления, подростковая наркомания и алкоголизм – вот современная картина общества и человека, которые свидетельствуют о духовном кризисе и здоровье

личности. Известный русский философ И. А. Ильин пророчески предупреждал, что демократическая Россия может быть построена не на коллективистском обезличивании общества, а на воспитании личности, в которой он видел решающий фактор социального, экономического, культурного развития страны. (1)

Сейчас не кажется странным убеждение, что каждый отдельный человек в своем развитии должен проходить путь, которым шло всё человечество. Если принимать во внимание факт, что религия является значительным фактором в истории развития человечества, многие известные педагоги (верующие и неверующие) сходились в той мысли, что дни человеческой юности должны проходить под влиянием христианства. Великие педагоги человечества Я. А. Коменский, И.Г. Песталоцци, И. Кант, И.А. Ильин, К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, С.А. Рачинский, В.Я. Стоюнин, П.Ф. Каптерев и др., обладая панорамным видением проблем школьного воспитания, признавали необходимость преподавания религиозного образования, а в основе всякого воспитания усматривали обязательное формирование религиозного начала у учащихся.

Воспитание современной молодежи является не только проблемой педагогики, но и переходит границы педагогической науки и становится в настоящее время важнейшей социальной задачей, решением которой обеспокоены и государственная власть, и Русская Православная Церковь. Президент России – В. В. Путин в приветствии XI Всемирному Русскому Народному Собору подчеркнул, что для успешного решения социально-экономических программ государства огромное значение имеет состояние нравственного здоровья общества . Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл в выступлении на Соборе утверждал, что модернизация современной России должна основываться на нравственных принципах общества и определяться через наш духовный и исторический опыт, с помощью которого формируются идеи, приемлемые для людей других традиций.

Православная церковь никогда не рассматривала образование человека в отрыве от его духовно-нравственного воспитания. Принципами православного религиозного образования считались: христоцентричность, педоцентричность, опережение морально-нравственным образованием рационально-информационного, воцерковление учащихся, исполняемость ими заповедей, раскрытие Православия как радостной полноты жизни во Христе.

Рассматривая проблему воспитания молодежи в нашей стране на основе сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, которые только дали обоснования отмены религиозного обучения, «бесполезного и вредного Закона Божия» в рамках и в контексте беспощадной борьбы с Церковью и религией в целом, мы неизбежно замечаем отсутствие целостной концепции

предлагаемой модели в их трудах. К. Маркс и Ф. Энгельс не ставили перед собой такой задачи и были не в силах предугадать контуры будущей школы, в которой должны учить детей коммунизму, основанному на безбожии. Приписываемые им заслуги в разработке законченной теории образования и политически выверенной линии государства в этом отношении являлись плодом воображения комментаторов К. Маркса и Ф. Энгельса, первым среди которых был В. И. Ленин, задавший тон и направление атеистических исследований в нашей стране. Именно поэтому формула «педагогическое наследие Маркса и Энгельса» не наполнена каким-либо конкретным содержанием. Основоположники нового учения лишь декларировали намерения и формулировали принципы и общую линию в отношении школьного образования.

Поскольку свобода совести трактовалась не как действительная свобода вероисповедания, а как безграничная свобода атеизма, то и на практике как мы знаем из истории, осуществлялась политика воинственного атеизма и порабощение религиозной свободы, а на самом деле её утрате.

Понимание личности в отечественной педагогике как духовного феномена, утверждение приоритета духовности в воспитании личности говорят нам о том, что подобные взгляды формировались и развивались как христианско-гуманистическая педагогическая традиция.

Подобная традиция представляет собой передачу новым поколениям некоего духовного идеала, сформированного с позиций христианской антропологии, а также идей воспитания целостной личности на основе христианских заповедей.

Еще Н. А. Бердяев писал, что мир вступил в античеловечную эпоху, характеризующуюся процессом дегуманизации. Современные ученые констатируют углубление и обострение этого процесса. Философ В. Н. Порус, утверждая, что сегодня налицо признаки катастрофы нашей духовной культуры писал, что такая культура тяжело больна. Она страдает не от дефицита средств на культурные мероприятия – размыты или перестали существовать границы, за которыми культура обращается в «посткультурную действительность».

Христианское мировоззрение, исходящее из триединства «тело-душа-дух», не отвергает данных рационального опыта, отдавая в то же время приоритет духовному опыту.

Не верой в сверхъестественное происхождение мира, ввиду ее присутствия практически во всех языческих мировоззрениях, а верой в то, что Бог есть Дух, что дух отличает человека от животного, что человек существует пока он духовен, а мир существует до тех пор, пока духовен человек, – этим определяется сущность христианского мировоззрения.

В нашем мировоззрении главное место занимает осмысление моральных основ поведения и поступков личности, ее отношение к другой личности, к Богу, осмысление ценностей и целей человеческой жизни.

Нравственность накапливает в себе духовную энергию личности и проявляется как движитель всей жизнедеятельности, направленной на формирование личности. Анализируя философию Гегеля как учение о конкретности Бога и человека мы можем согласиться с его утверждением, что сознательно или бессознательно, тайно или явно, но нравственное начало оказывается двигателем всех человеческих дел. Данная теория выражается в том, что законы и нравы имеют значение существенных деятелей, бессознательно проникающих в людские души и обнаруживающихся в их деяниях.

Воспитание на основе православной традиции испытано многовековым опытом русского народа, засвидетельствованным нашими святыми, лучшими людьми Русской земли. Оно сформировало великий народ, создавший могучее государство, великую культуру и литературу, особый неповторимый строй душевной жизни. Русской традиции духовного воспитания было свойственно понимание нравственности как способности и умения отличать добро от зла, стремления к добру и желания творить его.

«Нравственность, – был убежден И. А. Ильин, – должна быть рассмотрена как добродетель индивидуума». В этой мысли И.А. Ильин солидарен с Гегелем во мнении, что «добродетельный человек есть «нравственная личность». Добродетель есть личное настроение, а нравственность, прежде всего состояние внутреннего единства всех форм саморазвития личности, тем самым подчеркивая их органическую, неразрушимую связь, утверждал, что «добродетель невозможна без нравственности, а нравственность неосуществима без добродетели».

Дурная привычка есть «нравственный невыплаченный заем, который в состоянии заморить человека процентами, «парализовать его лучшие начинания и довести до нравственного банкротства». Нравственное достоинство личности осмысливается как основанное на отношении, в котором она находится к благам и бедам, добру и злу. Задача педагога заключается в том, чтобы «развить стремление к добру и, следовательно, любовь к людям, т. е. воспитать сердце». О «сердце» как нравственном метрономе личности писали как В. Я. Стоюнин, так и П. Ф. Каптерев.

Для русской педагогики начала XX века понятие «сердца» было общим, как органа нравственности, вместилища и хранилища образующих ее чувств, как источника нравственных мотивов поведения личности.

«Христианство видит в сердце онтологическое ядро человеческой личности, – писал Н. А. Бердяев, – видит не какую-то отдельную часть человеческой природы, а ее единство». Эту же мысль высказывает Б. П. Вы-

шеславцев: «Сердце, - говорит он, есть символ для выражения предельного, скрытого центра личности, ее сердцевины. Сердце есть символ эмоционального центра, «сердце центральнее ума», «ум стоит в сердце, а не сердце в уме». В Евангелии очень ясно выражено, что сердце есть орган религии, орган, при помощи которого мы созерцаем Божество.

В духовно-ценностной иерархии воспитания молодежи П. Ф. Каптерев не лишал нравственность приоритетности, но – в отличие от своих предшественников, равно как и современников – опасался, как бы не умалялись при этом другие виды и формы воспитания. Каптерев настаивал на комплексности и системности применения всех воспитательных средств и методов, согласованного, синхронного их воздействия на усовершенствование личности. В то же время он предостерегал от завышенной оценки интеллектуального воспитании и умственного образования.

Теоретическая концепция нравственности как духовной субстанции личности, традиционно развитая во взглядах русской педагогике, имеет принципиально важное значение для постсоветской педагогики: на этой основе и в соответствии с христианско-гуманистическим мировоззрением современным учеными и педагогам необходимо моделировать духовный базис личности, которая воспитывалась в условиях демократизации России.

Все это предполагает использование в педагогическом процессе методов, апеллирующих не только к мышлению, но и к эмоциональному миру человека – создающих проблемные ситуации ценностного выбора, диалога и дискуссии, которые обеспечивают духовно-нравственное восприятие явлений жизни и культуры.

Список литературы

1. *Бердяев Н.* Личность и общинность коммюнотарность в русском сознании. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 367
2. *Бердяев Н. А*. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 230–316
3. *Вышеславцев Б. П.* Образ Божий в существе человека // Путь. Париж, 1935. № 49 – С. 380–400.
4. *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / Собр. соч.: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 2. Учение о человеке. – М.: Русская книга, 2002. – С. 608.
5. *Каледа Г.,* прот. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях // Журнал Московской патриархии. 1994. № 7-8. С. 30-31.
6. *Каптерев П. Ф*. Педагогический процесс / Избр. пед. соч. – М.: Педагогика, 1982. – С. 163–231.
7. *Каптерев П. Ф.* Об общественно-нравственном развитии и воспитании детей / Избр. пед. соч. – М.: Педагогика, 1982. – С. 232–257.
8. *Коменский Я.А.* Великая дидактика // Избр. пед. соч.: В 2-х т. Т. I. М.: Педагогика, 1982. С. 242-476

9. *Никинина Н.Н*. Духовно-нравственное воспитание: сущность и проблемы // Педагогика и культура, № 7 - 2008
10. *Порус В. Н.* Обжить катастрофу. Современные заметки о духовной культуре России // Вопр. философии. – 2005. – № 11. – С. 24–36.

11. *Рехневский Ю. С.* Константин Дмитриевич Ушинский. – Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. – М. – Л.: изд-во АПН РСФСР, 1952. – С. 402–429.
12. *Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. Т. 1 / Пед. соч.: В 6 т. Т. 5. / сост. С. Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1990. – С. 528
13. *Шеховская Н.Л.* Духовность нравственного воспитания в русской философско-педагогической мысли: вторая половина XIX - первая половина XX вв.: дис. … д-ра пед. наук. Белгород. – 2007. – С. 360
14. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Соч. Т. 2. С. 344-345.
15. Приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина на XI Всемирном Русском народном Соборе // МОО Всемирный Русский народный Собор (10 октября 2010) URL: http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid=75&binn_rubrik_pl_news=170&binn_rubrik_pl_news=175&PHPSESSID=bc14bfc80f4277401463ef5fe0145567 (дата обращения 20.10.2010)
16. *Алексий (Ридигер),* патр. Духовное образование и духовное воспитание // Православие.ру URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/146.htm (дата обращения 20.10.2010)

Людмила А. Турне
(Стокгольм, Швеция)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ЖЕРТВЫ
(О судьбе русских икон и картин, вывезенных в Швецию)

В запасниках (а если уж говорить прямо – в подвалах) Национального музея Стокгольма спрятана (именно спрятана – от посторонних глаз), наверное, лучшая в Европе коллекция икон, бо<u>л</u>ьшая часть из них – русская. Бывший директор музея Ульф Абельс составил каталог, в котором значится 323 ценнейших иконы. Благодаря финансисту Улофу Ашбергу, передавшему музею 275 (!) икон, многие из которых датируются 1400–1600 годами, Национальный музей Стокгольма занял престижную нишу в «мировой художественной галерее».

То, что шведские музеи обогащались ценностями за счет других стран, – уже давно признанный факт, не требующий доказательств. Вопрос в другом: не пора ли Швеции, разгрузить запасники своего Национального музея от чужих национальных святынь, де-факто не принадлежащих северному королевству. Ведь, по сути, все русские иконы были изъяты из церквей России так называемыми «любителями старины» путями, которые даже с очень большой натяжкой корректными не назовёшь!

Например, «ашбергское пожертвование музею» связано с переворотом 1917 года и с периодом, именуемым ныне богоборческим. Но такая «деталь» как-то незаметно исчезла из памяти шведов (точнее, многим из шведов об этом вообще ничего неизвестно), потому что прошлое России,

её духовные ценности не имеют для них ровным счетом никакого значения. Но, похоже, и россияне, которые должны были бы давно озаботиться этой проблемой, тоже, к великому сожалению, переживают пору беспамятства…

В предисловии к изданной Национальным музеем в 1988 году книге «Русской иконе 1000 лет» бывший директор музея Пер Бьюрстрем пишет, что Улофу Ашбергу во время его пребывания в России «посчастливилось собрать» качественную коллекцию русских икон, как по количеству, так и по значимости. Глагол «собрать» можно вполне классифицировать как эвфемизм или как дипломатическое выражение, что, собственно, в данном случае одно и то же... Я же определяю это, мягко говоря, как преднамеренное лукавство. Не думаю, что господин Бьюрстрем не подозревал об истинном происхождении упоминаемой им «коллекции» и способа её комплектования.

В своей книге об иконах Ульф Абель рассказывает о том, как Ашберг начал скупать иконы на барахолках смоленского рынка в 1920 году. А в последующее десятилетие он отоваривался «специальным антикварнатом, предназначенным на продажу за границу». В данном случае подразумеваются конфискованные иконы и старинные ценности. Поэтому образа огромных размеров и превосходного качества, иконостасы, огромные кресты и тому подобное, переданные Ашбергом Национальному музею, явно отражают сомнительный акт их приобретения. И уж никак они не попадают под понятие «право владения собственностью».

Де-юре выражение «сбыт краденого» тут не подойдет, но оно вполне адекватно формулировке – «сбыт конфискованного». Так что рвение коллекционера, завладевшего чужими – конфискованными – ценностями, а потом «облагодетельствовавшего» ими шведский музей, носит весьма определенный оттенок. Конечно, Ашберг вывозил иконы и сокровища из нашей страны без колебаний: ведь у него было на руках официальное разрешение властей коммунистического режима. Ашберг находился на особом положении как основатель торгового банка (Handelsbanken): он сыграл огромную роль в финансировании тех, кто готовил октябрьский переворот в России. «Я рассматривал мою работу для СССР не как работу, а как доверительное задание, которое я с благодарностью принял», – пишет Улоф Ашберг в своих мемуарах «Рассвет нового времени»

Перед революцией в России было 55173 православных церквей и 1250 монастырей. Только в 1917 году, когда к власти пришел «гегемон», закрылись 94 церкви и 26 монастырей. К концу 1919 года были убиты 60000 настоятелей. В первом номере «Пермской газеты» за 1919 год появился список священников и монахов епархии, казненных большевиками. Против каждого имени стоит свидетельство о самом методе убиения: утоплен, пробуравлен насквозь штыком, забит прикладом винтовки, застрелен и

заморожен, изрублен саблями... А можно прочесть и такое: приговоренный к казни сам копал себе могилу. Причинами уничтожения священнослужителей являлись «преступления проповедования и колокольный звон, а также отказ служить в Красной армии и сражаться против сибирских войсковых отрядов».

В 1921 году было ликвидировано в общей сложности 722 монастыря. По Декрету о конфискации всех церковных имуществ у православных хотели отнять не просто храмы и всё, что им принадлежало, у людей хотели отнять веру. Вольно или невольно, но такие «коллекционеры», как Ашберг, внесли в богоборческую акцию свой весомый вклад и воспользовались ситуацией достаточно цинично.

Защищать «шведское право» на ашбергское «наследство» по причине того, что иконы могли бы быть уничтожены в России – аргумент, который мог бы быть приемлем в 1933 и в 1952 годах, когда Ашберг передавал иконы Национальному музею. Но этот аргумент не проходит сегодня, когда свобода совести в России стала реальностью и никто уже не преследует верующих людей.

То, что шведские музеи за прошедшие столетия обогатились, бесцеремонно заимствуя в «смутные времена» ценности других европейских стран, – это тоже факт известный и легко доказуемый. Но самое удивительное, что шведы воспринимают это как само собой разумеющееся. Что называется: было ваше – стало наше. Однако за пределами Швеции далеко не все смотрят на такое положение вещей как на данность и потому требуют вернуть отнятое у них когда-то, не интересуясь сроком давности.

Пострадавшие от такой скандинавской предприимчивости страны Европы (не все, но некоторые) требуют вернуть то, что принадлежит им по праву!

Святые – то есть веками намоленные! – иконы, почитавшиеся прежде и почитающиеся ныне верующими в России, изъятые самыми разными, но всегда неправедными путями из русских церквей и монастырей во времена тяжелых испытаний для нашей страны, ни в коем случае не должны находиться в подвале шведского музея, как бы солидно ни назывался этот подвал – хранилищем ли, запасником ли. Место русских икон в России.

Из 323 икон шведский музей изредка выставляет на показ лишь 24 иконы. Наверное, из-за боязни «русской революции» в северном королевстве. Опасения сильно преувеличены: русские, живущие в Швеции, или равнодушны к ценностям своей родины, или не подозревают о том, что сложилась такая ситуация, или боятся сказать своё слово в защиту. Ведь многие из них уже укоренились в Скандинавии и не собираются возвращаться домой. Но не о них речь… Для русского православного человека икона – это не картина, не музейный экспонат. Это – святыня...

В общем, проблема здесь (не только юридическая, но и нравственная) – налицо. И она требует решения как важнейшая, на мой взгляд, государственная задача. Однако властные структуры России, которые могли бы начать переговоры с соответствующими департаментами Швеции, безмолвствуют. И эта «немота» – тревожный знак.

А ведь, если бы Национальный музей Стокгольма возвратил России её национальное достояние, то это бы имело широкий резонанс. И тогда музей, потеряв звание обладателя богатейшей коллекции русских икон, приобрел бы не меньшую ценность – уважение и благодарность всех православных людей не только в России, но и во всём мире. А это дорогого стоит. И Швеция, которая много рассуждает о справедливости, демократии и законности, на деле доказала бы свою приверженность этим высоким принципам.

Кому-то может показаться, что это единичное историческое «недоразумение». Тогда вспомним о другом эпизоде, который наверняка не известен широкой общественности… Более подробно о нем можно прочитать в книге Владлена Сироткина «Зарубежные клондайки России», автор которой пытается распутать весьма запутанный клубок…

В мае 1914 года в Мальмё, что на юге Швеции, открылась «Балтийская ставка работ мастеров Швеции, Дании, Германии и России, на которой было свыше сотни произведений: 14 скульптур, а остальные – картины, прибывшие в частном порядке. Созвездие имен! Валентин Серов был представлен 39 работами – разных форматов, пять полотен Василия Кандинского, семь – Кузьмы Петрова-Водкина (среди них и знаменитое «Купание красного коня»), скульптурные работы Конёнкова, Голубкиной и др.

Но через два с половиной месяца, 1 августа 1914 г. вспыхнула Первая Мировая война, Германия и Россия оказались в двух разных воюющих лагерях, и «Балтийская выставка», работа которой намечалась до сентября 1914 г. фактически закрылась. Что стало с художественными ценностями Германии и Дании, осталось неясным, а вот русская картинно-скульптурная выставочная галерея надолго застряла в Швеции.

Нельзя сказать, что в Советской России не озаботились уже тогда, в 20-х годах, судьбой этой коллекции шедевров ценою в несколько десятков миллионов долларов. Первые переговоры через Норвегию еще в 1922–1926 гг. начала первая советская женщина-дипломат Александра Коллонтай, последовательно советник торгпредства, затем торгпред и одновременно полпред СССР в Осло. Однако оставшиеся в Швеции художественные ценности из России интересовали Коллонтай в последнюю очередь – на первое место стало «царское» оружие (винтовки, патроны, снаряды, броневики, аэропланы и т.п.), доставшееся Швеции как посреднице между Антантой и царским правительством, да еще «золотой транш» А.Ф. Керенского на 4 млн. 850 тыс. золотых рублей, отправленный в шведский

Риксбанк на закупки оружия за две недели до октябрьского переворота большевиков.

Шведские власти заняли на этих сверхсекретных переговорах в Норвегии жесткую позицию: оружие и золото они не отдали. Что касается произведений русских художников и скульпторов с «Балтийской выставки», то шведы заявили советскому полпреду: выставка эта частная, Россия как государство в ней не участвовала, а спонсорами «русского павилиона» в Мальмё (транспортировка, страхование и т. д.) выступали частные русские меценаты, из частных собраний картин которых (фабриканта Михаила Рябушинского, сахарозаводчика Михаила Терещенко, московского галерейщика В. Цеккато и др.) и была сформирована в основном русская коллекция в Швеции.

Да и самим контрагентом «русского павилиона», утверждали шведы, выступила не «казенная» императорская Академия художеств, а частный, созданный в 1903 г. Союз русских художников, архитекторов и скульпторов, печатным органом которого стал журнал «Мир искусства».

Действительно, инициаторами сбора картин в «русский павилион» выступили два искусствоведа – шведский доктор Оскар Бьорк и русский реставратор Игорь Грабарь, будущий советский академик. Именно они вдвоем персонально отбирали картины на «Балтийскую выставку» и вели переговоры с художниками и скульпторами в Москве и Петербурге.

И именно они в 1923 году оба появились в Мальмё. Обстоятельства миссии Грабаря до сих пор до конца неясны, хотя сам академик в мемуарах позднее оставил свою версию. Известно, что Грабарь вооружил руководство музея в Мальмё адресами и телефонами русских художников – участников «Балтийской выставки», а также предложил показать часть картин на экспозиции «Русское искусство» в Нью-Йорке весной 1924 г.

Более того, Грабарь лично составил в Мальме список картин для нью-йоркской выставки, а позднее, уже из Москвы, консультировал аукционеров, которые почему-то после закрытия выставки в Нью-Йорке начали распродавать картины без письменного согласия самих художников или их родственников (так, по рекомендации Грабаря из Москвы в Нью-Йорке был продан за 4 тыс. зол. шведских крон эскиз Валентина Серова «В Финляндии»).

Сколько всего незаконно было продано картин в Нью-Йорке из «русского павилиона» в музее Мальмё, пока неясно. Но, судя по материалам, присланным из посольства России в Швеции в Департамент по сохранению культурных ценностей в октябре 2002 г. много – почти половина из 90 выставленных в 1914 г. картин.

Владлен Сироткин сравнил каталог картин «русского павилиона», отпечатанный в мае 1914 г. со «Списком картин русских художников с Балтийской выставки 1914 г., находящихся в художественном музее в г.

Мальмё», с присланным посольством РФ в Стокгольме. Картин осталось удручающе мало: из 39 Валентина Серова – лишь три, из картин Николая Рериха (28) – ни одной, как ни одной и из пяти картин Василия Кандинского.

Но и оставшиеся в музее картины сегодня не экспонируются (правда, весной 2007 года в Мальмё произведения «Балтийской выставки» показали зрителям. – *Л.Т.*): 26 из них упрятаны в запасники музея в Мальмё из-за боязни представителей дирекции быть обвиненными в… воровстве.

Хотя Владлен Сироткин и утверждает в своей книге, что «сегодня Департамент по сохранению культурных ценностей и МИД РФ через посольство в Швеции ведут активную работу по возвращению этих оставшихся перемещенных культурных ценностей из Мальме в Россию», но заметить эту «активность» почему-то практически невозможно.

Хотя дело это очень непростое, совершенно справедливо утверждает далее г-н Сироткин: ведь законы «оккупационного права» и даже конвенции 1970 и 1995 гг. (законы обратного действия не имеют) к Первой Мировой войне неприменимы.

Лишь шведский закон 1937 г. о праве короля Швеции выступить моральным арбитром в этом споре, подкрепленный пиар-акцией в отечественных и зарубежных телевизионных СМИ, может ускорить дело.

И в этой связи трудно переоценить тихую и кропотливую работу наших чиновников из Министерства культуры РФ и музейно-библиотечных работников, который год составляющих и публикующих реестры утраченных в ходе Великой Отечественной войны и ранее культурных ценностей.

Пока же отдельные страны СНГ идут по пути художественного обмена: в апреле 1995 г. Украина вернула Германии одну «трофейную» картину из г. Бремена, а взамен получила 723 редкие украинские книги и подлинник письма Петра I одному из украинских гетманов. Тем же путем пошла и Грузия – вернула одну из немецкоязычных «трофейных» библиотек.

Кстати, на путь двустороннего обмена на уровне музеев вступили еще во времена СССР. Так, с той же «Балтийской выставки» в 1928 г. удалось вернуть две картины Павла Кузнецова, правда, путем «дарения» двух других картин художника музею в Мальмё.

Дирекции Русского музея в Ленинграде много лет спустя после Второй мировой войны удалось выпросить у дирекции музея Мальмё картину Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня», а также знаменитую картину Валентина Серова «Похищение Европы», хотя еще в 1948 г. музей официально отказал Минкульту СССР в возвращении серовских шедевров как «частной собственности семьи Серовых».

Вообще проблема международной правовой базы всего вопроса реституции – одна из основных в спорах о «перемещенных культурных цен-

ностях». Со времен первой Гаагской мирной конференции о «цивилизованных методах» ведения войны, когда впервые было высказано соображение о необходимости международного правового акта по защите культурного наследия, юристы бьются над правовой базой реституции, пытаясь подвести под нее существующие международные акты о защите культурных ценностей. Но это уже другая тема.

Список литературы

1. *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах. – М.: «Вопросы истории» №8, 1993.
2. *Зеньковский С*. Трагедия русского православия. – М.: Родина, 1994.
3. Московский церковный вестник №15, 1989.
4. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995.
5. *Сироткин В.* «Зарубежные клондайки России» [Электронный ресурс] Режим доступа: URL http://fictionbook.ru/author/sirotkin_vladlen/zarubejniye_klondayiki_rossii/read_online.html?page=26

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово архиепископа Верейского ЕВГЕНИЯ 4
Приветственное слово настоятельницы монастыря игумении Филареты 6
Гладкий Ю.Н., Гладкая И.В.
РОССИЯ В ПОИСКАХ ОПЛОТА НРАВСТВЕННОСТИ И МОРАЛИ 8
Рыбаков И.Е.
ДУХОВНОСТЬ КАК ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ 13
Слободнюк Е. Г.
СМИРЕННОМУДРИЕ И РУССКАЯ ПЕДАГОГИКА РУБЕЖА XIX–XX ВВ 17
Ковалевская Е. В.
ДУХОВНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 21
Мальцева Т. В.
МОНАСТЫРСКИЕ СВЯТЫНИ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 24
Мосолов В.А.
ИДЕЯ ВСЕОБЩЕЙ ПЕДАГОГИКИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ 31
Зарецкая А.Ю.
ЛЮБОВЬ КАК КАТЕГОРИЯ СВЕТСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ПЕДАГОГИКИ 36
Белова А. В.
РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ В СВЕТСКОМ ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК КОНЦА XVIII - СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА 40
Фуряева Т. В.
ВОСПИТАНИЕ МИЛОСЕРДИЯ КАК ПОНИМАЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ 45
Комиссарова Т.С., Гаджиева Е.А., Скворцов А.В.
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОСТИ ПОДРОСТКА ИЛИ ОБ ЭКОЛОГИИ ДУШИ 49
Слободнюк С. Л.
ТВОРИМОЕ БЫТИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XX в.: ПРОБЛЕМА СОЗДАТЕЛЯ 55
Леонтьева Т.Г.
РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: «СТАРЫЕ» ИСТИНЫ В НОВОМ КОНТЕКСТЕ 60
Диакон Максим Санников
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ 66
Денисова Д.Н.
ОПЫТ ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ - СИРОТ К ОСНОВАМ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВОЛОНТЕРАМИ 68
Скворцов А.В.
ПРОБЛЕМЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ В НАШИ ДНИ 74

Сухоруков В.Д.
ЕСТЕСТВЕННЫЕ БОГАТСТВА РОССИИ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА 77
Скупинова Е.А.
ДУХОВНОЕ НАПОЛНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (при чтении курса «География Вологодской области») 81
Титова О. В.
МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СЕТИ ООПТ 86
Соколова Е. Н.
ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ В ЛАНДШАФТНО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ БЕЛОЗЕРЬЯ 89
Золотова О. А.
МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ЛАНДШАФТЕ ГОРОДОВ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) 94
Лескова Г. А., Курбанова Д.Х.
МОНАСТЫРИ КАК ОБЪЕКТ ТУРИСТСКОГО ИНТЕРЕСА. ЭТИКА ПОСЕЩЕНИЯ МОНАСТЫРСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ 99
Лескова Г.А., Кискина Ж.А.
МОНАСТЫРСКИЙ ЛАНДШАФТ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ, СВЕТСКАЯ И ДУХОВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТУРАХ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ 104
Иванова Р.А.
ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ШКОЛЫ. РАЗВИТИЕ ИДЕИ ВОЦЕРКВЛЕНИЯ ШКОЛЫ В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 112
диакон Максим Санников
ТРАДИЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ 115
Людмила А. Турне
ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ЖЕРТВЫ (О судьбе русских икон и картин, вывезенных в Швецию) 121
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 130

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений, архиепископ Верейский, викарий Московской епархии (Решетников Валерий Германович) – профессор, кандидат богословия, ректор Московской духовной Академии и Семинарии, председатель Учебного комитета при Священном Синоде РПЦ, член общественной палаты Центрального Федерального округа;

Игумения Филарета – настоятельница Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря;

м. Сергия (Комиссарова Татьяна Сергеевна) – д.п.н., профессор, – исполнительный директор конференции;

диакон Максим Санников – магистрант РГПУ имени А.И.Герцена, клирик Свято-Троицкого собора г. Ижевска, Зам. Руководителя Отдела религиозного образования и катехизации Ижевской и Удмуртской епархии (Ижевск);

Баринова Ирина Ивановна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой методики обучения географии МИОО, гл. редактор научно-методического журнала «География и экология в школе XXI века» (Москва);

Белова Анна Валерьевна – д.и.н., профессор, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета (Тверь);

Гладкий Юрий Никифорович – член-корреспондент РАО, д.г.н., профессор, зав. кафедрой экономической географии РГПУ имени А.И. Герцена, член Союза писателей России (Санкт-Петербург);

Гладкая Ирина Владимировна, к.п.н., доцент, докторант РГПУ им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург);

Гаджиева Елена Анатольевна – к.г.н., доцент, зам декана ф-та СКСиТ ЛГУ имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург);

Денисова Дарья Николаевна – к.п.н., доцент Удмуртского государственного университета (Ижевск);

Зарецкая Алена Юрьевна – к.п.н., доцент Тверского государственного университета (Тверь);

Золотова Ольга Акиндиновна – к.г.н., доцент кафедры географии Вологодского государственного педагогического университета (Вологда);

Иванова Роза Андреевна – к.п.н., доктор философии, член-корреспондент АПСН, учитель географии Славянской основной школы г. Кохтла-Ярве, (Эстония);

Кискина Жанна Артемовна – магистрант кафедры туризма и социально-культурного сервиса СПбГУКИ (Санкт-Петербург);

Ковалевская Елена Витальевна – д.п.н., профессор, генеральный директор Учебно-педагогического комплекса «Лингво-психологический колледж «Лингвастарт» (Москва);

Курбанова Дилара Хусановна – магистрант кафедры туризма и социально-культурного сервиса СПбГУКИ (Санкт-Петербург);

Леонтьева Татьяна Геннадьевна – д.и.н., профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета (Тверь);

Лескова Галина Андреевна – к.э.н., доцент, зав. кафедрой туризма и социально-культурного сервиса СПбГУКИ (Санкт-Петербург);

Мальцева Татьяна Владимировна – д. филологических н., проф., проректор ЛГУ имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург);

Мосолов Вячеслав Андреевич – д.п.н., к.ф.н, профессор кафедры педагогики ЛГУ имени А.С.Пушкина (Санкт-Петербург*);*

Романов Михаил Валентинович – президент Фонда содействия развития науки, образования, культуры и реализации социальных программ «Северная столица» (Санкт – Петербург);

Рыбаков Иван Емельянович – учитель физики, депутат Сейма Латвийской республики (Рига, Латвия);

Семикин Виктор Васильевич – д.п.н., профессор, декан психолого – педагогического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, исп. директор Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «ПОКРОВ» (Санкт-Петербург);

Скворцов Александр Владимирович – аспирант кафедры педагогики ЛГУ имени А.С. Пушкина, учитель воскресной школы (Санкт-Петербург);

Скупинова Елена Алексеевна – к.г.н., профессор кафедры географии Вологодского государственного педагогического университета (Вологда);

Слободнюк Елена Геннадиевна – к.п.н., доцент кафедры педагогики Магнитогорского государственного университета (Магнитогорск);

Слободнюк Сергей Леонович – д. философских н., д. филологических н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой современной русской литературы Магнитогорского государственного университета (Магнитогорск);

Соколова Екатерина Николаевна – к.г.н., доцент кафедры географии Вологодского государственного педагогического университета (Вологда);

Сухоруков Вячеслав Дмитриевич – д.г.н., профессор, зав. кафедрой методики и пед. технологий РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)*;*

Титова Оксана Владимировна – ст. преподаватель Вологодского государственного педагогического университета, аспирантка НИИ Наследия (Москва - Вологда*);*

Турне Людмила Александровна – Глава общества «Русский Салон» в Стокгольме (Стокгольм, Швеция);

Фомичев Дмитрий Иванович – вице-президент Фонда «Новомучеников и исповедников Российских» (Москва);

Фуряева Татьяна Васильевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой социальной педагогики и социальной работы Красноярского Государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск)

Для заметок

ПЕРВЫЕ ПЮХТИЦКИЕ ЧТЕНИЯ

Взаимодействие светской и духовной культуры

Материалы международной научно-практической конференции

11–12 декабря 2012 года

Печатается с готового-оригинал макета

Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8. Тираж 50 экз. Заказ № 224

197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а